

опустошитель
[иверсия курутьлы]

#26
прогресс

Журнал «Опустошитель»
#26. Прогресс
Москва, декабрь 2018
240 страниц

Главный редактор Вадим Климов

Декабрьский номер «Опустошителя», 26-й по счету, развенчивает глупый и тоскливый конструкт прогресса всеми возможными способами.

От Мартина Хайдеггера до Евы Рапопорт,
от Алена де Бенуа до Жюли Реше,
от Луи-Фердинанда Селина до Душана Маккавеева,
от Эрнста Юнгера до Миши Вербицкого,
от Эдуарда Лимонова до Маруси Климовой.

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2018
<http://pustoshit.com>

журнал

Опустошитель

#26. Прогресс

Ален де Бенуа
Артур Вафин
Миша Вербицкий
Ислам
Душан Маккавеев
Вадим Климов
Маруся Климова
Эдуард Лимонов
Михаил Лифшиц
Дмитрий Никитин
Ева Рапопорт
Жюли Реше
Луи-Фердинанд Селин
Герман Тоннесен
Мартин Хайдеггер
Роман Шорин
Эрнст Юнгер

**Москва
Декабрь 2018**

Разумный невежда

Вопреки распространенному мнению, которое так любит апеллировать к здравому смыслу, абсурд — не нечто внешнее, а обязательная составляющая мышления.

Его проявления разнообразны и покрывают собой все пласты человеческого существования. Абсурдность проявляется повсеместно, затрагивая всю линейку эмоциональных регистров: от комического до трагического.

Чем глупее индивид, чем уже его кругозор и тривиальнее познания, тем с большей самоотверженностью он отстаивает “здравый смысл”, “логику” и “рациональность”. По большому счету, такой индивид не видит между ними никакой разницы, для него это синонимы дхармы “поступай правильно”.

Социализация “разумного невежды” часто заключается лишь в нескончаемом удивлении, почему окружающие ведут себя так глупо.

Однако жизнь самого невежды наполнена диковинными затруднениями, которые он не в силах объяснить, кроме как самым абсурдным образом. Но ведь, с его точки зрения, и мир абсурден, значит, можно списать все на нелепость.

Если вы попытаетесь предложить “разумному невежде” логичное объяснение его неурядиц, он отвергнет его, не дослушав. Ощущение абсурдности такросло в сознание бедолаги, что без нелепости ему уже не обойтись. Это как обязательный наркотик, смазывающий колесо существования.

Однажды какой-то советский инженер, случайно оказавшийся в квартире, где Юрий Мамлеев читал свой новый рассказ, возмущился и воскликнул, что автор не достоин даже кусать его туфлю, не то что заниматься литературой.

— Почему же не достоин? — удивился Мамлеев и, встав на четвереньки, укусил инженера за туфлю.

Подобным образом поступает и «разумный невежда», знакомясь с веской убедительностью чужих объяснений. Он отвергает их в пользу собственного абсурдистского мирка, спокойного и невозмутимого, как заброшенная паутина.

Стоит признать, что “здравый смысл” всегда был костылями для ментальных инвалидов. Кому он еще нужен... Но упорствуя в “здравом смысле”, окружая себя панцирем с торчащими наружу костылями, индивид утрачивает способность к здоровым суждениям, оценивает расточительные движения здоровых людей с позиции калеки.

В объяснениях невежда больше не нуждается. Он свыкся с крошечной тьмой мира, его непреодолимой абсурдностью. И на каких бы тривиальных препятствиях ни спотыкался, невежда будет всегда искать самое дикое, ничему не соответствующее объяснение.

Так завершается путь “здорового смысла”, который приводит невежду в тесный темный сарайчик прогресса. “Разумный невежда” стоит здесь день и ночь, словно лошадь, и бестолково моргает. Отныне ему понятно, что непонятно ничего.

Декабрьский номер “Опустошителя”, 26-й по счету, развенчивает глупый и тоскливый конструкт прогресса всеми возможными способами.

От Мартина Хайдеггера до Евы Рапопорт,

от Алена де Бенуа до Жюли Реше,

от Луи-Фердинанда Селина до Душана Маккавеева,

от Эрнста Юнгера до Миши Вербицкого,

от Эдуарда Лимонова до Маруси Климовой.

п р о з а

Каприз Ислама Дитя

Роман Полански — Ребенок Розмари

«Здравомыслие — маленькая коробка, безумие же все»
Чарльз Мэнсон

6

Он по-прежнему лежал на скамейке лицом к стене. Занимал дальний угол столовой. Глаза были закрыты, а овальный рот распахнут наполовину. Слюна, стекающая по щеке с нижней губы, образовала лужицу рядом с его ухом. Как и на всех прочих, на нем были надеты резиновые сланцы черного цвета на размер больше. От других он отличался одеждой. Прочие носили местную форму. Он же был в шортах и в футболке. Ему было запрещено надевать блузу и брюки, которые выдавались остальным пациентам. В приступе агрессии он засовывал руки промеж ног и рвал ткань одной из штангин. Каждые два-три дня ему приходилось переодеваться. Менял грязное на чистое. В отличие от других он делал это чаще — не раз в неделю после приема душа, а всякий раз, когда мочился во сне. По этим причинам он носил только те вещи, которые приносила его мать. Два-три раза в месяц по утрам она навещала его, забирала пакет с грязным бельем, передавала через санитаров чистую одежду. В общей сложности его гардероб состоял из шести-семи комплектов одежды далеко не первой носки. Если мать приносила с собой еду для сына, как правило, эта еда выходила наружу неестественным образом ближе к вечеру, минуя унитаз.

Он был вторым и последним ребенком в семье. На пятом месяце была угроза выкидыша, но он все же появился на свет в срок посредством кесарева сечения. Лишь к трем годам он сказал первое слово. И это было слово «тазик».

Дизартрия — первый диагноз, который ему поставили еще в детстве. Никто, кроме близких родственников, не понимал полностью его речь. Говорил он только, когда чем-то

возмущался или, отвечая на вопросы, повторял в утвердительной форме все то, что слышал. Нечленораздельно и ломано он произносил слова, порой забывая, что и кому говорил. Делал это исподлобья, глядя куда-то в бок.

В детстве ему приходилось делить общую комнату со старшим братом. Часто от него он слышал в свой адрес матерные слова. Это было связано с его искривленным лицом и обильным слюноотделением. Вытянутая прозрачная слюнь свисала с его губы и упиралась в живот, ежедневно образуя мокрое пятно от груди до пупка. Рот он закрывал только по команде, чтобы снова его открыть через несколько секунд. По команде он совершал и другие действия. В кругу одноклассников он приковывал к себе внимание всех мальчиков. Беспрекословно выполняя их приказы, испачканный он шел от помойного ведра к собачьим фекалиям, чтобы наклониться и взять их в рот. Во все это время с его лица не сходила улыбка. Позже врач в истории болезни напишет об этом — «критики к своим действиям нет».

Он посещал массовую школу. До пятого класса имел всего три тройки. Но ближе к четырнадцати годам его успеваемость стала ухудшаться, а в поведении он становился опасен для окружающих. На приеме у психолога он рисовал картинки, ассоциируя их со словами. Для слова «обман» он изобразил галочку внутри круга. На вопрос «почему так?» ответил — «Это голова. Волосы. Обман, потому что оно думает». На слово «красота» — была нарисована рука. «Это рука. Красиво, потому что шесть». Складывая пять и два, он получал восемь, а восемь и пять — тридцать один.

В разговоре с матерью классная руководительница жаловалась на то, что ее сын плюет в детей, на ее замечания никак не реагирует, рыгает, бежит по классу, отбирает у ребят вещи и бросает их в окно. Родители его одноклассников обещали принять меры по его отчислению из школы. Дома мать пыталась воздействовать на сына, повышала голос, применяла силу. Еще год он не будет давать сдачи.

В этом же возрасте он впервые заявил, что слышит голоса. Слышит их ежедневно. Это началось еще в двенадцать лет, но признался только сейчас. Отметил, что изменился и раньше был другой, что ему грустно, в школу ходить не хочет, вспоминает о плохом.

Мужской и женский голоса в его голове попеременно то хвалили его, то ругали, то отдавали ему приказы. «Иди, учись, ходи в школу, делай уроки, убей маму, сломай окно, попроси печенья, иди в Госдуму, убей маму, плюнь ему в

лицо, возьми мячик, укради ложку, спрыгни с пятого этажа, сядь под стол и сиди там на корточках, найди меня, найди меня, найди меня, убей маму» и другие. Он говорит, что на голоса не реагирует.

При каждой госпитализации он подписывал согласие на лечение. Раньше в непрерывной чернильной линии можно было узнать первые буквы его фамилии, но с годами она превратилась в судорожный росчерк. Последняя его подпись была в виде маленького крестика в углу бланка в трех сантиметрах от нужного места.

В четырнадцать лет его поместили в стационар психбольницы. Через полгода из-за участвовавших драк его перевели из детского отделения в острое. С тех пор из больницы он выходил дважды. Мать забирала его домой, чему способствовала ремиссия пациента. Но уже ближе к ночи сын устраивал в квартире погром, и она вызывала карету скорой помощи. Его забирали обратно, но уже в возбужденном состоянии. Санитары привязывали его руки и ноги к койке, фиксировали плечевые суставы и грудь с помощью шлейки. Медсестра не без труда вкалывала ему в бедро восемь кубиков драперидола, аминазина, димедрола и кордиамин. В течение часа повторяла это дважды. Игла вела себя непослушно и гнулась из-за сопротивления напрягшихся до предела мышц. Два часа он непрерывно бился в приступе, изворачиваясь и дергаясь на вязках, из-за чего кровать под ним отрывалась от пола на пять-семь сантиметров и перемещалась по палате. Его давление достигало отметки двести на сто шестьдесят, а пульс доходил до ста восьмидесяти ударов в минуту. Ему перекрывали верхние дыхательные пути, ждали, когда он начнет задыхаться, чтобы закинуть пару таблеток бета блокаторов ему под язык. Его глаза лезли из орбит, вены на шее вспухали и твердели. Он кричал до хрипоты, прокусывая губы и язык в кровь. Санитары относили его койку в подвал, чтобы не было слышно шума. С тех пор стабильно раз в полгода его купируют. Ремиссии у него больше не было.

Ему поставили диагноз — недифференцированная форма шизофрении. Его социальная пенсия увеличилась до двенадцати тысяч рублей в месяц. Мать отнесла паспорт сына в УФМС, чтобы на пятой странице появился штамп с адресом психбольницы.

Он пил очень много воды. В туалете подходил к водопроводному крану, крутил ручки и всем ртом обхватывал железный конец. Вытянув длинную шею, он делал большие

глотки. Пил до тех пор, пока другой пациент не отпихивал его от раковины.

Однажды на приеме у врача он заявил, что сегодня ездил на томский таможенный пост, чтобы найти правительство президиума с целью внедрения, чтобы больше не появляться в городе. Выслушав пациента, врач попросил санитаря вывести больного из кабинета, отвести в палату и прификсировать его, после чего занес запись в историю болезни — «Внешне возбужден. Настроение снижено. На вопросы отвечал мычанием и улыбкой. Разговаривает со своими зубами. Назначить купирование феназепамом и галоперидолом».

После того, как он сначала схватил медсестру за ногу, а потом плюнул в нее и бегал по отделению, его прификсировали за руки к дивану в коридоре. В таком положении он просидел несколько часов. За долгие годы, привыкнув к такому положению, он научился ногами чесать лицо и нос. По команде других больных ими же вытирал слюни. По просьбе некоторых из них он засовывал большой палец ноги в рот, растянутый в улыбке, чем вызывал смех у людей. Прочие кормили его хлебом, давали карамельки или, проходя мимо, говорили ему подобрать слюни. Как выяснилось позже, плюнуть в лицо персоналу ему приказал мужской голос в голове.

Последние дни он неряшлив, дурашлив. Часто агрессивен, импульсивен. Бьет больных и персонал. Пьет свою мочу, открыто занимается онанизмом. Неопрятен калом в постель. В клочья рвет постельное и нательное белье. Объясняет свое поведение словами — «так надо». Однако санитаров по-прежнему боится. Беспрекословно выполняет все их приказы. Сталкиваясь взглядом с любым человеком, смотрит ему непрерывно в глаза, пока тот не отвернется. Если они смотрят друг на друга больше пяти секунд, он начинает улыбаться и смеяться. На приеме у врача наличие обманов восприятия отрицает, но содержание своих мыслей раскрывает, тут же пытается вскочить со стула, плюя во врача и называя его Павлом Астаховым.

Он по-прежнему лежал на скамейке лицом к стене. На часах начинался шестой час утра. Санитар два раза пнул его. После третьего пинка он проснулся, дернувшись в сторону. Его рот привычно искривился после такого пробуждения, а в приоткрытых наполовину глазах был страх. Его голова медленно повернулась в сторону грубого голоса. Его ударили кулаком по спине и заставили подняться. Стоя бо-
сиком на собственной моче, он дрожал от холода и стучал

зубами. Он послушно двинулся за санитаром, ожидая очередного удара. Вжимая голову в плечи, перебежками он проскользнул мимо санитара, стоявшего около двери в ванную комнату. Там его заставили снять с себя грязные вещи и самостоятельно положить их в пакет. Стоя голый на кафельном полу, он ждал следующей команды. Из приоткрытого окна в ванную проникал зимний воздух. Все его тело содрогалось, в особенности колени, но бдительности он не терял. При каждом ложном замахе руки санитара он резко дергался и судорожно моргал, ожидая получить кулаком по животу. Он знал, что его еще не раз ударят.

После того, как он надел чистые шорты и футболку, его пихнули в туалет, где находилось ведро, швабра и тряпка, предназначенные специально для уборки кала и мочи. Открыв у крана только ручку с красным ободком, он набрал кипятка в ведро. Он накинул тряпку на швабру, трижды поправил ее, пока санитар не убедился в правильности ее расположения. Взяв все это в руки, он пошел обратно в столовую. Сев на корточки, он начал отмывать мочу. Затем встал, снова сел. Получил удар кулаком в плечо, после чего продолжил мыть, но уже стоя. Минут десять он отмывал пол от мочи, тщательно полоская и выжимая тряпку, обжигая пальцы. Из-за тремора руки его не слушались. Пока санитар не убедился в чистоте, он, продолжая дрожать, возил скомканной тряпкой по полу, то расправляя ее, то снова сжимая. Закончив с этим, он шел по команде в туалет, под надзором санитара выливал ведро в унитаз и ставил все по местам. Прошмыгнув в столовую, он забивался в свой угол и видел, как к нему снова приближался человек в зеленой форме. В этот раз удара не последовало. Он сидел на скамейке, поджав ноги, в ожидании, когда останется один. Выслушав грубый голос, он ложился и принимал прежнюю позу. Он закрывал глаза, но уснуть уже не мог.

После подъема, когда все пациенты проснулись, он по-прежнему лежал на скамейке без сна. Другие пациенты покинули свои палаты. Пока он лежал в столовой, они успели умыться, справить нужду и сходить на перекур.

Санитар подошел к нему, схватил его за шкирку и выволок в коридор. Его кинули на диван и начали привязывать руки к металлическим ободкам. На его вопросы отвечали матом. Он замолчал. Сложил ноги по-турецки. Он сидел по центру дивана. Его руки были раскинуты в стороны и зафиксированы к боковым ручкам. Распятый на кожаной

обивке дивана он вслушивался во внутренний голос: «сын мой, где же ты, прости, я не могу тебе помочь».

Мимо него ходили другие больные, не обращая на него внимания. Но он смотрел прямо перед собой и видел другое — он видел школьный двор. Ему еще нет двенадцати лет. Перемена скоро закончится. Он сидит перед окном и смотрит на улицу. Там гуляют его одноклассники. Они по двое садятся на него верхом, как на лошадь, и заставляют его катать себя по детской площадке. Ощущая тяжесть на спине, он перебирает ногами и руками, медленно ползет на коленях, глядя в землю. Слюна непрерывно стекает изо рта. Через пять шагов он мочится в штаны. Звучит звонок на урок. Учитель зовет его в класс. Но он сидит неподвижно и смотрит в окно, как его мать на школьном дворе достает из корзины мокрые простыни и развешивает их на бельевой веревке. В его голове мужской голос непрерывно кричит ему — «убей маму». На его лице появляется улыбка.

К нему подходят впритык, и после пинка в грудь он слышит, что он урод, и что он будет сидеть в своей моче три часа, пока не начнут накрывать на обед.

9.06.2018

11

Дмитрий Никитин **Свидание с семьей**

Больше года я не заходил домой. Я устроился рабочим на стройке и участвовал в возведении офисного центра; он находился неподалеку, всего в нескольких кварталах, но все это время у меня не возникало желания возвращаться.

Наш труд был тяжелым, к вечеру я так уставал, что хотелось уже только выпить и завалиться спать — а по выходным в основном пьянствовал с товарищами. Ночевали мы в строительных бытовках. Дома мне давно осточертело — там всегда былолюдно, шумно, воняло перегаром и рвотой, ничего хорошего я там увидеть не рассчитывал. Конечно, и на стройке было практически также — но все-таки немного лучше: здесь хотя бы велась какая-то созидательная деятельность, можно было познакомиться с интересными людьми, послушать их рассказы, наконец, почувствовать причастность к внешнему миру.

Кроме того, офисный центр имел форму головы, как мне казалось — моей собственной; мне интересно было наблюдать за тем, как он обретает все более четкие и законченные черты, и размышлять, окажется ли мое предположение в итоге верным. Никакого смысла проделывать путь домой, хотя бы это и заняло всего минут двадцать, я не видел — и сам не заметил, насколько затянулось мое отсутствие.

Однажды воскресным утром, решив проветриться после очередной попойки, я забрел в замусоренную подворотню, над которой дома словно бы нависали, почти загораживая солнечный свет.

У подножия зданий мягкими зелеными подушками рос мох, с досок на заколоченных окнах (а таких была почти половина) свешивалась толстая паутина, по ней ползали жирные пауки, стены обильно поросли плесенью, а местами — плесочом. Однако все это не закрывало широких трещин в стенах зданий, через которые иногда можно было даже рассмотреть, что делается внутри. Эти трещины подчас раскалывали большие массивы материала, увеличиваясь кверху, и казалось, что некоторые строения практически разрублены надвое. Они зияли, сочились чернотой и застоявшейся водой, от которой несло болотом. Кроме того, на некоторых фрагментах стен отвалилась штукатурка, и эти участки походили то ли на залысины, то ли на расчесанную кожу, пораженную болезнью.

В центре этого отвратительного двора прочно обосновалась глубокая черная лужа, поросшая ряской и даже у одного края камышами; в ней шевелились лягушки, а в травяных зарослях как будто кто-то ползал. «Вероятно, это змеи», — подумал я. Вода в луже была очень густой, похожей на чернила, в ней почти не показывались отражения — только темные силуэты, похожие на кляксы. Несмотря на это, на небольшом заливе у дальнего края двора местные жители устроили мостки — не знаю уж, для чего — чтобы купаться или полоскать белье?

На берегу лужи стоял пивной ларек. Видимо, когда-то здесь продавались газеты, на нем еще сохранилась надпись «пресса», однако сейчас ассортимент включал в себя только алкоголь и сигареты.

«Здорово!» — сказал мне толстый волосатый мужчина, сидевший на приступочке около ларька и читавший газету, судя по виду, не менее чем десятилетней давности. «Разве вы меня знаете?» — с удивлением спросил я. «Разумеется, — ответил тот. — А ты что, не узнаешь ни меня, ни дом?» С этими

словами мужчина ткнул пальцем в одно из мрачных расколотых зданий за его спиной. «Не узнаю, — настороженно ответил я, решив, что этому человеку что-то от меня нужно и поэтому он пытается выдать себя за моего знакомого. — Впервые вижу это мерзкое место, и мне здесь не нравится. Я сюда забрел случайно и надеюсь больше не оказываться здесь». «А ты не кривляйся, Федор, — неожиданно сказал мне незнакомец. — Ты нос не вороти, ведь ты пришел домой, а я — твой старший брат».

«Федор?» — переспросил я, и тут вспомнил, что это действительно и есть мое имя, и тогда все встало на свои места. Словно бы наложились две схемы, два различных представления: то, как я воспринимал окружающий мир прежде, когда жил дома, и то, каким он мне представлялся теперь, после долгой жизни на стройке.

Мое имя стало общей точкой, позволившей соединить, сопоставить их и провести параллели, установить соответствия. Прежде я настолько привык к своему окружению, что практически перестал на все это смотреть. Поэтому-то я и воспринимал раньше и свой дом, и эту подворотню, и брата, коротавшего время около ларька, как некие размытые, не имеющие четких очертаний образы.

Так, по двору я чаще всего ходил с опущенной головой, потому что тут царил полумрак и нужно было смотреть под ноги; из-за этого я ни разу детально не рассмотрел все, что здесь находилось, и теперь двор стал для меня новостью. И дом, и двор, и окружающие улицы были для меня неприятными, лишними впечатлениями, да и сами мои родственники не очень-то мне нравились — вот я и старался смотреть на все это как можно меньше. Именно в связи с этим я теперь сразу и не узнал свой дом и брата.

«Зайдем домой, — предложил мне брат. — Хоть покажешь родителям, а то они беспокоятся за тебя, спрашивают, где тебя носит». Я нехотя согласился, мы зашли в один из подъездов и поднялись по грязной лестнице, до того заплеванной, что я по пути несколько раз поскользнулся.

В прихожей меня обступили родственники, ничего не говоря, а только пристально следя за моими движениями. «Ну, здравствуйте», — сказал я, при этом отчаянно пытаюсь определить, кто из собравшихся кем мне приходится. Все они были похожи друг на друга, и я, как ни старался, не мог их отличить и выделить кого-нибудь. Кроме того, все чем-то напоминали меня, хотя и в разных деталях: у кого-то были точь-в-точь те же скулы, как мои, у другого человека — паль-

цы, у третьего — надбровные дуги, у четвертого — фрагмент лба. Можно было подумать, что меня собрали по кусочкам из небольших частей их тел.

«Кто вы?» — спросил я, надеясь, что они сами сумеют мне объяснить. «Родичи», — ответили мне. «Ну, а где мои мама и папа?» — уточнил я. Выяснилось, что они уже умерли некоторое время назад, хотя присутствующие и разошлись в оценках того, когда именно это могло произойти. Я был поражен, но, к счастью, почти сразу выяснилось, что сообщение о смерти родителей было всего лишь розыгрышем. Некоторые из собравшихся даже не выдержали и прыснули от смеха.

«Ну, знаете, — сказал я, тяжело дыша, — такими шутками недолго человека и в могилу свести». «Едва ли, — ответили мне. — Странно, что ты воспринял наши слова так серьезно». Я внимательно всматривался в эту гурьбу людей, пытаясь определить, кто именно говорил о смерти родителей и кто отвечал мне теперь, но казалось, что голос раздается прямо из гущи общей массы: говорила как будто вся толпа сразу.

Оказавшись вновь в своей квартире, я вспомнил, что здесь жили более десяти человек, и все делалось по расписанию. Существовали настенные графики использования ванной комнаты, туалета, плиты и прочего, во все из них нужно было записываться.

В квартире было три комнаты, при этом каждая была разделена специальными перегородками еще на три комнаты, коридор также был разграничен на фрагменты, и таким образом почти каждый человек получал свое собственное маленькое помещение.

Впрочем, надо сказать, что никто из здешних обитателей не знал точно, сколько всего остальных: по правде говоря, наша семья не была дружной, наоборот, многие здесь враждовали и не хотели знаться с другими. Поэтому, когда кто-нибудь рождался или умирал, — что случалось не так уж и редко, — эта информация не сразу распространялась между всеми, и у некоторых людей складывалось искаженное представление о численности и составе семьи.

Пока я думал, меня взяли под локти и повели на кухню, а ноги мои сунули в старые шлепанцы, в которых я ясно почувствовал как будто осадок от еще недавно бывших чужих ступней. Не могу сказать, что мне это понравилось; я даже ощутил легкую брезгливость, но ничего не сказал. Очень уж эти тапочки были заношены — мне на минуту даже показа-

лось, что это части чьего-то тела, отодранные с мясом от одного из моих родственников.

На кухне кипел суп, резали лук, так что у меня заслезались глаза, а к горлу подступила сладковатая рвота; однако здесь было тепло и влажно, и у меня сразу появилось ощущение уютной мягкой сырости, кутающей и обволакивающей.

Меня посадили к женщине и мужчине, которые пили в углу водку, закусывая селедкой и черным хлебом; несмотря на большое число собравшихся, у этих двоих был даже свой отдельный стол, правда, поставленный под общим большим столом — низенький, как детский. Но здесь можно было лежать, места оставалось довольно еще и для меня, здесь не толкались, не сутились, не создавали беспокойства, так что это все было еще привилегией. Я с удовольствием присоединился к ним.

Мне бросилось в глаза, что у мужчины грязная борода: он много сосал ее, в нее попадала еда, в частности куски вареной капусты, лука, чешуйки сельди. Что касается женщины, то она была вся помята, словно ее долго комкали и мусолили в чьих-то больших руках. Кроме того, от них дурно пахло — у меня даже закружилась голова. Однако потом выяснилось, что вот это-то и есть мои папа и мама: нарожав много детей, они могли теперь позволить себе переложить на них ответственность за дальнейшую жизнь, а сами до гроба пить водку и есть. Меня пригласили к ним под стол в виде исключения, поскольку я давно не был дома; это было своего рода подарком.

Я быстро оценил его по достоинству, потому что здесь и вправду было тихо, удобно, приятно, никто не мешал — просто какой-то рай. Я так и выразился, и родители со мной согласились.

«И что же, вы можете вовсе отсюда не выходить?» — по-завидовал я. «Почти, — сказали мне родители. — Конечно, по нужде приходится выползать, иногда — в ванную или переменить одежду, изредка — к врачу, если что-нибудь заболит, или за пенсией, или за водкой, но большую часть времени можно просто находиться здесь».

«Везет же», — сказал я, уже изрядно захмелев и ощутив какую-то злость и обиду по отношению к этим счастливым людям, которые уже отбыли свои жизненные обязанности и теперь как сыр в масле катались. «Конечно, но все это еще надо заслужить, — мудро сказали мне родители. — Взять хотя бы твоего брата: вот он на правильном пути — держит

пивной ларек, и, если с ним не приключится беды, сумеет добиться таких же условий как мы». «Или почти таких же, — поправил я, подразумевая под этим, что здесь уже вовсе верх блаженства. — Вырвать у жизни такие блага крайне трудно». «Разумеется», — самодовольно ответили мне.

Чтобы утешить, меня напоили, и я даже задремал в уютном мокром полумраке под столом; однако родственники решили, что мне уже довольно счастья, и выволокли меня из квартиры на лестницу. Я спустился, пересек темный двор, обойдя лужу, и зашагал обратно к своей стройке.

Вадим Климов **Одноклассницы¹**

1. Настя

Я учился в одном классе с Настей, у которой был совершенно замечательный отец. Он постоянно писал записки учителям, объясняя, из-за чего Настя не может посетить физкультуру, или почему она не попала на первый урок или вообще пропустила целый день.

Это были объемные тексты на несколько страниц, в которых Настин отец путано и косноязычно расписывал ситуацию со всеми нужными и ненужными подробностями, имеющими отношение к делу и не имеющими тоже. Часто в записках он отвлекался на что-то совсем уж постороннее — обрывки собственных воспоминаний, какие-то неочевидные аллюзии и анекдотические фокусы.

Мужчина считал себя писателем, но был абсолютно невостребованным издательской системой. Эти пространственные записки, написанные чудовищным языком, стали его единственной возможностью обрести хоть каких-то читателей.

Я знаком с их содержанием, потому что на уроках русского языка учительница диктовала их в качестве диктантов. До сих пор в голове гудят рассогласованные предложения, обрывающиеся на полуслове, тяжеловесная лексика с обилием специальных терминов... Словом, черт знает что.

Со временем записки становились все более длинными. Они превратились в кипы бумаги, которые приносила Настя

¹ Редактура Тимура Селиванова.

и стыдливо вынимала из рюкзака. Отец предварял свои заявления преамбулами, снабжал сносками на научную литературу.

Терпение классной руководительницы лопнуло, когда Настин отец передал с ней полностью исписанную тетрадь на 48 листов, в которой объяснял, почему дочь опоздала на первый урок.

Настю выгнали из школы, и это было прискорбно. Я знал, что ее отец уже пишет многотомный труд, в котором объясняет Настино отсутствие на выпускных экзаменах. Эпистолярная монография на несколько тысяч страниц — итог всей его графоманской жизни.

Настю переводили из школы в школу. Никто не хотел читать бесконечные и бестолковые объяснения ее отца. Через пару лет Настин след затерялся в веренице московских школ, поэтому я не смог познакомиться с финальным трактатом о прогулах.

Как сложилась жизнь одноклассницы и ее родителя, мне, увы, неизвестно.

2. Вика

После того как Настю выгнали из школы, за мою парту посадили Вику. Она раздражала меня тем, что постоянно грызла кончик авторучки. Как-то у меня закончились чернила, я попросил ручку у Вики и оторопел, обнаружив ее у себя во рту. Обгрызание происходило чисто автоматически.

Но запомнилась мне Вика не своими письменными принадлежностями, а совсем другим. К концу девятого класса мы окончательно с ней сдружились и много времени проводили после школы. Как-то на последнем уроке одноклассница шепнула, что хочет кое-что показать. Я невозмутимо кивнул. Однако то, что я увидел спустя пару часов, ввергло меня в изумление.

После школы мы отправились в торговый центр. Вика долго ходила по бутикам. Наконец она купила какую-то запредельно дорогую кофточку с черепом, проступающим поверх нотного стана, и мы отправились к однокласснице домой.

Вика расположилась в кресле у зеркала, меня попросила сесть на дальнем диване, чтобы не попадать в ее поле зрения. Девушка надела новую кофту, сняла джинсы, запустила руку под трусики и стала там что-то тереть.

Все это было мне в новинку, я даже не сразу понял, что происходит. Догадался лишь тогда, когда Вика начала тяжело дышать, а потом и вовсе, издав вопль облегчения, повалилась набок.

— Что это было? — спросил я. — Зачем?

Она взглянула на меня, как объевшийся человек, и сказала, что это и есть секрет, который она собиралась открыть. Вика покупала дорогие шмотки и мастурбировала в них перед зеркалом. Всегда по одному разу в каждой вещи — не больше. Дальнейшая судьба покупки ее не интересовала: свое предназначение она уже выполнила.

Вика пристрастилась отправлять свой ритуал в моем присутствии. Я стал необходим ей, как зеркало напротив. Она смотрела на свое отражение, которое смотрело на нее, вдобавок я наблюдал за ней из глубины комнаты, и Вика замечала по выражению лица отражения, что оно догадывается о соглядатае. Такие эксгибиционизм и вуайеризм в одном лице.

В какой-то момент родители Вики что-то заподозрили и перестали давать ей деньги на дорогие покупки. Но одноклассница нашла элегантный выход. Теперь мы просто заходили с вещами в примерочную бутиков и совершали все там. Миниатюрность пространства; зеркало, почти упирающееся в лобок; я, держащий Вика за руку, — все это лишь усиливало ее возбуждение.

После финального вопля мы выскакивали из кабинки и стремглав бежали к выходу. Работницы ничего не понимали, охранники пытались задержать нас у рамок, но редко когда успевали хотя бы подняться со стульев.

Так мы пробегали весь девятый класс.

3. Марина

С Мариной я подружился в шестом классе перед самым Новым годом. Классная руководительница распределила учеников по парам и каждой паре дала задание. Нам с Мариной выпало приготовить торт для праздничного чаепития.

Я предложил купить торт в магазине и переложить в коробку без опознавательных знаков, но Марина сказала, что мы должны приготовить торт сами: это и честнее, и интереснее, за что и поплатилась впоследствии.

Остановились на рецепте торта, который я назвал «Роялем», а Марина — «Зеброй». В нем чередовались два вида

теста, светлый и темный, создавая контрастную полосатую картинку. Для темного теста мы хотели использовать какао, которое хранилось в жестяной банке, никак не подписанной.

Я попросил Марину принести ее, но выяснилось, что банки с какао две. Я смутно припомнил, что в одной из них какао с ванилью, а в другой — без ванили. Какая с ванилью, конечно же, подходило для торта больше. Но никаких пометок на банках не было, и одноклассница решила определить ваниль по запаху.

Марина поднесла банку к лицу, вдохнула... Мелкий порошок немедленно устремился в ее ноздри, забив всю носоглотку. Причем так щедро, что девочка утратила способность дышать. Она все еще стояла на табуретке перед навесным шкафчиком и не могла понять, что с ней произошло.

Я засмеялся, увидев ее коричневое от какао лицо, но уже в следующее мгновение заметил, что с одноклассницей что-то не так. Она спрыгнула с табуретки и жестами, кое-как показала, что не может дышать.

Какая экстравагантная смерть ее ожидала — задохнуться в какао с ванилью!.. Погибнуть за приготовлением торта... Мертвенно-сладкие образы проносились в сознании один за другим. Я уже видел одноклассницу в гробу из стаканов и подстаканников, холодную и безмятежную, словно коробку из съеденного торта.

Пара тычков Марины вырвали меня из фантазий. Одноклассница показывала на чайник. Я схватил его за ручку — к счастью, внутри был не кипяток, — Марина запрокинула голову, и я аккуратно влил воду ей в ноздри.

Какао медленно заструилось по носоглотке в легкие девочки. Она была спасена.

Минут сорок Марина не могла прокашляться. Я же продолжил приготовление торта. В самом конце, когда осталось только нанести цветочки кремом, Марина вырвала у меня кондитерский мешок и написала на торте: «Горите в аду, мрази!»

Вечером мы отнесли с ней торт в школу.

4. Марчелла

В одиннадцатом классе, когда нужно было определяться, где учиться дальше, когда даже самые отчаянные разгильдяи брались за ум и превращались в дисциплинированных абитуриентов, я увлекся современным искусством. Точнее,

увлекся перешедшей к нам из другой школы девушкой, имени которой я называть не буду, только сценический псевдоним — Марчелла.

Мы как-то мгновенно сблизились, очаровавшись друг другом. Марчелла приобщалась к тому, что увлекало меня в то время, я же знакомился с ее кругом интересов, группировавшихся вокруг современного искусства.

Не будем подробно на этом останавливаться — сразу перейдем к первому и единственному перформансу, подготовленному нашей арт-группой Kind Doctor. Мы назвали его «Благодатный огонь» с подзаголовком «Художник не должен сидеть в тюрьме».

Незадолго до этого Олег Мавроматти провел свою акцию у Храма Христа Спасителя: его прибили к кресту, а на спине художника красовалась надпись «Я не сын бога». На Мавроматти завели уголовное дело, и он спешно покинул Россию. Мы с Марчеллой решили продолжить его творческий путь с того места, на котором остановился Олег.

Суть акции заключалась в том, что мы носились по дворам у метро Университет и бросали в детские коляски бутылки с зажигательной смесью. Коляски вместе с верещащим содержимым мгновенно вспыхивали — такие факелы с суеязущимися молодыми мамами. Красивое зрелище.

Нас сопровождали два видеооператора, документирующих перформанс, и дюжина репортеров новостных изданий.

Хлесткая и эффектная художественная акция, настоящий «Благодатный огонь», за который нас едва не исключили из школы. В последний момент вмешалось Министерство культуры (еще ельцинского правительства) и московский филиал Goethe-Institut.

Повеселились мы с Марчеллой на славу. Конечно, не все остались нами довольны, но ведь в этом и заключается ценность искусства — вызывать амбивалентную реакцию, беспощадно бороться с равнодушием и равнодушными.

В любом случае, федеральные СМИ приняли нашу сторону. Один лишь безликий «Гагаринский вестник», муниципальная газета для пенсионеров, вышла с разоблачительной статьей «За что страдают наши дети?» Всего-то.

Ныне за подобную акцию нас бы нещадно клевали. И клевали бы до смерти: времена изменились, причем не в лучшую сторону. Художественный акт закрепостился, стал скучным и безжизненным, как картины Никаса Сафронова.

Но это еще не конец. The future is invisible... Когда мы снова встретимся с великолепной Марчеллой, то обязательно сделаем второй перформанс.

5. Инна

До десятого класса я вообще не употреблял бранных слов, считая экспрессивную лексику дурновкусием. Все изменилось, когда я познакомился с Инной.

В ходе очередного педагогического эксперимента наша классная руководительница решила объединить в пары для уборки класса девочек с мальчиками, а не, как это было раньше, девочек с девочками, а мальчиков с мальчиками.

Добровольно никто своих симпатий обнажать не стал, поэтому учительница положила на лотерею. Так случай свел меня с Инной, которую, вероятно, я вообще бы не заметил, не окажись мы в такой ситуации.

Собственно, класс мы не убрали вообще. Мы сразу начинали препираться, спор переходил в ругань, мы швырялись друг в друга тряпками, стульями и как-то даже разбили аквариум. Содержимое устремилось наружу. Все эти водоросли, ракушки, галька, дергающиеся на полу рыбки...

Неприглядное зрелище, которое мы оставили нетронутым и ушли домой. После такого нас с Инной освободили от дежурств, но узелок дружбы успел завязаться, и мы продолжили общаться. Наши разговоры состояли исключительно из словесных оплеух, во флюидах сквернословия застревали топоры и арбалеты, мы ругались так, что хоть святых выноси.

Помню сумасшедшее, непреодолимое желание крушить и ломать, которое охватывало нас с Инной. Мы вечно рыскали в поисках того, что можно безнаказанно испортить, осквернить или спрятать. Сами не заметили, как закружились в сатанинском танго, не разбирая ничего на своем пути.

Все это нам жутко нравилось, и мы подумывали даже пожениться после школы. Вернее, нас интересовала не бедность по официальным учреждениям, а совместное потомство. Чем мог разродиться союз двух таких чертенят?

Само собой, мы не испытывали никаких теплых чувств к детям. Ухаживать за грудным ребенком — занятия более пошлого не представить. Однако удача благоволила нам: мы случайно оказались на презентации CloudMinds, которая представила программу, моделирующую потомство.

Для дальнейшего усовершенствования разработчики CloudMinds искали добровольцев в фокус-группу. Мы с Инной немедленно записались и две недели возились со своим виртуальным ребенком, даже в школу перестали ходить.

Программа получила доступ к нашим организмам, ментальным реакциям и сновидениям, после чего выдала младенца. Это был уродливый кусок мяса, бессмысленно вопящий и хлопающий глазами. Нам от него не было никакого проку.

Самое интересное в программе CloudMinds заключалось в настройках. Они позволяли задать возраст ребенка, чем мы и воспользовались. Грудничковую фазу промотали сразу. Со сдержанным интересом наблюдали за сыном в пятилетнем возрасте, потом в восьмилетнем, десятилетнем, двенадцатилетнем...

Подольше задержались, сделав его нашим ровесником. Сын отчаянно сквернословил, и с первого взгляда в нем угадывался безнадежный хулиган. В общем, именно то, что мы ожидали.

В какой-то момент я даже начал слегка ревновать Инну — она прямо влюбилась в этого подростка, существующего лишь говорящим образом на экране компьютера. Мне было неловко в этом признаться даже самому себе. Я и не признавался.

Две недели, запланированные на исследование, истекли, и мы вернулись к своей обычной жизни. Ходили в школу, били витрины, обливали чужие документы томатным соком, подкидывалидохлых кошек в тележки старушек...

Инна иногда заговаривала о нашем сыне, но я уже не помню, что именно она говорила. Незадолго до окончания школы мы поссорились из-за какой-то ерунды и перестали общаться.

У меня осталась только фотография нашего ребенка в пятнадцатилетнем возрасте, похожего на нас обоих. Однако через пару лет я потерял и ее. Не знаю даже, как это произошло. Вроде лежала всегда в моей комнате, а потом просто исчезла.

6. Юлия

Юлия была девушкой холодной и высокомерной. Она сидела вблизи учительского стола, я же притаился за последней партой последнего ряда. Нас разделял весь класс по диагона-

ли. Но я часто наблюдал за Юлей во время уроков, всегда с одного и того же ракурса — пялился на затылок и кусочек щеки.

Кажется, за все десять лет мы не обмолвились ни словом. Даже никогда не приближались так близко, чтобы коснуться друг друга. Однако в девятом классе Юля неожиданно передала мне записку, точнее, бросила ее в мой рюкзак.

Листочек розовой бумаги в линейку (я тогда пользовался исключительно тетрадями в клетку, чем вызывал решительный протест учителей гуманитарных предметов), сложенный вчетверо. Аккуратный почерк, слова без исправлений — такое нечасто встретить.

Я уже не помню, о чем шла речь в послании, запомнил только подпись: «Юля со второй парты». Так началось наше общение — без каких-либо мотивов, вроде влюбленности или просто симпатии.

Одноклассница ровным почерком выводила стерильные предложения, делилась абстрактными размышлениями. Иногда в ее микрограммах, как я их называл, проскакивали эмоции, но всегда завуалированные, скрытые сотней ничего не значащих ужимок.

В мае мы сдали экзамены, занятия прекратились, и сама собой прервалась наша переписка. За лето я вообще о ней забыл. В сентябре, когда мы снова заполнили классы, я даже не смотрел в сторону второй парты. Появилось несколько новеньких девушек, и все мое внимание переключилось на них.

Юлия написала первой, примерно через неделю, повергнув меня в недоумение. Отказавшись от свойственной ей отстраненной манеры, девушка рассказала, как в конце августа отправилась в торговый центр, где ее окликнул охранник на входе и попросил пройти через рамку металлодетектора.

Ошибка секьюрити заключалась в том, что он назвал мою одноклассницу молодым человеком. Вспыхнувшая от негодования, та подошла к обескураженному работнику и, сверкая глазами, вывалила на него все накопившееся раздражение.

Я читал записку на уроке истории. Проглотив последнее слово, я посмотрел на Юлию и не сразу ее узнал. Вначале мне показалось, что это еще один новенький... или новенькая. Присмотревшись, я все же распознал Юлю. За лето она безобразно поправилась, остригла волосы и теперь выглядела как пухлый подросток неопределенного пола. От былой гра-

циозности не осталось и следа, очарование бесследно рассеялось.

Не дожидаясь перемены, я написал ответ на той же булавке. Заметил, что «настоящие девушки» не демонстрируют негодования, если их путают с юношами, и уж тем более не ведут себя, словно урла, которую случайно задели в толпе.

Листочек я сунул в Юлин пенал, в котором обнаружил обсыпанный пудрой пончик. Он наверняка оставил на моем ответном послании жирное пятно. Этим пятном и завершилась наша переписка. Больше в сторону второй парты я не смотрел.

7. Алина

Все тело Алины было покрыто красными точками, по которым она предсказывала судьбу и решала математические задачи. Успехи Алины простирались за пределы школы — она ездила на городские и всероссийские олимпиады, регулярно занимая призовые места.

Утро Алины начиналось с внимательного осмотра тела: красные точки постоянно перемещались, некоторые исчезали, появлялись новые. По их расположению моя одноклассница понимала, что ждет ее в будущем, и могла подготовиться к событиям, которые всем остальным казались неожиданными.

Я никогда близко не сходилась с Алиной, ни разу не сидел с ней за одной партой, да и разговаривал-то за все время учебы от силы пару раз. Но каждая наша беседа открывала что-то неожиданное. Так, когда я спросил Алину об ее математической проницательности, она сказала, что приходит к ответу чисто интуитивно, как многие мгновенно видят четыре березы, не нуждаясь в их пересчитывании, а решение задачи определяет по конфигурации красных точек на теле.

— Не помню, чтобы ты раздевалась на уроках, — заметил я.

— Разумеется, — согласилась одноклассница, — я запоминаю расположение точек при утреннем осмотре.

Поразительно, но даже такого скептика, как я, удовлетворило ее объяснение, насквозь пронизанное беспросветным суеверием. Однако, если существуют люди, видящие сразу, без пересчета, четыре березы, почему бы не найтись человеку, сразу видящему решение сложной математической задачи?.. Какая, в сущности, разница, как объяснить его

интуицию — божьим чудом, распределением красных точек или научным озарением?

Алине предрекали большое будущее, в школе у нее давно не осталось конкурентов. Но девушка никогда ни с кем об этом не говорила, игнорируя любые намеки о будущем.

Однажды, в самом начале одиннадцатого класса, дурачась перед уроком физкультуры, мы решили запихнуть в женскую раздевалку нашего одноклассника. Мы уже подтащили его к двери, когда парень, отчаянно выгнувшись, оттолкнулся от стены и ударил меня ногой. Я влетел в раздевалку вместо него, дверь захлопнулась, оставив меня наедине с Алиной.

Кажется, остальные девушки уже зашли в спортивный зал, а она сидела без футболки и рассматривала красные точки на животе, выступившие в каком-то немыслимом количестве. Алина нисколько не смутилась, по крайней мере, никак этого не продемонстрировала. Она спокойно надела футболку и молча ушла в зал.

Прозвенел звонок. Я толкнул дверь в коридор, она послушно отворилась: появляться в зале из женской раздевалки казалось мне вульгарным. Когда я все же попал на урок, то быстро встретился взглядом с Алиной. Наше оптическое столкновение буквально вложило в меня загадочное, тревожное послание, смысла которого я, правда, не понял.

Ночью мне приснился необычный сон. Меня снова заговаривали в женскую раздевалку с двумя девушками — Алиной и незнакомкой. Они целовались, не обращая на меня никакого внимания. Я заморожено наблюдал за ними, испытывая смесь сексуального желания и мистического трепета.

Он многократно усилился, когда изо рта незнакомки показалась змея. Она поползла по телу одноклассницы, а потом неожиданно укусила ее. После чего я сразу проснулся.

На следующий день Алина не пришла в школу. Она отсутствовала неделю, пропустила важную алгебраическую олимпиаду. А потом нам сообщили, что Алину положили в больницу, и, скорее всего, ей придется остаться на второй год.

Кто-то из одноклассниц хотел навестить Алину, но они не успели. Девушка умерла, а вместе с ней умер и секрет красных точек. Наверняка моя талантливая одноклассница догадалась о своем финале задолго до того, как попала в больницу.

8. Полина

— Представляешь, где-то в Скандинавии хоронят трупы вместе с сотовыми телефонами, — шепнула мне Полина.

— Что вы там все перешептываетесь? — заскрипела учительница. — Ну-ка тихо!

— ...на случай, если труп окажется не трупом и захочет выбраться из гроба. Он тогда позвонит по телефону и сообщит о своих намерениях.

— Я вас сейчас выгоню из класса, — не унималась учительница. — Обоих!

— И что, многим трупам удалось спастись с помощью этих телефонов? — спросил я.

Полина пожала плечами.

— Варварство, — продолжил я. — Сегодня этих шведо-сиков с телефонами хоронят, завтра будут со всем имуществом отсылать в мир иной, как фараонов в Древнем Египте, а послезавтра — с женами, детьми и прислугой. Хоть одному мертвяку помог телефон?

— Да не знаю я! — воскликнула Полина.

— Так, мне это надоело, — заверещала географичка. — Встали и вышли из класса! Сейчас же! Иначе...

К счастью, мы захлопнули дверь раньше, чем наша истеричка успела закончить фразу.

— Этот идиотизм напоминает меры безопасности в метро — с рамками, ищущими неизвестно что, службой безопасности, камерами сканирования. Хоть одного террориста обезвредили у турникетов?

Я уставился на Полину, но одноклассница, похоже, потеряла интерес к теме.

— Пойдем ко мне? — предложила она.

— А биология?

— Что тебе эта биология? Нас и с нее выгонят. Зачем испытывать судьбу...

Мы спустились в раздевалку, накинули куртки и спустя двадцать минут уже сидели в комнате Полины с розовыми обоями и крохотной, почти игрушечной мебелью.

Девочка собирала карточки с динозаврами. Если собрать всю коллекцию из 133 карточек и отправить ее по нужному адресу, можно выиграть поездку в Бельгию на экскурсию по последнему заповеднику динозавров. Она показывала мне новые карточки, которые я еще не видел. Без всякого интереса я вертел их в руках и клал на стол.

— Любопытно, — сказал я, расправившись с последним мезозойским пресмыкающимся.

Полина схватила меня за руку и буквально пригвоздила взглядом.

— Сегодня по телеку показывают «Парк юрского периода», — выпалила она, даже покраснела от натуги.

— Ну и хорошо, посмотришь, — я осторожно высвободил руку.

— А вот и не посмотрю, — Полина едва не заплакала. — Меня уже спать положат в это время. Фильм почти в одиннадцать часов начнется.

— Попросишь сделать исключение.

— Да просила я, целую неделю умоляла. Уперлись как бараны. Говорят, я и так на тройки скатилась. Идиоты какие-то, а не родители.

И тут мне в голову пришла блестящая идея. Я останусь на ночь у Полины, а перед началом фильма мы тихо спрячемся в прихожей и посмотрим его вместе с родителями девочки. Телевизор в гостиной стоит как раз так, что его прекрасно видно из прихожей.

Ознакомившись с моим планом, одноклассница запрыгала от восторга. Так мы и поступили. Перед приходом ее родителей я залез под кровать и оставался там до девяти часов, когда Полину укладывали спать. Родители пожелали девочке спокойной ночи (я заткнул рот руками, чтобы не расхохотаться), погасили свет и ушли. У нас оставалось почти два часа, которые мы провели за пустой трепотней.

— Пора, — Полина прервала мой рассказ, как мы с братом едва не провалились под лед.

Мы аккуратно открыли дверь и на четвереньках выползли в прихожую. Казалось, что так нас сложнее заметить. Я спрятался за шторой, прикрывающей книжный стеллаж у самого входа в гостиную, а Полина, несколько поодаль, — за огромный чемодан, который, сколько я помню, стоял у них перед входной дверью.

Но посмотреть фильм целиком нам не довелось. Минут через пятнадцать мама Полины отправилась на кухню. Я вжался в полки, одноклассница слылась с полом — вроде пронесло. Однако спустя еще пятнадцать минут на кухню двинулся отец.

Он заметил меня еще в гостиной. Да я и сам понял, что разоблачен. Правда, этот стеснительный молчаливый мужчина совсем не ожидал обнаружить за шторой меня. Когда

он ее отдернул, один его глаз метнулся вверх и вправо, а другой — по диагонали — вниз и влево.

— Добрый вечер, — произнес я.

Оцепеневший родитель, глупо улыбаясь, кивнул.

— А где Полина? — наконец поинтересовался он.

— Полина в чемодане.

Одноклассница вскочила на ноги.

— Я не в чемодане, что ты придумываешь!

Рядом с ее отцом теперь стояла еще и мать, как будто не придававшая инциденту никакого значения. Признаться, я надеялся, что нам разрешат досмотреть фильм до конца, но женщина просто выставила меня из квартиры, а дочь отправила в постель.

На следующий день на Полину наложили епитимью в форме месячного телевизионного воздержания и перестали давать деньги на карточки с новыми динозаврами. Полина так и не собрала полную коллекцию. Но «Парк юрского периода» мы все же посмотрели у кого-то на видеокассете.

9. Оксана

28

— Я просто не понимаю, как так можно, — закричала Оксана в телефонную трубку. — Ты живешь с родителями, у тебя нет нормальной работы, вообще никакой работы нет. Так только слабаки... неудачники... А ты...

Что это она так завелась, недоумевал я.

— Оксана. Оксана, подожди. Мне четырнадцать лет, я еще учусь в школе. Это совершенно нормально, что у меня пока нет работы и собственного жилья. Ты и сама живешь с родителями и не работаешь. Зачем психовать?..

Тут мою одноклассницу буквально прорвало.

— Это у меня нет работы? — закричала она (а у Оксаны, действительно, имелась работа — так, по крайней мере, она считала). — Это у тебя ее нет, мямля, размазня кисельная.

Оксана проходила за других девушек тесты на беременность. И очень гордилась своим занятием, что оно вообще пришло ей в голову. Тоже мне работа. Не до пенсии же она эти тесты раздавать будет?

— Оксана, послушай...

— Да ты сам послушай, что говоришь. Как же ты меня бесишь! Пока ты спал, последа тряпочка, я покрыла своими анализами всю школу, да что там школу — всю Москву покрыла. Про Пала Эрдеша слышал? Самый плодовитый мате-

матик XX столетия. Написал невообразимую кучу научных работ со скандальным количеством соавторов. Теперь любого математика можно связать с Эрдешем цепочкой соавторов не длиннее восьми человек. Восьми человек!.. Сечешь? Я проверила по Mathematical Reviews твои публикации и обнаружила, что ты никак не связан с Палом Эрдешем. Какой ты математик? Недоразумение на родительской шее. Будешь всю жизнь в ванну вместе с Архимедом падать. Эврика! Недоноски беспомощные!

Стоило чему-то пойти не так, как Оксана вспоминала своего Эрдеша и сравнивала меня с этим венгерским евреем, персонажем скорее анекдотическим. Но что могло случиться с одноклассницей?

Она уже бросила трубку, перезванивать было бессмысленно. Зайти к ней домой прямо сейчас? Или подождать до завтра — все равно встретимся в школе? А вдруг?..

Вдруг?..

Я невольно заткнул ладонью рот, чтобы не произнести это вслух.

Пришлось одеться и выйти из дома. Минут через десять я уже звонил в дверь Оксаны. Одноклассница открыла не сразу, но все-таки открыла. Молча пустила меня внутрь. Ждала, когда я разуюсь, нависая всей массой потенциальной истерики.

А у меня, как назло, затянулся шнурок, и я никак не мог его распутать. От моих попыток он лишь туже затягивался.

Наконец, к моим ногам упала прямоугольная картонка с какими-то обозначениями.

— Пал Эрдеш покрыл соавторами всю математику, а я своими тестами — всю сукрольную Москву. Но этому пришел конец. Вот, посмотри. — Оксана пнула картонку ближе ко мне. — Теперь я сама беременна. Конец карьере фальсификатора невинности. Я больше не Эрдеш, как и ты.

Чертов шнурок! Зря я вообще взялся его развязывать. Да и пришел я сюда зря. Нужно надеть второй кроссовок, подняться и быстро выйти. Прочь от бездуховной грязи. Зачем я только связался с этой Оксаной? По одной только теории вероятностей было понятно, что если ты целыми днями возишься с тестами на беременность, то рано или поздно сама залятишь. Вот она и залетела.

— Мне надоел твой Эрдеш, — сказал я и потянулся к ручке двери.

Девушка расхохоталась. Она все смеялась и смеялась — никак не могла остановиться.

Я стоял рядом с ней двадцать секунд, минуту, вторую. Она все хохотала. Тогда я открыл дверь и вышел. Лифт вызывать не стал, спустился по лестнице. И все время — до самой последней ступеньки — слышал гоготание Оксаны.

Вот ведь ее прорвало с этим Эрдешем.

О. Ирина

— Не берите эту книгу, — сказала библиотекарша, уставившись на меня собачьими глазками.

Я не понял, чего она от меня хочет. Впервые зашел в школьную библиотеку и немедленно наткнулся на сумасшедшую работницу, которая отговаривает брать книги.

— Почему? — спросил я.

— Не берите...

Работницей оказалась моя одноклассница Ирина, невзрачная до полной неприметности. Уже после я узнал, что мы проучились вместе три или четыре года. По вечерам Ирина подрабатывала в школьной библиотеке.

— Так почему не брать книгу? — снова осведомился я, теребя корешок «Третьего рейха на наркотиках» Нормана Олера.

Щенячьей беспомощностью разило от облика Ирины. Она вряд ли была жалкой, немой и игрушечной, но именно так я ее воспринимал. Библиотекарша скулила, тывкала, нервно виляла обрубок хвоста, однако ничего не объясняла. По всей видимости, не могла. Или даже не понимала смысла аргументов.

— Положите обратно.

Ирина гаупо улыбнулась. Бывают улыбки очаровательно бессмысленные, я же столкнулся с навязчивой бессловесностью, уродливым резиновым изгибом. Уже не собакой, а рыбой Ирина открывала рот, из которого не доносилось ничего — одни пузырьки с разреженным воздухом.

Девушка забрала у меня книгу и хотела сама отнести ее на полку, но зацепилась за что-то торчащее из столешницы и не могла сдвинуться с места. Мондиалистский Микки Маус с кофты библиотекарши начал распутываться, но запнулся на половине физиономии.

Только сейчас я заметил, насколько Ирина напоминает американскую мышь. Та же вакуумная улыбка диснеевского персонажа. Что она так окрысилась на книжку про Третий рейх, про наркотики?

Я смотрел уже не на одноклассницу, а на ополовиненную физиономию Микки Мауса, которая беззвучно двигала губами, пытаясь произнести «Кока-кола», «Биг-Мак», «Ю-эс-эй», «Демокраси».

Когда я поднял глаза на Ирину, она была уже совсем неотличима от мультипликационного мутанта, так же дергала губами, выводя позывные One World. Но если даже Третий рейх на наркотиках, подумал я, то что взять с этой книжной крысы? Пусть пьет свою кока-колу и подтирается демокраси.

Выдернув из лап землеройки книгу Нормана Олера, я направился к выходу.

— Stop! — раздалось у меня за спиной. — Stop the madness!

К счастью, я уже утратил к Микки Маусу всякий интерес. В тот же день он проглотил значок с изображением статуи Свободы и задохся насмерть. Фурор свободы и либеральных ценностей. А я благополучно закончил школу и поступил в институт.

Со своими нелепыми одноклассницами я больше не встречался никогда.

Ноябрь 2018

а р х и в

Корреспонденция Мартина Хайдеггера и Эрнста Юнгера: 1949–1965²

Эжену

**Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
11 июня 1949 года**

Дорогой господин профессор,

господин Клетт и доктор Небель³ сообщили мне, что общаются с Вами в письмах. Хотя мне понравился план для журнала и редакционного комитета, который они предложили, я также понимаю Ваши замечания, благодаря сходству с моей собственной ситуацией. Факт сотрудничества с недругом, или даже работы вместе, мне кажется неприемлемым; с другой же стороны, я принимаю во внимание предоставление официального статуса этой общей работе, обозначение обеих сторон на титульной странице, или распространение рекламы, как взвешенный перспективный шаг, который, возможно, стоит приберечь на будущее. Я ответил в такой логике господину Клетту, и включил копию моего ответа в это письмо к Вам. Я думаю, мой брат разделяет это мнение. Мы все находимся в ситуации, когда уместно предложить для полемики только тот материал, который представляется абсолютно необходимым. В другом случае, вещи должны быть рассмотрены осторожно, так как от них может многое зависеть. Необходимо отдавать предпочтение работам, которые благоприятствуют сотрудничеству.

Я надеюсь, что Вам нравится это прекрасное время года с Вашей возвышенной точки обитания. Что касается меня, то я доволен своим переездом в Равенсбург, где я могу нор-

² Перевод с английского Богданы Носенок.

³ Герхард Небель (1903–1974) — издатель, эссеист, в 1920-х годах — студент Хайдеггера. Он встретил Юнгера в 1941 году, когда работал в Париже переводчиком.

мально работать. В завершение: оставление английской зоны ради французской вызывает те же чувства вхождения в культивируемую нацией сферу, несмотря на все поверхностные недостатки, которые неизбежны в оккупации.

С наилучшими пожеланиями
Ваш
 Э. Ю.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
23 июня 1949 года

Дорогой господин Юнгер,
 я благодарен Вам за Ваше письмо, которое перекликается с моими собственными размышлениями. Но сначала я должен попросить Вас опустить это обращение — «профессор».

Я до сих пор хорошо помню топографию пути⁴, прогуливаясь по которому мы беседовали прошлой осенью о чрезвычайной опасности, которая сопровождает тех, кто пытается сегодня держаться за то, что имеет, кажется, большое значение; что быть одиноким — это не бегство, а наивысшая свобода.

Однако естественное стремление немедленно оказать помощь, предложить поддержку и руководство, побуждает нас совершать попытки, которые оказываются неверными после более тщательного обдумывания.

С того дня, как господин Клетт и доктор Небель посетили меня, я постоянно думаю об их проекте. Меня очаровывает желание, воля обнаружить и сделать видимым оригинальным способом то, что является подлинным в западной традиции, чтобы собрать вместе тех, кто ждет, чтобы укрепить тех, кто ищет. Но сегодня я ясно вижу, что всё еще идет по пути повтора в изношенной форме журнала. Тирания общественного мнения не может быть сломана в нем. Совместное появление наших имен, даже в простой форме регулярного сотрудничества, будет превращено в политическое событие, которое, возможно, либо поколеблет наше длительное безопасное положение, или, в конце концов, усложнит его.

⁴ Имеется в виду путь как тропа.

Существует посмертная цитата Ницше, с которой Вы, конечно, знакомы, принадлежащая к периоду «Веселой науки»: «Венеция образована неразлучным соединением сотен глубоких одиночеств — это ее магия. Образ человека будущего».

Мне кажется, что правила игры для будущих поэтов и мыслителей скрыты здесь, и для «раскопок» этих правил уже была начата подготовительная работа.

Поэтому я считаю, что нам следует предпринять еще одну попытку в этом проекте и позволить его судьбе созреть для будущего. Мы не должны отказываться от последних усилий в упорной жажде воздаяния, которая со временем становится всё более искусными; нам стоит оставаться бескомпромиссными по отношению к тому, что мы заслужили. Лучшей тактикой было бы не помогать вообще, в целом; мы были тактически впереди в течение долгого времени. Несколько дней спустя, мой друг, беженец из Верхней Силезии, живущий вместе с нами, получил письмо от профессора из иудейской эмиграции в США, который написал, что он очень взволнован новостями о том, что происходит с журналом Юнгера и Хайдеггера.

Я счастлив, что Вы чувствуете себя в Верхней Швабии, землю которой я люблю, как родную, и я надеюсь, что смогу посетить Вас там однажды. В конце недели мы покидаем хижину, которая уже совсем не защищает от непогоды.

*С сердечными пожеланиями,
Ваш
М. Х.*

**Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
25 июня 1949 года**

Дорогой господин Хайдеггер,

Ваше суждение о ситуации производит впечатление совершенно правильного. Идея создания учреждения⁵ для оставшихся мыслителей и авторов была чем-то очень привлекательным. Но это, возможно, потребовало бы более мощных инвестиций, чем предполагали участники. В течение собы-

⁵ Имеется в виду тот самый журнал, о котором говорится в предыдущих письмах.

тый прошлого года для меня стало очевидным, что тишина — это самое сильное оружие, предусматривающее, что что-то прячется за ней, что-то замалчивается.

Я собираюсь приехать, когда у меня будет такой шанс, возможно, в контору Фридриха Георга или Витторио Клостерманна. В данный момент я погружен в работу над моими старыми и новыми рукописями.

С сердечными пожеланиями,
Vau
 Э. Ю.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
6 января 1950 года

Дорогой господин Хайдеггер,
 я должен еще раз поблагодарить Вас за Ваш подарок — «Разговор на проселочной дороге». Этот подарок открыл мне новое понимание природы Вашего мышления.

Как наш общий знакомый, редактор Витторио Клостерманн уже сообщил Вам, я хотел бы передать Вам мою благодарность, не только за Ваш подарок, но и за Ваше присутствие, посредством вклада в издание юбилейного сборника, посвященного Вашему дню рождения. Мой вклад не будет похож на остальные, но, с другой стороны, я надеюсь, он будет искренним.

От одного моего читателя, господина Барта, я получил детальный отчет о Вашем визите в Бремен. Я не знаю, насколько подлинны детали, которые он сообщил мне. Меня поразило, что Вы говорили о «моей» новой теологии — в любом случае, это мечта, на которую я не претендую. Что меня гораздо больше беспокоит, так это отсутствие какого-либо глубокого теологического анализа, что, как я надеюсь, философы поймут правильно; это задача, от которой не смог бы уклониться ни один философ, ни один поэт, не говоря уже о том, что это не зависит от принуждения.

Кроме этого, что касается меня, то я не позиционирую себя христианином. Скорее, я антихристианин. В связи с этим, в Ваших заявлениях прослеживается значительное противоречие. Я предпочел бы лучше оставаться благосклонным, ждать и смотреть, оценивая факты. Церкви ответственны за многие потрясения, которые мы испытываем в нашем опыте. Даже сегодня, в таком городе, как Равенсбург,

исчезли две конфессии, каждая ночь преподносит новую опасность каннибализма. Он скрывается под видимостью культуры.

Я допускаю, что эти вещи можно оценивать *post factum*. Но кто знает, вдруг в каком-то недостижимом сверхъестественном мире, не здесь и сейчас, среди прочих, стремится к рождению новое поколение христиан? Возможно, первый шаг к преодолению этой болезни будет сделан еще при нашей жизни. Рай кажется похожим на яичную скорлупу, которая, как в легком поцелуе, нуждается в последнем ударе клювом.

Я отказался от плана журнала. Я понимаю, насколько верной была Ваша нерешительность, связанная, в частности, с новой пресс-кампанией, которая ведется против меня. Многие люди считают, что я угрожаю их безопасности. Разумеется, такая площадка, судилище для прояснения подобных вопросов была бы неплохой, но лучше держаться подальше от диалога с «лемурами»⁶.

С сердечными пожеланиями,

Ваш

Э. Ю.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру 18 декабря 1950 года

Дорогой господин Юнгер,

выражаю Вам свою возмутительно опоздавшую сердечную благодарность за Ваш «вклад». «Через линию» поощряет рискованную авантюру, в которой Вы принимаете участие непосредственно в своем Бытии. Ваш вклад, как и Вашего брата, на этом пути существенно отличается от всех остальных вкладов. В то же время, он выражает вдохновляющую привлекательность глухих, нехоженных путей, которую Вы так ясно освещаете.

Дух, который уже был полон сил в «Рабочем», но, в определенном смысле, всё еще оставался привязанным к прочной, неизменной реальности, теперь очищен, его видение, взгляд расширен, и, кроме этого, он обрел дальновидность,

⁶ Это термин Юнгера, который изображает официальных представителей бюрократических властных структур.

способность предвидения и, готовый оказывать помощь, он стал свободным в своем пути.

Это произведение влечет посвящение молодых людей в видение, которое не ограничивается только анализом ситуации и затем инструкциями, объясняющими, как нужно действовать. Видение само по себе является пересечением линии.

Но, кроме всего прочего, это предполагает требование возврата в прежнее состояние отчаянной храбрости, бодрости духа тех, кому до сих пор удастся управлять «неизвестной столицей страдания». Всё это часто сводится к неуклюжим попыткам, внутри окружения, которое вплоть до настоящего времени хотело бы быть оформленным в длительно-разобщенной модели представления.

Когда я прочел Ваш «вклад» впервые — я прочел его первым, раньше остальных — я был, находясь в стороне от битых путей, очень доволен, так как я мог сказать себе, что Вы сами уже достигли свободы и превосходства по отношению к «Рабочему», который позволяет довести эту работу еще раз до сознания поколения. Вы знаете из нашей первой беседы по дороге в Штубенвасен⁷, как много эта работа значит для меня. Тем не менее, возможно, «Через линию» является зародышем новой версии, в стиле и масштабе «Рабочего».

Поэтому я хочу обозначить мой постоянный интерес к Вашему «вкладу», что подразумевает некоторые вопросы.

Я нашел метафизическое зерно внизу 271 страницы: «В мгновение, когда происходит пересечение линии, возникает новый поворот (*Zuwendung*) бытия...». Не должны ли мы надлежащим образом отвечать сути Бытия, но в то же время говорить: линия — это первый приемлемый путь в мгновении бунта Бытия, в его попытке поворота, которая, эта попытка поворота, есть первая утрата иллюзии, пробуждение и полнота событий, направленная к сущности человека?

Пересечение линии, которое осуществляется, развертывается в близости к небытию, к Ничто — это не просто развитие человека. Это в то же время овладение накопленным, которое первое за пределами освещает линию для пересечения. Мне кажется необходимым иметь это в виду, чтобы достичь чистоты Вашего стиля для этого пути.

Размышляя в этом направлении, мое внимание поглотили два вопроса. Они касаются артикуляции очень важных

⁷ Горная система в Германии.

особенностей, связанных с нигилизмом как «фундаментальной силой» и хаосом, болезнью, а также злом. Без прояснения этих связей, «теология» движется исключительно путем проб и ошибок, идя наощупь, словно в тумане.

Если всё-таки фундаментальная сила нигилизма и вместе с этим «линия» не являются симптомами болезни, тогда справедлива мысль, что движение за пределами линии всё еще не соответствует этим объектам, так же, как они существуют в тумане, наощупь, вне медицинских терминов прогноза, диагностики, и терапии. Очевидно, возможно, что Вы выбрали это распределение просто потому что неизбежные ограничения Вашего вклада требовали этого. Я знаю, что Вы далеки от возвышающейся роли психотерапии в метафизике эпохи. Потому что, как бы там ни было, модели видения здесь совпадают и, таким образом, способствуют продвижению новой и опасной антропологии, которая могла бы быть необходимой, чтобы остановить натиск. Знаете, существует план, созданный молодым Ницше, от 1873 года, план создания текста с заголовком: «Философ как врач культуры».

Мой второй вопрос касается понятия «порядок». Вы ясно показали, что даже в нигилизме царствует порядок, что даже он соотносится с определенным стилем, традицией. С другой стороны, Ваше государство по эту сторону линии обнаруживает какую-либо «высшую идею порядка» не более, чем «шедевр искусства». Даже за пределами линии Вы поддерживаете порядок как фундаментальную категорию, Вы разграничиваете только качество порядка с этой стороны линии и поперек линии. Мне кажется, что линия могла бы быть границей для сущностного разграничения, не конечно-го, но бесконечного. Категория порядка — это всё еще след, пережиток необоснованного соотношения формы материи, в любом случае, в котором движется всё диалектическое, будь то идеалистическое или материалистическое, систематическое или историческое. Не то, чтобы высший порядок не должен существовать за пределами линии. Но «порядок» не должен составлять первоисточник, прообраз; он остается чем-то основополагающим, как, например, ценности. Для контраста, Ваше утверждение вверху страницы 272 кажется мне очень близким к моим собственным размышлениям: «Но по эту сторону линии невозможно судить о таких вещах».

Тем не менее, не слишком ли Вы переоцениваете современное положение естественных наук в отношении «пересечения линии»? Мало того, что они в тупике, они не в состоянии видеть этот тупик своими собственными способами. Тот

факт, что традиционная философия в настоящее время не может ничего предложить, является абсолютно точным. Но я надеюсь, что сегодня найдется такой тип мышления, который будет в состоянии показать, что происходит на самом деле, когда неопределенность взяла вверх над учеными-естественниками.

Так как я знаю, насколько Вы цените ремесленную работу автора, я позволю себе указать некоторую тривиальность.

В предпоследнем абзаце 252 страницы Вы провоцируете диалог между «интуицией (*Anschauung*) и рациональным познанием (*Erkenntnis*)», а также между «образом и понятием». Ибо с незапамятных времен, интуиция понималась как познание, но в этом месте вы хотите указать не-интуитивное, концептуальное «о-сознание» (*Be-greifende*), которое отличается от интуиции, следовательно, вы должны иметь в виду «суждение» (*Urteil*) вместо познания.

Но я просто должен поблагодарить Вас за милый подарок, а не указывать на оплошности.

Возможно, однажды у нас будет возможность для встречи, для разговора, в котором мы сможем пройти по вопросам касательно содержания и стиля. Эти две вещи не могут быть разделены. Вопрос стиля — это в то же время тайна мастерской и призвания. Он не терпит публичного изложения. Но он остается для нас наиболее необходимым и важным. Стиль влечет за собой содержание.

В преддверии Дня всех святых я был несколько дней в Мескирхе с моим братом и собирался посетить Вас в Вашем новом доме. Но время и обстоятельства путешествия были очень неблагоприятны.

В то же время, в разгар беспорядков и сумерек мира, демонстрации безграничной власти общественного мнения, которое искажает и подделывает всё, мне кажется, единственное, что остается возможным и даже надеющимся, — говорить, не будучи услышанным, просто реагировать на поворот Бытия в дарованные мгновения. Несомненно, что в первую очередь необходимо, чтобы люди знали, что в такой реакции, в таком ответе начинается путешествие в «недостигаемое».

Я еще раз благодарю Вас за копию «Мюрдун. Письма из Норвегии», которую графиня Фредерика Подевилъс взяла с собой в свой сельский домик. Среди его многочисленных красот, то, как вы неожиданно использовали это чудесное слово, кажется особенно восхитительным после прочтения

многих страниц. Это пробуждает желание однажды услышать это слово из уст норвежца.

*С наилучшими пожеланиями,
Ваш
М. Х.*

**Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
4 января 1951 года**

Дорогой господин Хайдеггер,
я сердечно благодарен Вам за Ваше письмо от 18 декабря. Вместе с тем очень жаль, что Вы не смогли посетить наш удаленный от цивилизации городок, надеюсь, что Вы не перестанете отправлять мне Ваши мысли. Мы здесь всецело окружены густыми рощами.

«Через линию» оторвал меня от некоторых дел, которыми я был занят. Я рад, что эта «жертва» увела меня в сторону этого пути. Отношение к «Рабочему», которые Вы высказывали, понятно. Если очерк⁸ затрагивает другой полюс, то «Рабочий» рассматривает сверхличность / самое необходимое, «Линия» же, с другой стороны, освещает поведение личности и новый вид свободы, который соответствует этому поведению. Поэтому я приближаюсь к наиболее убедительной части моего задания. Мы, немцы, отдаленнее американцев, которые только-только вступили в «тотальную мобилизацию»...

Поэтому я собирался приостановить новую редакцию «Рабочего», несмотря на давление Клостерманна, и затронуть определенные практические вопросы из «Линии», такие, как, например, необходимость реформирования армии. Эта работа приближается к завершению. В ее названии слово «лес» также показывает — сегодня он⁹ составляет центральный символ.

Возможно, лучше обсудить Ваши советы лично — в письменном виде они покажут нас слишком далекими. Я желаю только предвидеть замечание, что я не придаю достаточного значения медицинской терминологии. Три других области науки и искусство предлагают равные уровни подхода, и,

⁸ Имеется в виду «Через линию».

⁹ Т. е. лес.

наконец, анализ понятий, которые становятся идентичными: здоровье — это свобода, свет, красота, божественное присутствие, или даже поэзия, где этот подход занимает место языка.

Утром прибыл Фридрих Георг. Клеменс Подевильс пригласил меня в Мюнхен 11 января¹⁰. К сожалению, я не смог бы приехать, даже если бы предмет приглашения и привлекал меня. Я собираюсь поехать в Базель 15 января и остаться там на месяц. А в начале февраля я вернусь во Фрайбург. Будете ли Вы там в это время?

С наилучшими пожеланиями
1951
Ваш Э. Ю.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
7 января 1951 года

Дорогой господин Юнгер,
я благодарен Вам за Ваше письмо и мне очень нравится идея встречи во Фрайбурге. В начале февраля (только первое число мне не подходит) я буду там. Вы можете остановиться с нами. Может быть, Вы отправите нам открытку из Базеля, когда Ваши планы определятся.

Я скромно надеюсь встретить Вас в Мюнхене; это было бы очень мило.

Мы собираемся посетить проездом Ульм 10 января. Возможно, Ваш брат сможет также взять билет в Ридлинген.

С наилучшими пожеланиями и почтением,
Ваш
М. Х.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
16 апреля 1951 года

Дорогой господин Хайдеггер,

¹⁰ Поводом для приглашения была опера Карла Орфа («Антигона»), либретто для которой послужил перевод трагедии Софокла, сделанный Гельдерлином. Для празднования этого события Подевильс организовал серию лекций.

на праздник Вознесения я буду во Фрайбурге с госпожой Клетт и доктором Молером. Если Вы будете здесь, я буду очень рад увидеть Вас. О жилищном вопросе позаботятся, как и обо всем остальном. Пожалуйста, черкните мне несколько строк.

Ваш
Э. Ю.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
23 апреля 1951 года

Дорогой господин Хайдеггер,
я желаю Вам хорошего отдыха и самочувствия во время пребывания в Бремене. Для нас было бы радостью встретить Вас в Виллингене. До Пятидесятницы в моем доме гости, так что были бы предпочтительнее дни после.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш
Э. Ю.

42

**Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру [почтовая от-
крытка]**
9 февраля 1952 года

Дорогой господин Хайдеггер,
14 февраля я собираюсь быть во Фрайбурге. Я был бы очень рад, если бы у Вас появилась возможность увидеться со мной. 13 февраля тоже подходит. Пожалуйста, дайте мне знать, подходит ли Вам отель «Оберкирх» на площади Мюнстерплац.

Ваш
Э. Ю.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
12 февраля 1952 года

Дорогой господин Хайдеггер.

Мы останавливаемся здесь¹¹, к сожалению, не так долго, как я рассчитывал. Я пробуду здесь лишь до завтра, и завтра же в полдень я увижусь с профессором Эрихом Вольфом.

Я был бы рад увидаться с Вами хотя бы на час, например, в городе или в другом месте.

Искренне

Ваши

Э. Ю.

PS Я остановился в отеле «Оберкирх».

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
[черновик письма]
20 ноября 1953 года

Дорогой господин Юнгер,

с момента нашей последней встречи в Мюнхене — во время Вашей лекции «Искусство в эпоху технологий» — я думаю, что мы могли бы хорошо провести время за беседой: Вы, я и Гейзенберг¹².

Беседой — о чем? — Могли бы Вы спросить. Беседой о том, о чем никто из нас не может рассуждать в одиночку. Однако время для этой беседы не может быть запланировано заранее. Это был бы разговор, в котором имена, работы, личности собеседников исчезают, и где будет править бал невыразимое. Возможно, это только мечта.

Когда мы обменялись последними любезностями с разных сторон улицы среди дорожной суеты, мне показалось, что это благоприятный момент был упущен в те дни. Как много моментов мы упускаем незамеченными! Для того, чтобы словить эти моменты, нам необходимо спешить, но для того, чтобы собрать их воедино, выступить коллекционерами моментов как ретроспекций, как упущенных в прошлом возможностей, мы должны лишь попытаться увидеть возможно таких благоприятных моментов в будущем.

¹¹ Имеется в виду Фрайбург-у-Брайсгау.

¹² Вернер Гейзенберг (1901–1976) — автор «принципа неопределенности» в физике. Лауреат Нобелевской премии 1932-го года за его вклад в создание квантовой механики.

Ваш
М. Х.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
15 января 1954 года

Дорогой господин Юнгер,
 спасибо Вам за маленький томик с замечательным Послесловием. Я поздравляю Вас с Вашим вхождением в «библиотеку». Я по-прежнему наивно обдумываю наш визит в Мюнхен и надеюсь, что однажды возможность побеседовать о сущностных вещах подвигнет нас на это путешествие.

С самыми теплыми пожеланиями от моей жены, а также со всем дружелюбием, по-прежнему

Ваш
М. Х.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
31 марта 1955 года

Дорогой господин Юнгер,
 уже почти год, как я откладываю письменное выражение почтения Вам в связи с Вашим шестидесятилетием. Я по-прежнему лично поздравляю Вас в правильную дату, однако всё равно слишком поздно.

Однако, меньше всего, думаю, Вас беспокоит точность этих расчетов. Вам известны другие вещи. Это знание о том, как много всеобъемлющей работы Вам предстоит сделать в наступающее десятилетие Вашей жизни. Это мое первое пожелание. Второе же относится к основным условиям творчества: здоровье, выносливость и стойкость, дружба, вера в первостепенную силу духа.

Сегодня мы не только одиноки и обособлены. Мы также лишены перспектив безопасной и перманентной динамики истории. Это — обещанный результат предпринятых усилий, работы, то, чего мы сможем достичь позже.

Совсем другая надежда необходима небольшой группе людей, которые борются за адаптацию, переделывание пространства для свободы, которая нужна не только для человеческой деятельности и поступков, но также нужна в качест-

ве основания мира: если мы свободны, то свободно и то, что мы порождаем.

Вместо простого понимания, ускользающего от компромисса, маскирующего перспективность оппозиций, необходимо вступить в такое антипротивостояние, посредством которой каждый обретает свою собственную сущность, которая в нем же [каждом] и признается.

Вам посчастливилось войти в такого рода антипротивостояние в Вашем юбилейном сборнике. Сегодня я посылаю Вам эти пожелания, присоединяя к ним мои теплые воспоминания о Вас.

Моя жена также шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ваш
М. Х.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
29 ноября 1955 года

Дорогой господин Хайдеггер,
господин Клостерманн, с которым я провел некоторое время в Хомбурге, отправил мне Ваше «Эссе к вопросу о бытии»¹³.

Таким образом, Ваш прекрасный вклад в мой юбилейный сборник тоже появится в отдельном томе. Я буду читать его со всем вниманием — снова и в новой форме, сохраняя в глубине моего сознания мысль, что я мог, вдруг, добавить что-то туда — не в смысле отклика, но в смысле нового начала, толчка. Поэтому, в рамках юбилея некая цепь или нить могла привести к возникновению чего-то качественно нового.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш
Э. Ю.

PS Сейчас я работаю над завершением работы о Ривароле¹⁴. Его максимы совершенно прозрачны и кристально чис-

¹³ Zur Seinsfrage.

¹⁴ Антуан де Ривароль (1753–1801) — французский мыслитель, литератор. Э. Юнгер занимался переводом произведений Ривароля.

ты, хотя местами отдают чем-то орфическим. Как, например, в этом месте:

*Движение между двумя паузами является образом настоящего — между прошлым и будущим. Ткач, прядущий свое полотно, делает то, чего нет*¹⁵.

Это изречение имеет множество интерпретаций. Я воспринимаю этот образ — ткацкого станка — более или менее, как неподвижное прошлое. Ткач производит свое полотно из того, что не существует, из не-бытия. Недостаточно просто перевести эту максиму, но нужно увидеть ее глубинный смысл. Мне было бы любопытно узнать, что Вы думаете об этом, ведь Вы так много времени посвящали изучению вопроса о времени и бытии.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру

[почтовая открытка]

31 декабря 1955 года

46

Дорогой господин Юнгер,
спасибо Вам за открытку. Я еще не начал заниматься Риваролем, но я планирую предпринять попытку интерпретации его текста на днях.

С наилучшими пожеланиями в Новом году,

Ваш

М. Х.

¹⁵ Э. Юнгер считал, что образ ткацкого станка — ключевой для этой максимы Ривароля. При этом, французский мыслитель смотрит на движение не с точки зрения перетекания моментов прошлого и будущего друг в друга, а как на повторение из разряда «туда-сюда», словно динамика челнока в ткацком станке. Время здесь представляется стоящим, покоящимся, а движется лишь настоящее. Переход — это присутствие того, чего еще нет. Поэтому ткач занят тем, что еще не существует. На такие мысли Э. Юнгера натолкнула неоднозначность французского глагола «делать» — *faire*, фигурирующего в этой максиме.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
1 января 1956 года

Дорогой господин Юнгер,

что касается текста о Ривароле, о котором Вы упоминали в предыдущем письме, я должен сделать кое-какие оговорки, прежде чем я выскажу свое мнение об этом.

Во-первых, я совершенно не знаком с произведениями Ривароля; также я не знаю равным счетом ничего и, соответственно, поэтому не могу ответить на Ваш вопрос о том, что именно имел в виду Ривароль, говоря о времени и движении.

Таким образом, мои ремарки будут касаться чего-то, что висит в воздухе и ограничивается исключительно текстом максим, о котором Вы упомянули.

Движение между двумя паузами является образом настоящего — между прошлым и будущим. Ткач, прядущий свое полотно, делает то, чего нет.

Для начала, я скажу кое-что о связи между состояниями движения и покоя (ограниченной перемещением элементов одной системы) — с одной стороны, а также между темпоральностью — с другой стороны. Начиная с Аристотеля (*Физика IV*, части 10–14), внимание к этой связи ассоциировалось с проблемой времени. Но понимание «движения» и «времени» изменилось в процессе развития западной философской мысли. Эти понятия приобрели неоднозначные выражения, среди которых всегда особенно выделялись мысли — наследие древнегреческой философии. Я отметил эти исторические детерминанты в связи с теми неясными местами, которые я заметил — во многих отношениях — в этой максиме Ривароля. В частности, это относится к тому, «чего еще нет», «не существует», что «не есть».

Размышления Аристотеля о времени начинаются с вопроса, может ли время считаться таким, что существует, что есть. Это положение Аристотеля представлено словами «*κ μὴ οὐτὼν συυχεμενον*» — эта фраза упоминается до того, как философ говорит о не-бытии, о том, что «еще не» случилось в будущем, о приходящем, наступающем, о том, что «уже не» случится в прошлом. Но оба эти выражения не-бытия не являются идентичными слову «ничего» (в значении *nihil negativum*). Если, согласно Аристотелю, то, что на самом деле есть

во времени, — это лишь «сейчас», то это «сейчас» есть одно- временно движением между «еще не» и «уже не», где время детерминруется через *κίνησις*, то *μεταβολή* — это «изменение» (как изменения погоды или перемена мест). Таким образом, не-бытие — грядущее и уже прошедшее — представляется нам через две вещи, которые не имеют отношения к состоянию покоя. Что такое настоящее? Это нечто, точно не пребывающее в покое (в том же смысле, в котором не пребывают в покое вышеобозначенные вещи), вместо этого — настоящее есть тем, что пребывает в состоянии движения.

Но в чем же состоит эти заложенные во втором предложении темнота и одновременно свет максимы Ривароля? Понимание роли и сущности ткача, движение туда-обратно ткацкого челнока, демонстрирует, что Ривароль рассматривает движение не как пустоту, отсутствие будущего в прошлом («проходящее время»), но как движение вперед-назад между двумя вещами, находящимися в состоянии покоя.

На самом деле, прошлое и будущее здесь больше не относятся ко «времени», что, в общем-то, так и есть, но «покой» у Ривароля, по-прежнему, не означает ничего, кроме покоя — как в прошлом, так и в будущем. Так и между этими точками. Время, таким образом, «стоит» и, соответственно, не движется, не проходит; оно движется только касательно настоящего, это движение преходящего.

Что играет главенствующую роль в этом втором предложении, так это полисемантический характер слова *fait*¹⁶ и амбивалентность, связанную с этой полисемантикой. Эта неоднозначность становится заметной, когда мы задаем вопрос: что делает ткач? Это может означать:

1) что является результатом деятельности ткача, что он изготавливается в смысле того, что появляется из его рук — готовое (про-из-веденное) как для-себя-стояние и принадлежность самому себе?

2) чем занят ткач, каковой является его работа, что именно находится в его руках и под рукой?

Это второе значение французского *faire* и латинского *facere* исторически предстает как наиболее авторитетное. Это означает: ставить, помещать, размещать, пребывать в

¹⁶ Форма третьего лица настоящего времени французского глагола «делать», *faire*.

состоянии покоя¹⁷. Можно также вспомнить древнегреческое слово *θεσις* — более подходящее к этому контексту, чем *ποιησις* — в том смысле, что про-из-ведение (про-из-водство) чего-либо является в то же время помещением самого себя (*θεσις*), рас-положением и пред-положением, а также результатом этих процедур (транспозиций). В контексте этой амбивалентности *fait* у Ривароля положение максимы можно интерпретировать так:

Ткач, который в роли ткача производит ткань и определяет эту ткань как принадлежащую себе. Ткань, изготовленная ткачом, — это его работа, результат его труда. Изготовление этой ткани возможно лишь благодаря движению челнока ткацкого станка туда-сюда, вперед-назад, что одновременно является движением между «еще нет» и «уже да» и наоборот. Это движение — настоящее не-бытия. Вследствие того, что ткач производит что-либо через движение вперед — к тому, чего еще нет, он порождает бытие, законченную ткань. Настоящее появляется в этом движении туда-обратно. Все, что кажется находимся в состоянии покоя сейчас, на самом деле, все еще движется вперед-назад. Образ настоящего формируется не состоянием покоя, но движением. В максиме подчеркивается главенствующая роль первого слова: движение. Обычно мы представляем, что настоящее — это нечто непоколебимое, твердое, стабильное, стойкое, и пребывающее в состоянии покоя. Ривароль же говорит: движение — это и есть образ настоящего.

Вы можете легко решить, насколько далека моя интерпретация от того, что на самом деле писал Ривароль. Такие максимы, положение всегда являются вызовом для нашего ума, проверкой его на прочность. И еще эти максимы всегда продуктивны.

Поэтому я благодарю Вас за вашу отсылку к этой максиме и шлю Вам мои самые лучшие пожелания.

Ваш
М. Х.

¹⁷ М. Хайдеггер, в частности, упоминает два французских глагола: *poser* и *placer*.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
8 января 1956 года

Дорогой господин Хайдеггер,

Вашим анализом максимы Ривароля Вы не только вовлекли меня в экстраординарную игру, но также доставили мне экстраординарное удовольствие.

Что меня больше всего удивило, так это уверенность, с которой Вы вывели из этой максимы базисный компонент, зерно, лежащее в основе положения Ривароля о времени.

Учитывая, что автор был незнаком Вам, Вы доказали, что Вы — мастер толкования. В сущности, время, действительно, «стоит» для Ривароля, и это доказывают положения его работы. В то же время, он сравнивает время с берегами речного потока, между которыми мы постоянно путешествуем; с другой стороны, он выбирает образ сосуда, сквозь который течет вода. Вы уловили этот момент, как Шампольон — смысл отдельного египетского иероглифа.

Я не хочу лишать моих читателей Вашего видения, объяснения и я бы хотел поместить Ваши слова в книгу в форме цитаты. Это содержательно сопровождало бы мой перевод Ривароля. Я был бы благодарен Вам, если бы включили полный текст Вашей интерпретации Ривароля в Ваши короткие сочинения — наравне с Вашими лучшими интерпретациями.

С сердечной благодарностью,

Ваш

Э. Ю.

**Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру [почтовая
открытка]**
22 марта 1957 года

Дорогой господин Юнгер,

спасибо за Ваши поздравление и за Ваше приглашение. Мы были бы рады приехать. Я собираюсь быть в Мескирхе немного позже и, если это возможно, я бы хотел заехать к Вам. Передавайте привет Вашей семье.

Искренне,

Ваш

М. Х.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
21 ноября 1957 года

Дорогой господин Хайдеггер,
 Гюнтер Неске отправил мне «Различение и отождествление». Я почти уехал из Парижа, а книгу я собираюсь взять с собой. Мое чтение всегда погружено в диалог с Фридрихом Георгом.

Вчера Я прочел в «Mersur» комментарии Рудольфа Панвица¹⁸, касающиеся трех томов Ницше, которые принес Шлехта¹⁹. У меня недостаточно детальной информации, чтобы судить о предмете, но я чувствую, что здесь кроется что-то очень важное — в конце концов, философу следовало бы воспринимать происходящее так серьезно, насколько это возможно, в эту эпоху, когда политические ценности доминируют в обществе, а люди просто напутаны. Я бы хотел просто услышать, затронул ли этот спор Вас.

Карл Корн прислал мне также опросник, который он, как я увидел по сопроводительному письму, также прислал и Вам — все сложные вопросы здесь могут иметь те или иные ответы. Хотите ли Вы присоединиться к этому?

*С наилучшими пожеланиями Вам и Вашей жене,
 Ваш
 Э. Ю.*

51

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
24 ноября 1957 году

Дорогой господин Юнгер,
 спасибо Вам за Ваше письмо. Я желаю Вам приятного визита в Париж.

¹⁸ Рудольф Панвиц (1881–1969) — немецкий поэт, писатель, философ, чьи самые известные труды посвящены поэту Гуго фон Гофмансталю.

¹⁹ Карл Шлехта (1904–1985) — немецкий философ и редактор трехтомного издания трудов Ницше. Спор, о котором говорит Хайдеггер, касался корректности редакции Шлехты.

Пожалуйста, передавайте Х. Ш. мое приветствие²⁰. Я получил новое издание трудов Ницше от Шлехты. Я также говорил со Шлехтой о деталях этого издания, касающиеся окончания работы над архивом Ницше. Действительно, многое из того, что мы держим в уме, мы в итоге не осуществляем. Но даже несмотря на это, я, как и Вы, вполне доволен этим изданием. Шлехта — единственный, кто в итоге смог осуществить этот замысел. Между тем, я понятия не имею, что случилось с архивом.

Естественно, мой ответ «Frankfurter Zeitung» был отрицательным; эти вопросы сейчас размножились на страницах новостных изданий. В общем, я ничего не собираюсь предпринимать касательно этого.

Я надеюсь, мы увидимся в наступающем году; но также, прошу, передавайте мои приветствия и мои наилучшие пожелания Вашей жене.

Ваш
М. Х.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру 29 декабря 1958 года

Дорогой господин Хайдеггер,
по случаю Нового года, я оправляю Вам и Вашей семье мои сердечные поздравления.

Я надеюсь, мы снова встретимся в течение этого года — может быть, в Мюнхене, где мой брат будет читать лекцию, в январе.

В октябре, в этой прекрасной атмосфере, рожденной долиной Энгандин²¹ и так хорошо способствующей концентрации, я думал об одном деле, которое не предполагает участия формальных рассуждений. Идея — это участие в игре, под названием *Мантрана*²², правила которой я открою Вам. Возможно, Вы знаете кого-то, достаточно интеллигентного

²⁰ Вероятно, имеется в виду Ханс Шпайдель (1897–1984) — немецкий генерал Второй мировой войны и первый немецкий командор НАТО во время Холодной войны.

²¹ Энгандин — долина, находящаяся в Швейцарии, а также курорт и национальный парк здесь.

²² Игра в домино, которая предполагает наличие двух или трех участников, а также правил — «мантр», соблюдаемых игроками.

для этой игры. Может быть, это будет Ваш сосед или Вы просто будете играть сами с собой, соблюдая все «мантры».

С наилучшими пожеланиями в 1959-м году,

Ваши

Э. Ю.

**Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
2 февраля 1959 года**

Дорогой господин Хайдеггер,

я был очень рад встретиться с Вами в Мюнхене, а потом — и в поезде. Конечно, это были редкие встречи и мне хотелось бы видеть Вас чаще. Возможно, я соберусь выехать в Ротвайл [место для карнавала в Баден-Вюртемберге], чтобы увидеть «прыжки шутов». Я сделал некоторые приготовления для встречи там с Кизингером²³. Я бы хотела узнать, собираетесь ли Вы быть в это время в Мескирхе? В любом случае, я позвоню Вам ненадолго. В конце концов, мы будем рады видеть Вас и Вашу жену в Виллингене в скором времени.

В разговоре с Гейзенбергом мы упоминали «мирное» использование атомной энергии, которое отличается от использования атома в военное время, когда атом невозможно контролировать. Как долго атом может находиться под контролем? — спросите Вы. Возможно, так долго, как предполагает Гаагская конвенция²⁴.

Я пишу Вам сегодня — после того, как генерал Бувар²⁵ обратился ко мне с делом, касающимся Вас. Бувар, которого я знаю уже длительное время, командовал реактивными истребителями в Ларе, потом он служил главнокомандующим военно-воздушными силами в Дакаре, на западном берегу Африки, а сейчас он возглавляет военную академию. Я многого еще не упомянул о нем.

Он думает, что предисловие, написанное Вами, для рукописи, над которой он сейчас работает, касающейся развития современного общества и демонстрирующей влияние на

²³ Курт Георг Кизингер (1904–1988) — участник Нацистской партии, а позже — член Христианской демократической партии, который также был канцлером Западной Германии с 1966 по 1969 гг.

²⁴ По всей видимости, имеются в виду Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., определяющие законы и обычаи войны.

²⁵ Мишель Бувар (1901–1979).

него Ваших идей, придавало бы его работе исключительную значимость. Поэтому он попросил спросить Вас об этом. Конечно, мне трудно судить об этом. С другой стороны, Вы окружены Вашими многочисленными студентами, некоторым из которых могло бы быть интересно прочесть эту работу и которые могли бы сделать для Вас краткое описание труда Бувара. После следует вернуть рукопись автору по этому адресу: Генерал Бувар, улица Ньель, 73-бис, Париж 17.

Я читал этот труд в Мюнхене и нашел его очень многообещающим. Я также заинтересован услышать рассказ моего брата о его путешествии в Берлин. Я провел несколько утомительных дней в Штутгарте, увидевшись там со Шпайделем и еще с кучей людей, а также получил орден²⁶. Когда человек становится старше, он больше не может спрятаться.

*С сердечными пожеланиями Вам и Вашей жене,
Ваши
Э. Ю.*

**Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
8 февраля 1959 года**

54

Дорогой господин Юнгер,
спасибо за Ваше письмо. Я прочту французский текст; только сперва я должен поговорить с издательством «Akademie-Jahrbuch» по поводу издания моих текстов. Поэтому вчера я выехал вместе с моими племянником во Фрайбург. Однако летом мы с женой собираемся совершить пеший тур по старой родине, а также мы планируем после «спуститься» к Вам.

Мне жаль, что у нас не было достаточно времени для того, чтобы нормально поговорить в Мюнхене.

*Сердечно, передаю привет — от моего дома Вашему дому, —
Ваши
М. Х.*

²⁶ 31 января 1959 года Юнгер получил командорский крест — орден «За заслуги перед ФРГ».

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
15 февраля 1959 года

Дорогой господин Юнгер,
сердечно благодарю Вас за Ваши строки от 8 февраля. Генерал Бувар будет рад услышать новости от Вас. Мне приходит в голову, что весной было бы неплохо посетить некоторых моих знакомых в Париже. Я собираюсь поехать туда автомобилем в компании градоправителя из Гослара — Шнайдера²⁷. Не хотите ли присоединиться к нам? Мы имеем много общих друзей, как мне кажется. Также, Шпайдель был бы рад узнать, что Вы увидите с ним в Фонтблэ.

Мне прислали вырезку из одной гамбургской газеты, содержащей лживое и оскорбительное обсуждение мюнхенских лекций. Так много труда было вложено в подготовку этих лекций, беспокойств и проблем было преодолено, чтобы провести эти лекции, чтобы какая-то кучка злобных дураков прошлись по ним со своим предвзятым мнением, разрушая идеи, заложенные туда. Однако я уже начинаю догадываться, что мотивирует этих идиотов говорить все эти вещи. Такое чувство, что «им где-то жмет ботинок»²⁸, но они боятся сказать все это в лицо. Также мне причинило боль, что зачеты были студенты, вложившие свой труд в подготовку лекций. Конечно, они могут не углубляться в эту проблему. С другой стороны, я сомневаюсь, что реакция завистников была бы иной, если бы за кафедрой — на месте Вас или моего брата — стояли Кант или же Шеллинг. В этих нападках я, однако, вижу что-то, тешащее мое достоинство и подтверждающее качество лекций. Здесь я чувствую присутствие Эроса.

Сейчас я испытываю острое желание высказать мое мнение о свободе прессы этим продажным газетчикам — однако, будет лучше — для них же и для эпохи — просто оставить их, потому что прения недостойны важности предмета. Любой может ощутить вкус горечи помимо успеха: это справедливо и в случае лекций. Также каждый может не один раз в своей жизни услышать какие-то неприятные вещи. Мне кажется, конечно, что подобный опыт портит впечатление об участии в таких мероприятиях и устранил же-

²⁷ Хельмут Шнайдер (1910–1968).

²⁸ Идиома, обозначающая «испытывать страдания, будучи ущемленным кем-то другим».

ление сделать это снова. В любом случае, мне есть, что сказать.

Я был — вместе с Фридрихом Георгом — в Ротвейле — среди шутов. Я вернулся во вторник. Также, я мог посетить некоторые мероприятия в Мескирхе, но я не поехал туда, зная, что Вы не будете присутствовать там.

Не забудьте передать мои сердечные пожелания Вашей жене,

Искренне

Ваш

Э. Ю.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
17 ноября 1959 года

Дорогой господин Юнгер,

я от всего сердца благодарен Вам за Ваше письмо. Ваша поддержка сейчас очень много значит для меня. Ну а духовно нищим людям мы должны позволить уйти.

Ваш план касательно поездки очень заманчивый. Правда, я все еще сделать кое-что, прежде чем смогу позволить себе выехать. Я пообещал председателю Общества Гельдерлина в Штутгарте принять участие в конференции в Мюнхене. Это будет встреча, запланированная для проведения в этом году («Земля и Небеса Гельдерлина»), и посвященная памяти Винклера²⁹. Соответственно, я должен выделить время для осуществления этой затеи. Я также очень прошу известить меня вкратце о том, *когда именно и как долго* Вы планируете быть в Париже.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне

Ваш

М. Х.

Моя жена также шлет Вам свои приветствия.

²⁹ Ойген Готлоб Винклер (1912–1936) — автор работ о Гельдерлене, Лоуренсе и Прусте. Конференция была посвящена двадцатой годовщине его самоубийства.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
9 мая 1959 года

Дорогой господин Юнгер,
 господин Шнайдер, градоправитель, написал мне из Гос-
 лара письмо, что вскоре Вы отправляетесь во Францию. Мне
 так жаль, что я не могу сейчас присоединиться к Вам. Сей-
 час моя работа по подготовке конференции Общества Гель-
 дерлина находится в самом разгаре. Она пройдет в Мюнхене
 в начале июня.

Я желаю Вам хорошей поездки и прошу Вас передать
 мои приветствия господину Шнайдеру.

*Всего Вам самого лучшего,
 Сердечно
 Ваш
 М. Х.*

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
30 августа 1959 года

Дорогой господин Хайдеггер,
 сейчас я готовлюсь отправиться на Сардинию, думая о
 Вашем приближающемся Дне рождения и присылаю Вам
 заранее мои сердечные поздравления и пожелания. Я сожа-
 лею, что я не могу поздравить Вас лично. Господин Молер
 сделает это за меня.

По случаю изданию юбилейного сборника работ, я внес в
 него также фрагмент моего труда «У стены времени». Мне
 приятно, что кое-какие мысли из тех, которые я считаю
 наиболее важными, войдут в этот сборник, в форме избран-
 ных трудов. В связи с этим я очень обязан госпоже Рут-Эве
 Шульц³⁰.

³⁰ Рут-Эва Шульц (1918–1995) — студентка Г.-Г. Гадамера в
 1947–1950 гг. Также она была ассистенткой Эрнста Блоха в Лейпци-
 ге.

Продолжайте, пожалуйста, радовать нас как модно большим количеством Ваших прекрасных вещей. *Ad multos annos*³¹.

Ваш
Э. Ю.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
9 ноября 1960 года

Дорогой господин Хайдеггер,
я надеюсь, что Вы находитесь в хорошем настроении и здравии. У меня, к сожалению, дела идут не так хорошо. Здоровье моей жены сильно ухудшилось.

Я до сих пор не поблагодарил Вас за Вашу замечательную речь о Гельдерлине в театре Кювилье в [Мюнхене]. Вы бережно сохранили великий текст. Пожалуйста, примите небольшой текст и от меня³².

Мирча Элиаде³³, а также я, будет признательны Вам, если Вы соизволите однажды сделать небольшой вклад в журнал «Antaios», который мы издаем вместе. Я пришлю Вам кое-какие образцы; Вы сможете отыскать там имена, которые известны своей хорошей репутацией в мире.

Журнал посвящен символическим экспликациям; он также содержит новую оптику и новый взгляд на правду. Тематика неограничен, учитывая, что все вещи и связи между вещами могут рассматриваться с новой точки зрения. Краткое изложение и интерпретация, пожалуй, не помешают, если мы поручим Вам эту роль судьи.

³¹ До лучших времен.

³² Имеется в виду произведение, которое Юнгер посвятил Хайдеггеру, а именно: *Sgraffiti*.

³³ Мирча Элиаде (1907–1986) — философ и теоретик мифа, сотрудничавший с Юнгером в упомянутом журнале, который они издавали вместе вплоть до 1971 года.

Кстати, мне удалось повстречаться одного из Ваших студентов в Тюбингене. Я имею в виду профессора Шульц. Я имел удовольствие побеседовать с Рут-Эвой Шульц. Это приятный человек, которого Вы очень вдохновили.

*С наилучшими пожеланиями,
Ваш
Э. Ю.*

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
22 ноября 1960 года

Дорогой господин Юнгер,
в последнее время я много думаю о Вас, меня очень тревожат страдания, которые Вам приходится переживать ныне³⁴.

Лишь в такие моменты может неслышно, незаметно помочь расстояние.

Я думаю о том, может ли мистическое пространство глубочайшего уединения и одиночества — настроенность на прощание — в будущем так наполнить Вас — через воспоминания, память (*Andenken*³⁵), которая заново возвратит Вам неизвестную доселе близость, а также из которой Вы сможете получить толчок, стимул, пробуждающий спрятанную глубоко внутри страсть.

*Я всегда помню о Вас,
Ваш
М. Х.*

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
26 марта 1962 года³⁶

Дорогой господин Юнгер!
Дорогая госпожа Юнгер!

³⁴ 20 ноября 1960 года Юнгер потерял свою первую жену, Грету фон Эйзен, которая скончалась после долгой болезни.

³⁵ *Andenken* — название поэмы Гельдерлина, а также эссе Хайдеггера, которое он посвятил Гельдерлину.

³⁶ 3 марта 1962 года Юнгер женился второй раз на Лизелotte Лорер.

Мы желаем Вам — от всего сердца — счастья в этом прекрасном союзе, которому мы бесконечно рады.

Возможно, счастливая возможность приведет вас однажды сюда, в Мескирх.

Примите сердечные поздравления — от меня и моей жены,

Ваш

М. Х.

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру

20 октября 1964 года

Дорогой господин Хайдеггер,

мы были рады услышать, что Вы хорошо отметили Ваш день рождения. Я ожидаю, что вскоре мне придется приложить много усилий в моей работе.

«Рабочий», между тем, вскоре появится в старой версии этого текста в Томе IX собрания моих трудов. Я надеюсь, что однажды я найду время, чтобы возобновить работу над этой теме.

Пожалуйста, передавайте мои наилучшие пожелания Вашей жене,

Сердечно

Ваш

Э. Ю.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру

Март 1965 года

Дорогой, уважаемый господин Юнгер,

следующее десятилетие, которое открывается для Вас в этот счастливый день, и его благотворная атмосфера, я надеюсь, поспособствует Вашей плодотворной работе. Я желаю Вам написать работы, стиль которых будет достойно отображать эту эпоху.

Я также надеюсь, что в какой-то из дней эти подарки станут для Вас отрадой: первый — посвящен Штифтеру, ос-

тальные — возможно, сообщат Вам что-то о том, какие скрытые глубинные рельефы мысли они скрывают³⁷.

Примите мои сердечные поздравления от меня и моей жены — для Вас и Вашей жены,

Ваш
М. Х.

Мартин Хайдеггер Эрнсту Юнгеру
29 мая 1965 года

Дорогой, уважаемый господин Юнгер, я только что получил — экспресс доставкой — запоздалой приглашение от президента правления Кизингера посетить почетный завтрак, который будут давать в Штутгарте 1 мая.

К сожалению, теперь будет отложен мой запланированный выезд за город. Но я буду счастлив увидеть Вас, а также иметь удовольствие снова побеседовать с Вами.

Как правило, в таких ситуациях стоит вспоминать слова, принадлежащие выдающемуся мыслителю древности Лао Цзы:

«...Кто умеет закрывать двери, не употребляет запор и закрывает их так крепко, что открыть их невозможно.

Кто умеет завязывать узлы, не употребляет веревку, но завязывает так прочь, что развязать невозможно.

Поэтому совершенномудрый постоянно умело спасает людей и не покидает их. Он всегда умеет спасти существа, поэтому он не покидает их.

Это называется глубокой мудростью.

Таким образом, добродетель является учителем недобрых, а недобрые — ее опорой.

Если недобрые не ценят своего учителя и добродетель не любит свою опору, то они, хотя и считают себя разумными, погружены в слепоту.

Вот что наиболее важно и глубоко»³⁸.

³⁷ Хайдеггер подарил Юнгеру в его шестидесятый день рождения несколько книг, в том числе два издания следующих трудов: «Eisgeschichte», а также «On Abraham a Santa Clara» Адальберта Штифтера (1805–1868, австрийский писатель и поэт).

³⁸ Лао Цзы. Дао дэ Цзин. М., Мысль, 1972. Часть 27.

Не выходи за дверь,
но приходи, чтобы узнать мир.
Не оставляй открытым окно
и смотри на тропу в небе;
тот, кто заходит всё дальше,
знает всё меньше.
Вот в чем мудрость:
он не совершает никаких путешествий,
но он наполнен знаниями;
он слеп,
но полон благодарности;
он бездействует,
но проходит путь до конца.

Примите мои наилучшие пожелания Вам и Вашей жене
— от меня, а также от моей жены,

Ваш
М. Х.

62

Эрнст Юнгер Мартину Хайдеггеру
8 июля 1965 года
[письмо, отправленное с корабля «Гамбург»]

Дорогой господин Хайдеггер,

Нам так жаль, что Вам не удалось поехать вместе с нами в Штутгарт. Надеюсь, у нас получится увидеться в другой раз. Между тем, мы сейчас находимся в пути, созерцаем океан, земли, а также других людей.

Это также дало мне дополнительный повод поразмыслить над словами китайского мудреца, которые Вы прислали мне в предыдущем письме. Я думаю, между тем, могу ли изменить мой темперамент и запереть себя в комнате? «Здесь тоже есть боги»³⁹ — и я когда-то мог бы начать путешествия *autour de ma chambre*⁴⁰, как мой французский предшествен-

³⁹ Высказывание Гераклита. Эти слова древнегреческий философ произнес, когда несколько посетителей вдруг заметили, что мыслитель греет руки у кухонного огня.

⁴⁰ Слова «вокруг моей комнаты» отсылают к произведению французского писателя Ксавье де Местра (1763–1852) «Путешествие вокруг моей комнаты». История рассказывает о том, как молодой

ник. Это лучше, чем находится в состоянии интеллектуального спокойствия и настойчиво сохранять это состояние, даже если местонахождение человека меняется. Поэтому я продолжу работу здесь — на борту — в такой же дисциплине, как это было в Виллингене.

Эрнст Клетт написал мне из Порт-Саида, что он собирается посетить Вас во Фрайбурге с Вашим студентом Герхардом Небелем. Я думаю, что они хотят приехать к Вам в ближайшее время. Было бы здорово, если бы Вы подумали об издании собрания Ваших трудов. Конечно, собрание сочинений предполагает работу с огромным количеством работ. Может быть, Вы придумаете более простой путь, чтобы осуществить эту масштабную работу.

С наилучшими пожеланиями — от всего сердца — от меня и моей жены. Передавайте также нами приветствия Вашей жене,

Ваш
Э. Ю.

['Intəvju:]

Луи-Фердинанд Селин Три интервью⁴¹

Интервью для The Paris Review.

Часть первая

Селин: Что вам сказать? Я не знаю, чем подмаслить ваших читателей. Это те люди, с которыми надо быть ласковым... Нельзя бросаться на них с кулаками. Им нравится, когда их развлекают, но никаких угроз, никаких нападок. Хорошо... Давайте поговорим. У автора не так уж много книг. «Путешествие на край ночи», «Смерть в кредит» — этого было достаточно... Я влез в это всё из любопытства. Любопытство, оно дорого обходится. Я превратился в печального хроникёра. Большинство авторов ищут трагедию, и не находят её. Они вспоминают личные маленькие истории, это не трагедии. Вы скажете: греки. Эти греки с их трагедиями считали, что они говорят с богами... Ага, конечно... Христос, не каждый день выдаётся шанс позвонить богам по телефону.

И: Что трагично для вас?

Селин: Сталинград. Как вам такой катарсис! Падение Сталинграда — это закат Европы. Вот там был катаклизм. Суть всего этого была там, в Сталинграде. Вот тут-то и можно говорить, что со всем было покончено, на славу, с белой цивилизацией. Так что всё это, немного шума, немного кипения, ружья, водопады. Я был там... Я наварился на этом. Я использовал всё это. Я продаю это. Случайно я оказался замешанным в какие-то дела — ситуация с евреями — которые меня не касались, у меня не было никакого желания там находиться, никакого смысла. Но я всё равно написал об этом... в своей манере.

⁴¹ Перевод с английского Олега Лунёва-Коробского.

И: Манере, которая спровоцировала скандал с изданием «Путешествия». Ваш стиль мало кого оставил равнодушным.

Селин: Они называли это изобретением. Возьмите импрессионистов. В погожий день они брали краски и выходили рисовать на улицу. Они воочию видели, как вы устроили себе пикник на траве. Музыканты тоже над этим работали. Между Бахом и Дебюсси большая разница. Они делали революции. Они смешивали цвета, звуки. Для меня — это слова, порядок слов. Там, где речь идёт о французской литературе, я буду осторожен и не сделаю ошибок. Мы все — ученики религии — католики, протестанты, иудеи... То есть, христианских религий. Те, кто определяли, каким будет французское образование на протяжении веков, они все были иезуитами. Они учили нас как составлять предложения, переведённые с латинского, выверенные, правильные, с глаголом, подлежащим, дополнением, ритмикой. Короче — вот речь, а вот проповедь, проповеди повсюду! Они говорят об авторе, «Он построил хорошее предложение!» Я, я говорю, «Это невозможно читать». Они говорят, «Какой величественный театральный слог!» Я смотрю, я слушаю. Он плоский, это ничто, это ноль. Я, я ввёл разговорную речь в печать. Одним движением.

И: Это то, что вы называете «музыкальностью», верно?

Селин: Я называю это «музыкальностью» потому что я скромный, но на самом деле этого превращения очень сложно добиться. Это работа. Может казаться, что тут ничего такого нет, но это качественная работа. Чтобы писать как я, придётся написать восемьдесят тысяч страниц, чтобы в итоге получить восемьсот. Некоторые говорят про меня, «Естественное красноречие... Он пишет, как говорит... Это разговорная речь, обычные слова... Они почти одинаковые... Вы узнаёте их». Ну, вот это и есть «превращение». Это просто не те слова, которых вы ожидали, не та ситуация, которую вы ожидали увидеть. Когда слово используют таким образом, оно становится более личным и более метким, чем можно было от него ожидать. Ты сам создаёшь свой стиль. И это помогает найти в себе то, что ты хочешь показать.

И: Что вы хотите показать?

Селин: Эмоцию. Сави, биолог, верно заметил: вначале была эмоция, а слова там не было. Когда вы щекочете амёбу, она отвечает, у неё есть эмоция, она не умеет говорить, но у неё есть эмоции. Ребёнок плачет, лошадь несётся галопом. Только у нас, только нам даны слова. Вот откуда у нас политики, писатели, пророки. Слово ужасно. Вы не можете этого

почуять. Но чтобы дойти до точки, где эта эмоция «превращается», эту трудность себе никто не представляет... Она уродлива... Она выше человека... Этот трюк может убить.

И: И всё же, вы всегда говорили, что писать надо.

Селин: Ничего не достанется вам просто так. За всё придётся заплатить. История, которую вы придумываете, она сама ничего не стоит. Только та, за которую вы расплачиваетесь, имеет смысл. Когда ты рассчитался за неё, тогда ты имеешь право «превращать» её. Иначе всё это — дрянь. Я, я работаю... У меня контракт, его надо выполнять. Только мне уже шестьдесят шесть, я на семьдесят пять процентов калека. В моём возрасте большинство уходит на пенсию. Я должен Галлимару шесть миллионов... так что я обязан продолжать... я уже работаю над следующим романом: всегда одно и то же... За гроши. Я знаю несколько романов. Но романы — это тонкость... искусство, которое исчезло. Романы не могут соперничать с машинами, фильмами, телевизором, бухлом. Мужик, сытый, который не умирал на войне, вечером он чмокает свою старушку и всё, его день подошёл к концу. С ним покончено.

И: Вы помните тот день, тот момент, как взрыв, который вас шокировал, оставил след?

Селин: О, ничего такого, нет! Я, я начинал с медицины, и я хотел заниматься медициной и уж точно не литературой. Господи Иисусе, нет! Если есть люди, которых можно назвать одарёнными, я такими считаю — всё тех же — Поль Моран, Рамю, Барбюс, они были созданы для этого.

И: В детстве вы не мечтали стать писателем?

Селин: О, совсем нет, о, нет, нет, нет. Я был без ума от врачей. О, это казалось необычным. Медицина была моей страстью.

И: Как вы представляли себе врача?

Селин: Просто парень, который пришёл к нам в пассаж Шуазёль, чтобы осмотреть мою больную мать, моего отца. Я увидел волшебника, да, который исцелял, который делал удивительные вещи с телами, которые не хотели больше работать как надо. Это было потрясающе. Он выглядел настоящим мудрецом. Это показалось мне совершенно волшебным.

И: Сегодня, что для вас представляет собой врач?

Селин (*фыркает*): Теперь обществу наплевать на него, его теснят со всех сторон, у него больше нет престижа, больше нет никакого престижа. С тех пор, как он одет как помощник на заправке, то, мало-помалу, он им и становится. Да? Ему больше особо нечего сказать, у домработницы теперь есть Larousse Médical (мед. справочник — прим. пер.), и потом, сами болезни потеряли престиж, их стало меньше, смотрите, что случилось: нет сифилиса, нет гонореи, нет тифа. Антибиотики лишили медицину трагичности, подчитую. Больше нет чумы, нет холеры.

И: Душевные болезни, их теперь больше?

Селин: Ну, здесь мы не можем ничего поделать. Некоторые безумства убивают, но не многие. А что касается полусумасшедших, Париж ими кишит. Есть природное желание искать острых ощущений, но очевидно, что всё это, что можно найти в городе, городское дно распаляет сексуальное желание, до определённой степени... сводит подростков с ума, да?

И: Когда вы работали на заводе Форда, было ли у вас ощущение, что тот образ жизни, который ведут работающие там люди, повышает риск душевных недугов?

Селин: О, нет, вовсе нет. Нет. Там на заводе был главный врач, который любил говорить: «Говорят, шимпанзе собирают хлопок. А я говорю, что лучше смотреть, как кто-то работает на машине». Больные предпочтительнее, они намного сильнее привязываются к заводу, чем здоровые, здоровые всегда уходят, в то время как больные продолжают хорошо работать. Но проблема человека, сейчас, не в медицине. Это скорее женщины, которые ходят по врачам. Женщина очень обеспокоена, потому что у неё много слабостей. Ей нужно... она хочет оставаться молодой. У неё есть менопауза, регулы, все эти генитальные дела, они очень деликатные, это превращает женщину в мученицу, разве нет, но эта мученица продолжает жить, так или иначе, она кровоточит, она не кровоточит, она идёт и зовёт доктора, она идёт на операцию, она не соглашается на операцию, она перезапускает себя, потом помимо всего этого она рождает, она теряет форму, всё это важно. Она хочет оставаться молодой, сохранить фигуру, да. Она не хочет ничего делать, и она не может ничего сделать. У неё нет сил. Это большая проблема... едва заметная. Вот что поддерживает салоны красоты, знахарей и шарлатанов, аптекарей. Но они не отражают интересной медицинской ситуации, женского отрицания. Это увядающая роза, нельзя сказать, что это медицинская проблема,

или проблема садовода. В саду, когда вы видите увядающую розу, вы принимаете это. Другая будет цвести. В то время как женщина, она не хочет умирать. Вот в чём сложность.

И: Благодаря медицине вы открыли для себя определённый опыт, который передали в книгах.

Селин: О да, о да, я лечил людей тридцать пять лет, так что это чего-то да стоит. Я много носился в молодости. Мы бегали по лестницам вверх-вниз, ходили к людям, много людей. Это очень помогло мне во всех отношениях, я должен это признать. Да, невероятно. Но я не написал ни одного медицинского романа, это убийственная скука... как Сёберан (А. Сёберан, медик и автор многочисленных романов на эту тему).

И: Вы почувствовали призвание к медицине в раннем возрасте, но начали свой путь по-другому.

Селин: О, да! И как! Они хотели сделать из меня торговца. Продавца продовольственных товаров! У нас ничего не было, у моих родителей не было средств, разве это не ясно. Я начинал в бедности, и так я и заканчиваю.

И: Какой была жизнь для мелких предпринимателей в те годы (1900)?

Селин: Жестокой, жестокой. В том смысле, что нам едва хватало на еду, но надо было следить и за внешним видом. Например, у нас было две витрины в пассаже Шуазёль, но освещалась только одна, потому что вторая была пустой. И надо было мыть пассаж перед тем, как открываться. Моему отцу. Это была не шутка. Да. У моей матери были серьги. В конце месяца мы всегда относили их в ломбард, чтобы заплатить долг за газ. О, нет, это было ужасно.

И: Вы долго прожили в пассаже Шуазёль?

Селин: Ну, восемнадцать лет. Пока я не пошёл в армию. Это была невероятная нищета. Хуже, чем просто нищета, потому что тогда ты можешь дать себе волю, деградировать, напиться, но это была нищета, которая заставляла продолжать, величественная нищета. Это было ужасно. Всю свою жизнь я ел лапшу. Потому что моя мать занималась починкой кружевных изделий. Что нужно знать о старом кружеве: запахи остаются в нём навсегда. Но нельзя же возвращать пахнущее чем-то кружево! А что не пахнет? Лапша. Я ел лапшу тазами. Моя мать варила лапшу в тазу. Варёная лапша, о, да, да, вся моя молодость, лапша и кукурузная каша. То, что не пахнет. Кухня в пассаже Шуазёль, размером со шкаф, ты попадал на второй этаж по винтовой лестнице, вот так, и приходилось ходить вверх-вниз без конца, чтобы сле-

дить за готовкой, кипит или не кипит, невозможно. Мы карабкались по ней по двадцать пять раз на дно. Вот такой была жизнь. Невозможная жизнь. А мой отец был служакой. Он приходил домой в пять. И доставлял кружева. О, нет, это была нищета, величественная нищета.

И: Вы продолжили испытывать на себе это давление нищеты, когда пошли в школу?

Селин: Это была государственная школа, так что никаких проблем не было. Проблем из-за бедности тоже. Они все были такие, как я, маленькие искусанные блохами дети. Нет, там не было богатых людей. Мы знали богатых. Два или три таких всё же было. Мы поклонялись им! Родители говорили мне, что те люди были богачами, местный торговец льном. Мистер Прадхomm. Их занесло к нам случайно, но мы их сразу раскусили, мы трепетали. В те дни мы поклонялись богатым! За их деньги! И в то же время мы считали, что он был умным человеком.

И: Когда и как вы узнали о несправедливости, которую представляли эти люди?

Селин: Очень поздно, должен признать. После войны. Это случилось, понимаете, когда я увидел людей, делающих деньги, пока другие умирали в окопах. Вы видите это, и вы ничего не можете с этим поделать. Затем, позднее я был в Лиге Наций, и там я увидел свет. Я самолично увидел, что миром правит Золотой Телец, Богатство! О, никаких шуток! Невозможно. Общественное сознание определённо появилось у меня поздно. У меня его не было, я выпал.

И: Ваши родители принимали это?

Селин: Это было мещанское приятие! Моя мать всегда говорила мне: «Бедный малыш, если бы не было богатых людей (потому что кое-какие соображения у меня уже были), если бы не было богатых людей, нам нечего было бы есть. У богатых людей есть обязанности». Моя мать преклонялась перед богачами, понимаете. Так что чего вы ожидали, это сказалось и на мне. Я был не до конца убеждён. Нет. Но я не смел иметь своего мнения, нет, нет. Моя мать, по шею вечно укутанная в кружева, никогда и не мечтала надеть такое на себя. Это было для покупателей. Никогда. Было ещё рано для этого, понимаете. Даже бижутерия, ювелир не носил побрякушек, жена ювелира никогда их не надевала. Я был одним из их посыльных. В Робер на Рю-Рояль, в Лаклох на Рю-Де-Ля-Па. В те времена я был очень подвижным. О-ля-ля! Я делал всё очень быстро. Теперь у меня подагра, но тогда... У нас постоянно болели ноги. Мои ноги всегда болели. Потому

что мы нечасто меняли обувь, понимаете. Наши башмаки были слишком маленькими, а мы продолжали расти. Я бегал по доставкам на своих двоих. Да... Общественное сознание... Когда я служил в кавалерии, я бывал на охотничьих вечеринках Принца Орлоффа и Герцогини де Юзес, всё, что мы делали — держали пол узду офицерских лошадей. Не более того. Безвольный скот, вот чем мы являлись. Это было совершенно ясно, конечно, в чём было дело.

И: Ваша мать сильно на вас повлияла?

Селин: У меня её характер. Более, чем что бы то ни было. Она была такой тяжёлой, она была невыносимой, эта женщина. Я должен сказать, что у неё был характер. Просто она не любила жизнь, вот и всё. Всегда обеспокоенная и всегда в помутнении. Она работала до последней минуты своей жизни.

И: Как она называла вас? Фердинанд?

Селин: Нет. Луи. Она хотела видеть меня в большом магазине, в Отель-де-Виль, в Лувре. Как покупателя. Это был её идеал. И мой отец думал так же. Потому что у него с его степенью по литературе ничего не было! А мой дед был доктором наук! Они почти ничего не добились, говорили они, бизнес, он добьётся успеха в бизнесе.

И: Ваш отец не мог найти более прибыльного места преподавателя?

Селин: Да, бедняга мог, но смотрите, как всё было: ему была нужна степень преподавателя, а была только степень общего образования, и он не мог пойти дальше потому что у него не было денег. Его отец умер и оставил после себя жену и пятерых детей.

И: Ваш отец умер в преклонном возрасте?

Селин: Он умер, когда вышло «Путешествие», в 1932.

И: До выхода книги?

Селин: Да, незадолго до этого. О, она бы ему не понравилась. Но важнее, что он завидовал. Он не воспринимал меня как писателя, вообще. По той же причине так о себе думал и я. Уж в этом мы с ним были согласны.

И: Как ваша мать отреагировала на ваши книги?

Селин: Она считала, что это было опасно и неправильно, и что из-за этого будут проблемы. Ей казалось, что всё идёт к концу. Она была очень осторожной по натуре.

И: Она читала ваши книги?

Селин: О, она не могла, это было слишком для неё. Она бы решила, что всё это очень грубо, и потом, она не читала книг, она была не той породы женщин, которые читают. В

ней не было женственности. Она продолжала работать до самой смерти. Ужасное путешествие, отвратительное, да — идеальная оркестровка. Гнусная. Но вещи могут быть гнусными только с одной стороны, помните, да? И, знаете... опыт — это тусклая лампа, которая освещает только того, кто несёт её... и его нельзя передать... Должен держать его при себе. Как по мне, ты имеешь право умереть только когда за плечами есть хорошая история, которую можно рассказать. Чтобы войти, рассказываешь свою историю, и проходишь. Вот что такое «Смерть в кредит», символически, награда за жизнь — смерть. Как посмотреть... правит не хороший Бог, правит дьявол. Человек. Природа отвратительна, просто посмотрите на неё, птичья жизнь, животная жизнь.

И: Вы были счастливы?

Селин: Нет, чёрта с два. Потому что, что вам нужно, когда вы становитесь старым... Я думаю, если бы мне дали много денег, чтобы освободиться от нужды — мне бы это понравилось — это дало бы мне возможность отойти от дел и уехать куда-нибудь, чтобы мне не надо было работать, и чтобы я мог просто смотреть на других. Счастьем было бы сидеть одному на берегу моря, а потом чтобы меня оставили в покое. И есть очень мало; да. Почти ничего. Свеча. Я бы жил без электричества и всего этого. Свеча! Свеча, и я читаю газеты. Другие, они мне кажутся суеливными, охваченными своими амбициями; их жизнь — это шоу, богачи обмениваются приглашениями, чтобы поспевать за ходом представления. Я видел это, я жил в высоком обществе какое-то время — «Я говорю, Гонтран, послушай, что он тебе говорит; о, Гастон, вчера ты действительно себя показал, а! Показал ему, что к чему, а! Он снова сказал мне об этом вчера вечером! Его жена говорила, а, Гастон нас поразил!» Это комедия. Они проводят в ней свою жизнь. Бегают друг за другом, встречаются в одних и тех же гольф-клубах, тех же ресторанах.

И: Если бы у вас был выбор, вы бы выбрали наслаждения или литературу?

Селин: О, конечно! Я не прошу удовольствий. Я не испытываю удовольствия. Наслаждение жизнью — это вопрос темперамента, диеты. Вам следует есть хорошую еду, пить хорошие напитки, тогда дни пролетают быстрее, разве нет? Хорошо есть и пить, прокатиться на машине, почитать газеты, день скоро закончится. Ваши газеты, какие-то гости, утренний кофе, Бог ты мой, после прогулки уже пора ужинать, да? Увидеться с парой приятелей после обеда, и день

прошёл. Вечером, как обычно, в кровать и закрыть глаза. Вот и всё. И даже быстрее с возрастом, вещи ведь начинают пролетать совсем быстро, разве нет? День кажется бесконечным, когда ты молод, а когда ты стареешь, он заканчивается очень быстро. Когда ты уходишь на покой, день как вспышка; когда ты ребёнок, он очень длинный.

И: Как бы вы проводили время, будь у вас возможность уйти на покой и не заботиться о деньгах?

Селин: Я бы читал газету. Я бы устроил небольшую прогулку, где меня никто не видит.

И: Здесь вы выходите на прогулки?

Селин: Нет, никогда, нет! Лучше этого не делать!

И: Почему?

Селин: Меня заметят. Мне это не нужно. Я не хочу, чтобы меня видели. В порту вы исчезаете. Ле Хавр... Не думаю, что они обратят внимание на старика в доках Ле Хавра. Ничего не заметят. Старый моряк, старый дурак...

И: Вам нравятся лодки?

Селин: О, да! Да! Я обожаю наблюдать за ними. Смотреть, как они подходят и отплывают. Они, и пристань, и я, я счастлив. Они скользят, они отплывают, они возвращаются, это не наше с вами дело, да? Вас никто ни о чём не спрашивает! Да, и вы читаете местную газету, «Le Petit Navaise», и... и всё. Это всё, что нужно. О, моя жизнь нравилась бы мне такой намного больше.

И: Был ли у вас когда-нибудь образец для подражания? Люди, на которых вы хотели бы быть похожим?

Селин: Нет, потому что всё это величественно, всё это, я совсем не хочу быть величественным, нет желания, я просто хочу быть стариком, на которого не обращают внимания. А это — люди из энциклопедий, я не хочу этого.

И: Я говорю о ком-то, кого вы, возможно, встречали лично, простых людей.

Селин: О, нет, нет, нет, я всегда видел только как они обманывают друг друга. Они действуют мне на нервы. Нет. Тут мне от матери досталась некоторая скромность, абсолютное безразличие, действительно полное! Чего я на самом деле желал бы, так это чтобы меня оставили в покое. У меня аппетит, зверский аппетит к уединению. Да, мне бы понравилось в Булони, да, Булонь-Сюр-Мер (город на севере Франции). Я часто бывал в Сен-Мало (город и порт в Бретани), но больше не могу. Там меня более-менее узнают. Места, куда люди никогда не ходят...

Интервью для The Paris Review

Часть вторая

(Последнее интервью Селина, 1.06.1961)

И: В ваших романах любовь имеет значение?

Селин: Никакого. Вам она не нужна. Вы обязаны быть скромным, если вы пишете романы.

И: А дружба?

Селин: И об этом там тоже нет речи.

И: Вы считаете, что должны обращать внимание только на то, что не имеет значения?

Селин: Нужно говорить о работе. Это всё, что имеет значение. И более того, делать это очень сдержанно. Об этом говорят слишком громко. Мы все — просто публичные куклы. Это отталкивает. Для каждого настанет день приобщиться скромности. И в литературе, и во всём остальном. Мы заражены публичностью. Это на самом деле отвратительно. Надо только делать своё дело и заткнуться. Вот и всё. Общество смотрит на книгу, не смотрит, читает, или не читает, и это их дело. Автору остаётся только исчезнуть.

И: Вы пишете для удовольствия?

Селин: Нет, совсем нет. Будь у меня деньги, я бы никогда не начал писать. Пункт номер один.

И: Вы не пишете из любви или ненависти?

Селин: О, ни в коем случае! Если я хорошо отношусь к тем чувствам, о которых вы говорите, любви и дружбе, то это моё дело, но это не касается всех остальных!

И: Вам интересны ваши современники?

Селин: О, нет, совсем нет. Я побеспокоился о них однажды, когда попытался убеждать их не ввязываться в войну. Как бы то ни было, они не сгинули на войне, они вернулись, переполненные славой. Ну, а я, меня они упекали в тюрьму. Я напортачил, когда связался с ними. Мне не следовало беспокоиться. Я должен был беспокоиться только о себе.

И: В ваших последних книгах всё равно можно увидеть чувства, которые выдают вас.

Селин: Вас может выдать что угодно. Это несложно.

И: Вы хотите сказать, что в них нет никаких ваших личных переживаний?

Селин: О, нет, личных, нет, ничего. Может, там есть только одно, это то, что я не знаю, как играть в жизнь. У меня есть некоторое преимущество перед другими, которые

гнилые изнутри, как раз потому что они находятся в самой гуще этой игры. Уметь жить, это значит пить, есть, рыгать, трахаться, целая куча вещей, от которых для человека не остаётся ничего. Я, я не игрок, совсем нет. Так что у меня всё в порядке. Я знаю, как выбирать. Я знаю, как пробовать, но как сказал один римский декадент, вопрос не в том, чтобы не идти в бордель, а в том, чтобы этот поход не засчитывался, не так ли? Я, я там был — вся моя жизнь прошла в борделях, но я быстро выбрался наружу. Я не пью. Я не люблю есть. Всё это для говнюков. У меня есть на это право, нет? У меня только одна жизнь: я сплю и хочу, чтобы меня оставили в покое.

И: Вы можете назвать писателей, кого вы считаете понастоящему талантливыми?

Селин: Есть три человека, которых я могу назвать писателями. Моран, Рамю, Барбюс были писателями. У них было чутьё. Они были созданы для этого. А остальные нет. Ради всего святого, они все самозванцы, они банда самозванцев, и самозванцы считаются мастерами дела.

И: Вы считаете себя одним из лучших живущих ныне писателей?

Селин: О, вовсе нет. Великие писатели... Я не хочу возиться с определениями. Сначала вы должны умереть и когда вы мертвы, они начинают раздавать ярлыки. Первое, что вам нужно сделать — умереть.

И: Думаете, потомки оценят вас по достоинству?

Селин: О, Бог ты мой, я бы не был так уверен! Бог ты мой, нет! Возможно, никакой Франции не будет. Будут китайцы или берберы, они будут копать в этом и их весьма озадачит моя литература, мой стиль изложения, и моё трюе-точие... Это не сложно. Я уже закончил, если мы говорим о «литературе». Я закончил. После «Смерти в кредит» я сказал всё, что хотел, и это не так уж и много.

И: Вы ненавидите свою жизнь?

Селин: Я не могу сказать, что люблю её, нет. Я терплю её потому что я живу и потому что у меня есть обязанности. Я довольно пессимистичный человек. Я должен надеяться на что-то. Но я ни на что не надеюсь. Я надеюсь умереть как можно безболезненнее. Как и любой другой. Вот и всё. Чтобы никто не страдал за меня, из-за меня. Умереть спокойно, да? Умереть, если получится, от инфекции, ну, или я могу сделать это сам. Так было бы намного проще. Что будет дальше, вот что для меня в тягость. Сейчас мне намного тяжелее ра-

ботать, чем всего лишь год назад, и в следующем году будет ещё болезненнее. Вот и всё.

Интервью 1961 года, когда Селин придумал вступление и концовку для экранизации «Путешествия на край ночи»

Селин: Ну, вот. Июль 1914-го. Мы на авеню Дю-Буа. И перед нами троица издѣрганных парижанок. Леди того времени — времени жуликов. И потом мы, Бог знает почему, слышим, о чём они говорят. И мимо них по авеню Дю-Буа, мимо рядов кавалерии проплывает генерал, его адъютант тянет за повод, он на коне, конечно, он на коне. Но сначала разберѣмся с леди, Господи помоги, «О, я же говорила, это генерал де Бойсробер, ты видела?»

«Да, я видела».

«Он меня заметил, да?»

«Да, да, он тебя заметил. Я его не узнала. Какая мне разница».

«А адъютант, этот малыш Бойлепьер, о, он был там вчера, он невыносим, сделай вид, что не смотришь, не смотри, не смотри. Он рассказывал нам о больших учениях в Мормиллоне, кстати! О, он сказал, что это значит, что будет война, я уеду, я собираюсь уехать... Он невыносим, разве нет, со своей войной...»

Затем вы слышите музыку, на расстоянии, похожую на боевой марш.

«Ты правда так думаешь?»

«О, да, дорогая, они невыносимы, с этой их войной. Эти военные парады по вечерам, как думаешь, на что это всё похоже? Это смехотворно, это комичная опера. В прошлый раз в Лонгчампс я видела солдат с котелками на головах, типа шлемов, ты не поверишь, это выглядело уродливо, вот что они называют войной, делать себя уродливыми. Это смешно, по-моему, весьма смешно. Да, да, да, смешно. О, смотри, там атташе, испанский посол. Он тоже говорит о войне, дорогая, это весьма пугающе, о, я действительно устала от этого, было бы намного лучше просто пойти и пострелять фазанов. Войны теперь такие смешные, ради всего святого, это невообразимо, в это просто невозможно поверить. Они поют эти нелепые песни, на самом деле нет, как Морис Шевалье, на самом деле он весьма забавный, он заставляет всех смеяться».

Ну, вот, да, всё это.

«О, я бы лучше поговорила о цветочном карнавале, да, цветочном карнавале, это было так прелестно, так красиво везде. А теперь они отправляются на войну, так глупо, разве нет, это невозможно, это не может продолжаться».

Хорошо, ладно, теперь у нас есть вступление, мы на войне. Хорошо. Теперь можно переместиться в Париж и показать автобус, там стреляют, автобус едет по Каррфор-Дроа, в какой-то момент автобус переходит на галоп, это забавное зрелище, запряжённый тройкой автобус до «Кладбища Мадлен-Бастилия», да, снимите это. Хорошо, так. Вам придётся снова прочитать «Путешествие» — какая скука. Вам придётся найти места из «Путешествия», которые остались целы. Пассаж Шуазель, с этим точно проблем не будет. И там будет Эпинэ, подъём на Эпинэ, это вам ещё предстоит сделать. Сюрёснэ, это тоже можно снять, хотя он уже не тот, что прежде... И вы можете снять Тюильри, и площадь Лювуа, маленькая улочка, вам следует посмотреть на это, решить, что сходится с вашими идеями.

Потом мобилизация. Да, точно. В этот момент начинается «Путешествие». Это где кони «Путешествия» отправляются на войну — часть большой картины. Вам понадобится целая куча гипса для этого...

Потом конец.

Я вам пересказываю немного фантастический фрагмент, может, вы покажете немного пригорода Моисэ, кстати, там я впервые оказался на войне, немного Фландрии, хорошо, прекрасно, вам надо только взглянуть на это, это очень глубокомысленно, и потом очень аккуратно вы начинаете усиливать шум стрельбы. Как вы могли узнать, что война началась, как это делали люди 14-го, это стрельба, с обеих сторон. Это было как катящееся Та-Да-Да-Дам, это была мельница, перемалывающая наше поколение. Перед тобой линия огня, вот там тебя должны стереть с лица земли, там все они умирали. Да, и тебе надо было карабкаться вверх со штыком. Но по большей части это была стрельба и огонь. Сначала стреляют, потом сжигают. Горят деревни, горит всё. Сначала стреляют, потом начинается мясорубка.

Покажите всё это как можете, это ваша проблема, придумать. Тут я бы положился на Дескава (*Люсьен Дескав, французский писатель, за свой роман, в котором критиковал армию и общественную мораль, был лишён армейского звания. — прим. пер.*). Вам понадобится музыка, чтобы сочелась со звуками стрельбы. Злобная музыка, вроде Вагнера,

можно найти что-нибудь в архивах. Музыка, которая подходит ко всему. Очень мало речей. Очень мало слов. Даже для большой сцены, даже для трёх миллионов человек. Стрельба. Та-Да-Да-Дам! Та-Та-Та! Пулемёты — они уже были в ходу. От Северного моря до Швейцарии, полоса в четыреста пятьдесят километров, которая не переставая пережёвывала людей. Я не фантазирую! Только там умерло миллион семьсот тысяч человек. Больше, чем «немного». Отступления, наступления, отступления, громче и громче, БАБАМ, большие пушки, маленькие пушки, немного самолётов, нет, можете показать самолёт, но их было немного, нет, что нас пугало, так это стрельба, всё просто. У немцев были большие пушки и это было большим сюрпризом для французской армии, «стопятые», у нас их не было. Ладно. И велосипеды, которые складывались пополам.

И чтобы закончить вашу историю, «Путешествие», понимаете, оно заканчивается, ну, как может, эх, но всё равно, есть конец, вывод, подпись под всем «Путешествием», действительно правдоподобный. Книга заканчивается философически, книга да, но не фильм. Вот как должно быть в фильме. Так я представлял себе одну из возможных концовок: Старик — я назвал бы его Саймон — присматривает за кладбищем, военным кладбищем. Ну, он уже старый, ему семьдесят, он выдохся. И кладбищенский начальник, управляющий, он молодой, и он даёт ему понять, что его увольняют. А, говорит он, всё, прошу вас, чего ещё можно желать, я больше не могу. Потому что, понимаете, они построили для него небольшой домик, недалеко от Вердена, знаете, домик, и вот этот домик, он превратил его в маленький кафе-бар, и у него есть граммофон, да! Так что в этом баре он подаёт людям напитки и разговаривает, знаете, он рассказывает свою историю, рассказывает её многим людям, и вы видите бар, и люди заходят, раньше было много людей, но больше они не приходят, чтобы проведать могилы своих дорогих усопших, но после всех этих могил дорогих усопших он чувствует себя старым, ха, и не так просто туда добираться, так что он туда больше не ходит, потому что он говорит, я слишком стар, я не могу, я не могу ходить. Пройти три километра по этим бороздам слишком большая проблема, это, невозможно, я вернусь мертвецом, да, я выдохся, выдохся, я. И у него есть возможность сказать так, потому что управляющий кладбища нашёл кого-то на его место. А кто это, кто займёт его место? Я скажу вам. Это... это армяне. Семья армян. Отец, мать, и пять маленьких детишек. И что они там дела-

ют? Ну, они уехали в Африку, как все армяне, и их вышвырнули оттуда, и кто-то сказал им, что они могут отправиться на север, где они найдут кладбище и старика, который собрался уходить, и они могут занять его место. О, он говорит, хорошо, потому что дети больны, в Африке для них было слишком жарко. Так что Саймон принимает их. Хранитель кладбища. Он со своей шапочкой на затылке и всем прочим. Ну, говорит он, ты займёшь моё место. Но тут не очень-то тепло. Если захочешь развести огонь, можно принести дров, хотя их тут всего только для маленькой плиты и хватит, и он говорит, я, я больше не могу, потому что вся эта беготня. Раньше тут были американцы, в прежние времена. Они тут всё ещё есть, там, внизу, ты их увидишь, ты найдёшь их... Ну, я покажу тебе ворота, через которые они заходят, это недалеко, около километра, но я больше не могу — потому что он тоже хромает, понимаешь, он тоже хромает — я ранен, я, калека на восемьдесят процентов после 1914-го, имеет значение! Я буду жить с сестрой. Она говорит, что мне пора, она говорит, что я должен, но я не знаю, полажу ли с ней, не видел её тридцать лет, не видел, ну и грязной шлюхой она была, должно быть, только хуже теперь. Она замужем, она говорит, что у них комната, может быть, я не знаю, что я там буду делать, всё равно, здесь я не останусь, разве я могу, не могу выполнять работу, я не могу это делать. Не так уж и много её теперь, два или три человека приходят, раньше было много, приезжали, в старые времена, почтить память, французов и англичан, тут зарыты все, но ты увидишь, как они мне сказали, о, поправляя кресты, да, некоторые попадали, конечно попадали, время делает своё дело, кресты не будут стоять вечно, так что я поправлял кресты как мог очень долго, но больше я не хожу, нет, нет, я не могу, мне после этого надо прилечь, понимаешь, я не могу, а лежать тут не очень-то приятно, у меня никого нет, так что приходит посетитель, это одна американская женщина, милая, очень старая американская женщина, и она говорит, «Я хочу повидать своего старого друга Джона Брауна, мой дорогой дядя, он умер, он не у вас?» О, говорит он, всё записано, подождите минуту, я пойду и проверю, да, я покажу вам записи, вот, и он показывает ей записи и говорит, я их берёг, видите, вот, не скажешь, что не берёг, а теперь давайте посмотрим, Браун, Браун, Браун. О, да, да, да, да, да. Так, смотрите, это вниз, на кладбище Фоветт, там внизу, леди, нелегко найти, это точно. Нет, нет, пожалуйста, он там, со своей женой и детьми, очень интересно, земля, она всё рас-

ставит по местам; и я не могу, понимаешь, я не могу, я сказал, что я не могу, бесполезно, мадам, и поверьте мне, если я попробую пойти туда, хе, хе, позвольте сказать, найти, где он, он у меня, в записях, но я давно там не был, не проверял американца, это долгий путь, два с половиной километра, не меньше, нет, нет, пусть они идут. Я могу угостить вас тем, что тут есть, гренадин, лимон. О, вы желаете чашку кофе, о, будьте уверены, отказаться от чашечки кофе, я сделаю вам чашечку кофе.

И он делает ей чашку кофе, смекаешь, у него нюх на богатеньких дам. Ну, говорит он, понимаете, моя сестра, в Асньере, вот кофе, немного кофе? Знаете, это напоминает мне, я не уверен, что она знает, как это сделать. Проститутка, вот кто она, я сам это говорю. Хе, я не знаю, что буду делать, я не знаю, всё равно, надо уходить, правда надо идти. Так что вот. Да. Я ухожу. Да, я действительно ухожу, я собираюсь оставить вас с ними. Не бойтесь, всё (остальные выглядят напуганными). О, здесь не очень тепло, но вы можете взять дров, и согреться, без проблем. О, вы сами увидите, тут всё серьёзно. Как насчёт музыки. А, хорош, этот граммофон, был хорош, да, из старых времён, был, был... И он достаёт пыльную штукину и они слушают старые записи, на самом деле старинные, хе — «Viens roucoule», «Ma Tonkinoise» — вот, видите, так лучше, разве нет, можете слушать их всё лето, правда, это вернёт их назад, раньше они были тут битком, надо только постараться, да? Ну, мадам, собираетесь, да? Обратно в Париж, да? У вас есть машина? Должен признаться, это бы не помешало, это было бы, очень кстати, хе, обратно в машину...

ш к о л а т р у п о в

***Кладезь человеческого благоразумия
от Черепахи Зенона до барона Канильи***

Черепаха Ахиллесу
-490 :: -430

Осталось совсем немного...

80

Библия. Послание к фессалоникийцам
5 :: 64

Если кто не хочет работать, тот пусть и не ест.

Уильям Блейк

1757 :: 1827

*Лучше убить дитя в колыбели,
чем сдерживать буйные страсти.*

Иоганн Вольфганг Гете

1749 :: 1832

Добровольная зависимость — самое прекрасное состояние.

Ничего не потеряно, пока не потеряно все.

Василий Кандинский

в переложении Альберто Моравиа

1866 :: 1944

Пустой холст. На первый взгляд действительно пустой, безмолвный, безучастный. Словно бы оглушенный. На самом деле вибрирующий внутренним напряжением, кричащий тысячью неслышных голосов, исполненный затаенного ожидания. Немного испуганный, потому что он может подвергнуться насилию. Но послушный. Он охотно исполняет все, что от него требуют, и молит только о снисхождении. Он может привести ко всему, но не все может вынести. Он восхитителен, пустой холст, он прекраснее многих картин...

Рене Домаль

1908 :: 1944

Производители бесполезных речей делятся на три основных клана: Поэты, Хироманисты и Крытики. В переводе на французский эти названия означают соответственно: «лгущие ритмично», «торгующие химерами» и «подбирающие крохи».

Адольф Гитлер

1889 :: 1945

Вы любите не меня, а мои недостатки.

Курт Швиттерс

1887 :: 1948

*Все, что я нахаркаю, все это будет искусство,
ибо я художник.*

Луи-Фердинанд Селин

друг животных

1894 :: 1961

Арийцы, говорите каждому еврею, что, окажется он на вашем месте, он и сам стал бы нацистом, это 100%.

Илья Эренбург

1891 :: 1967

Газета поместила фотографию молоденькой женщины в лохмотьях с грудным младенцем. Подпись: «Эта женщина утверждает, что она три дня ничего не ела и что ей негде спать. Что должен сделать настоящий „Человек“, увидев ее?» Ответы были весьма разнообразны и всесторонни: «Озаботиться нравственным воспитанием молоденьких девушек», «Очистить наши улицы от бродяг», «Подвергнуть ее медицинскому освидетельствованию», «Испытать, сколько она еще сможет прожить при подобных условиях», «Свергнуть кабинет министров», «Передать миру в стихах или, в случае неумения, в прозе, ее муки». Премию получил наиболее распространенный (13.426) ответ: «Сказать ей: стыдитесь! Вы молодая женщина и должны работать». Как курьез, газета отмечала получившее всего один голос пожелание: «Свести ее в ясли и на государственный счет один раз накормить».

Анна Каван

1901 :: 1968

83

Но к кому обращаться, если не знаешь, где отыскать судью? Как надеяться, что докажешь свою невиновность, когда нельзя узнать, в чем тебя обвиняют? Нет, для таких людей, как мы, справедливости нет, нам остается одно: отважно страдать и тем самым посрамить наших мучителей.

Макс Брод

в изложении Элиаса Канетти

1884 :: 1968

Письма Кафки свидетельствуют о глубоком внутреннем покое, он счастлив в своем несчастье.

Юлиус Эвола

в иллюстрациях Шарли Эбдо
1898 :: 1974

Говорят, что фашизм погубил итальянцев. Я осмелюсь сказать противоположное (оставляя в стороне военные вопросы): именно итальянцы погубили фашизм — в том смысле, что Италия оказалась бессильна предоставить фашизму человеческий материал, способный и достойный адекватно развить его высшие возможности и нейтрализовать отрицательные — и здесь, естественно, я говорю не только об области культуры.

Ханна Арендт

1906 :: 1975

Следствием этого было то, что философия, которая со времен Платона мыслила исключительно в понятиях, утратила теперь свою веру в понятия; и с тех пор философам никогда до конца не удавалось избавиться от чувства вины, которое они испытывали, занимаясь философией.

Герберт Маркузе

1898 :: 1979

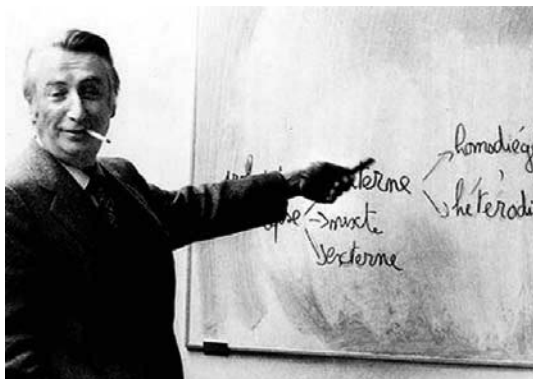
Такое управление обществом стимулирует неутолимую потребность в производстве и потреблении отходов, потребность в оупляющей работе там, где в ней больше нет реальной необходимости, потребность в релаксации, смягчающей и продлевающей это оупление, потребность в поддержании таких обманчивых прав и свобод, как свободная конкуренция при регулируемых ценах, свободная пресса, подвергающаяся цензуре самое себя, свободный выбор между равноценными торговыми марками и ничтожной товарной мелочью при глобальном наступлении на потребителя.

85

Ролан Барт

1915 :: 1980

Автор мертв, а я еще нет.

Итало Кальвино

1923 :: 1985

Ясно, что сегодня мы живем не в мире чудачков, а среди людей, лишенных самой элементарной индивидуальности, настолько их человеческое начало сводится к абстрактной сумме заранее установленных правил поведения. Сегодня вопрос заключается не просто в частичной утрате самих себя, а в утрате полной, в абсолютном несуществовании.

Герард Реве

1923 :: 2006

Бог дается нам даром, вселенная — даром, и жизнь тоже ничего не стоит, но, похоже, что все это не в коня корм, из-за брюзгливого характера или врожденного недовольства.

86

Жан Бодрийяр

1929 :: 2007

Ситуационистская утопия эквивалентности искусства и жизни была, по сути, террористической: террористична в ней эта крайняя точка, когда радикальность художественного перформанса или идеи передается через сами вещи, через автоматическое письмо реальности, согласно поэти-

ческой проекции ситуации. Но если искусство могло только мечтать о том, чтобы стать таким материальным событием, которое поглощает любую возможную репрезентацию, и всегда было очень далеко от этого, то уничтожение башен [нью-йоркских башен-близнецов 11 сентября 2001 года] просто таким событием является — и ничто из порядка воображения или репрезентации не может сегодня сравниться или соизмериться с ним.

Раймон Федерман

1928 :: 2009

*поэты знают что человек
страдает оттого что страдает недостаточно*

Стивен Хокинг

1942 :: 2018

А мы все куда-то бежим, торопимся, суетимся... когда нужно просто подставлять шею под очередной орден.

Мишель Уэльбек

1956 :: 2019

...и чем мог заинтересовать девственников в парандже этот человекобивый, как он сам себя называл, Жан Лоррен, мерзкий педик к тому же? Их папаши вообще в курсе, чему они тут учатся? Или с литературы взятки гладки?

Владимир Сорокин

1955 :: 2025

Женщинам наиболее естественна поэзия. Проза для них неподъемный груз. Женщины-прозаики напоминают несчастных существ женского пола, долбящих ломами рельсы. В сущности, пока еще ни одна из женщин в прозе не достигла мировых вершин. Влагилице мешает — женщина творец по природе. Но никто из женщин не решился защитить влагилице в пользу прозы. А жаль.

Диего Марадона

1960 :: 2030

Если кокаин наркотик, то я наркоман.

Опустошитель

2010 :: 2043

А давайте поиграем в презентацию «Опустошителя». Вот вы... ложитесь здесь, а вы стойте там. Нет, неправильно. Наоборот. Снимите эту кепку. Снимайте-снимайте. Решительнее. Снимайте прямо с головы, раз зацепилось. А вы что приуныли? Садитесь на шпагат. Или, знаете, лучше прыгайте в окно. Только быстрее. Чутьочку алкоголя. Где наш Jim Beatt? Вы лично — ответственные за прямые постановки. Убейтесь, а сделайте так, чтобы я больше не проносил это название. Кто-нибудь хочет прочитать стихотворение? Нет? Ну слава богу. Спектакль начинается.

Ален де Бенуа

1943 :: 2045

Идея прогресса дала серьезную трещину. Никто уже больше не верит в то, что материальный прогресс делает человека лучше, а прогресс, достигнутый в одной области, автоматически перекидывается на другие. В «обществе риска» (Ульрих Бек) прогресс проявляет себя амбивалентно. Уже признается, что за те преимущества, которые он дает, приходится платить дорогой ценой. Дикая урбанизация породила многие социальные патологии, а промышленная модернизация вызвала беспрецедентную деградацию естественной жизни. Массивное разрушение окружающей среды дало начало многочисленным экологическим движениям. Они были первыми, кто усомнился в однозначности прогресса. Безграничное развитие технической науки поставило вопрос о своих целях. Прогресс наук уже не воспринимается как нечто, приносящее человечеству безусловное благо. Само знание, как видно из дебатов, которые были вызваны появлением биотехнологий, воспринимается как источник угроз. Все более и более широкие слои населения понимают, что оно не является синонимом лучшего. Они начинают проводить различие между «иметь» и «быть», между материальным благополучием и счастьем в собственном смысле этого слова.

90

Барон Канильи

из предсмертного

1982 :: 2061

На что мне их хаотичная свобода? Я не раскрепощаюсь из-за раскрепощения других. Другие — это всегда твои ограничения. Так какого черта мне ратовать за их свободу?

vice versa

Вадим Климов **Марсианские объятия**

В 1995 году у Оливера Сакса вышла книга «Антрополог на Марсе». В главе, чье название вынесено в заголовок, Сакс рассказывает о женщине-аутисте, добившейся ощутимых успехов. Она — профессор в университете и одновременно бизнесмен, занимающийся успешной хозяйственной деятельностью.

В детстве, из-за своих ментальных особенностей, героиня едва не угодила в психиатрическую лечебницу. Тем впечатляюще выглядит ее будущее карьерное восхождение. Она не только получила высшее образование, но и научную степень, став исследователем и преподавателем в университете, помимо этого проявив еще и деловые качества.

Внимательный невролог Оливер Сакс тщательно фиксирует все то, что выдает в героине аутиста. Ее холодную рациональность, полную отрешенность от всего, что не относится к конкретному делу, и тому подобные вещи, которые, честно говоря, не так уж и удивляют.

Гораздо большее впечатление произвело на меня признание героини в том, что ей не хватает... объятий. Самой собой, она никогда не имела связей с мужчинами или женщинами, чувство влюбленности ей абсолютно незнакомо, однако у нее сложилось кое-какое представление о нем по книгам (тривиальный набор из заботы, участия, предупредительности... которые, в сущности, никакого отношения к любви не имеют).

Как рассказывает героиня, иногда ей не хватает чувства другого человека. Но другого у нее нет. И уж тем более того, которого она допустила бы обнять себя. Поэтому предприимчивая дама сама сконструировала замену. Нечто вроде гроба, в который ложишься и, ворочаясь, приводишь в действие внутренний механизм — тебя обхватывают пластовые руки и... обнимают.

Демонстрируя свое изобретение, вначале героиня сама повозилась в гробу, а потом предложила залезть внутрь Саксу, который, конечно, не смог отказаться. Испытав весьма специфические ощущения для человека, привыкшего к объятиям естественным.

Когда командировка невролога закончилась, и они прощались, Оливер Сакс позволил себе обняться с героиней. Ему показалось, что нечто в ее аутизме сдвинулось, пробудив психический пласт, сближающий с «обычными» людьми.

С издания книги прошло более двадцати лет, и мы можем с уверенностью констатировать, что оптимизм Сакса не оправдался. Обществу больше не нужно заботиться о таких «антропологах на Марсе» (так назвала себя героиня заглавной статьи), потому что оно все в большей степени само состоит из них, причем без всяких диагнозов вроде аутизма.

То, что в 1995 году казалось примечательным, ныне стало нормой успешного человека. Академическая карьера, плавно перетекающая в деловую. Жизненный успех, обошедшийся без всяких сантиментов, влюбленностей, бурных расставаний и прочей архаичной требухи. Все выглядит как будто бы неплохо, но это не совсем так.

В 2011 году я написал рассказ «Спутники», который позже обрел продолжение и превратился в роман. Спутниками в нем называют работников, которые спят с клиентами, преимущественно женщинами. В их занятии нет никакого сексуального аспекта, просто два человека оказываются в одной кровати, чтобы одному — тому, кто платит — было комфортнее пережить ночь.

Чуть позже я узнал, что в Японии существует подобный сервис, причем вполне успешный. Японцы, найдаясь восточнее всего Востока, в итоге стали самыми западными — еще более западными, чем географический Запад.

Потрясающий воображение технический прогресс, исходящий с островов восходящего солнца, модифицирует человека не хуже радиоактивного излучения. И вот... ему уже приходится вызывать на дом профессионала, который будет лежать с ним в кровати. Или жить с надувной куклой, перенося на нее всю накопившуюся близость, которую не сумел растратить с живыми людьми. Или ложиться в гроб, чтобы хотя бы пообниматься с пластиковыми руками.

Возможно, пройдет еще немного времени, и потребность в объятиях (я уже не говорю о близости с другим человеком)

станет восприниматься как психическое расстройство или даже отклонение.

Больным станут прописывать лекарства, которые я бы назвал «Марсианскими объятиями». Это будет обычная вода для закапывания в глаза. Реклама и инструкция засвидетельствуют эффект на 36 часов. В случае необходимости будет предложено повторить процедуру.

Человек будущего проведет жизнь в марсианских объятиях до самой гробовой доски.

к а м у ш е к в б о т и н к е

***Душан Маккавеев
Нипочем не угадаешь,
у кого в кармане лягушка⁴²***

Где же противник?

Предложение прочесть лекцию на семинаре «Воинствующее кино» отозвалось в моем сердце старого борца музыкой. Давненько мне не приходилось принимать участия в схватке. Итак, где же противник?

Специалисты в области про-натальной психологии утверждают, что энтузиазм, который рождает в нас духовая медь военных или пожарных оркестров, объясняется тем, что их ритм соответствует биению сердца эмбриона (во чреве матери оно бьется вдвое чаще, чем после выхода младенца на свет Божий). Это означает, что военная духовая музыка вызывает в нашей памяти ощущение погруженности в воды хранительного океана и, может быть, даже чувство невесомости. Готовность к борьбе поднимает дух и, должен признаться, в молодые годы я с большой серьезностью и симпатией относился к старинному романтическому обыновению бросать вызов небесам.

Шаг за шагом, путем проб и ошибок учишься справляться с зыбкой неопределенностью мироустройства. Например, убеждаешься, что на один и тот же вопрос можно получить несколько ответов, каждый из которых будет правильным. «Можно ли сесть на ежа голой задницей?» — такой вопрос

⁴² Текст лекции, прочитанной на семинаре «Воинствующее кино» 24 сентября 1989 года в Утрехте (Нидерланды).

Искусство кино, №8 1992.

Перевод с английского Нины Цыркун.

был адресован знаменитому Армянскому радио. Ответ гласил: да, это возможно в трех случаях:

если задница чужая

если ежа побрили

если этого потребуют народ и партия.

По поводу правильных ответов хорошо высказался в своем замечательном романе-анекдоте «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» советский писатель-сатирик Войнович, описавший селекционера-самородка, пожелавшего произвести идеальный социалистический сельхозпродукт, скрещивая картофель с помидором. Под землей у растения должны были расти клубни картофеля, а сверху — вызревать помидоры, и так оно накормило бы трудящиеся массы всего мира. Замысел новатора с успехом удался, если не считать малюсенькой ошибочки: помидоры выросли внизу, а картошка сверху. Но это нимало не обескуражило триумфатора.

Работая над фильмом «В. Р. Тайны организма», я был счастлив, потому что не сомневался, что он рассмешит множество людей, что моих соотечественников обрадуют и обогатят мое новаторство в области формы, мое политическое остроумие, критический задор и живительная энергия. Жизненная сила и юмор — вот чего, по моему мнению, жаждали люди. Я полагал также, что жизненная сила и юмор составляли корень социалистической идеи. Не думаю, что я так уж ошибался, но вместе с тем я никак не мог предугадать, сколько яростного гнева поможет избыть мой фильм массе людей.

Потоком пошли сердитые письма в газеты и журналы и телефонные звонки с угрозами — мне домой. Настал момент, когда общественный обвинитель попытался выдвинуть против меня обвинения в нарушении сразу нескольких статей уголовного кодекса, гарантировавшее мне трехлетнее тюремное заключение. Я проявлял понимание. В духе евангельского «прости им, ибо не ведают, что творят». К счастью, судья из осторожности отложил рассмотрение дела. Он пожелал не торопясь изучить материал. Я вел себя так, будто только что продемонстрировал публике идеальный социалистический сельхозпродукт и ожидаю награды. Вместо этого я получил тревожный сигнал. В одно прекрасное утро мой «топопино» стал издавать какие-то странные звуки. Осмотрев машину, я обнаружил, что на правом переднем колесе отвернуты три гайки. Вот вам и медные трубы.

Мой полет по маршруту Белград — Мюнхен — Париж вряд ли можно было назвать «вызовом небесам». Что это было: трусость или ранняя мудрость? Раздумывать об этом было некогда. **Настоящее кино должно показывать невидимое и непроницаемое.** Потом началась работа в Париже над «Сладким фильмом» с продюсером Винсентом Маллем. Я был твердо намерен вставить в него материал о бойне в Катыньском лесу. И сделал это. В то время, то есть 15 лет назад, уничтожение в лесу под Катынью нескольких тысяч польских офицеров было практически официально не зарегистрированным. Вокруг составилась заговор молчания. На премьере фильма в Канне на меня с криком набросились двое каких-то мужчин: «Зачем вы вставили это в фильм?» — «Затем, чтобы увидеть, кто потребует от меня отчета!» — ответил я. Я так никогда и не узнал, кто они были.

Разыскивая сведения о катыньской бойне, в английском военном архиве я наткнулся на послание английского представителя при польском правительстве в изгнании той поры, адресованное Энтони Идену, британскому министру иностранных дел. Описывая факт обнаружения тысяч трупов в Катыньском лесу, он многозначительно резюмировал: «Давайте никогда не забывать об этих вещах и никогда не говорить о них».

Немало вещей сокрыто от нас в жизни, тех, которые ускользают от нас, или тех, что определенные силы от нас прячут.

Для меня всегда задача кино заключалась в том, чтобы выявлять сокровенное. В том числе то, о чем все знают, но о чем никто не говорит. Это не обязательно кровавые злодеяния или отвратительные дела. Иной раз это нечто прекрасное, например, касающееся секса. **Миллионы вещей скрыто существуют в каждой культуре, в частной жизни. Задача кино состоит в том, чтобы артикулировать их, ибо кино в основе своей невербально и для него вполне естественно иметь дело с невысказываемым.**

Дзен

Внутреннее чувство подсказывает, что мне следует сказать кое-что по поводу дзен.

Я не притязую на обладание достаточным знанием предмета, но, одолевая неопределенность — что мне случилось делать столь часто, — я всякий раз пытался убедить самого себя, что не существует ничего невозможного, нелепого,

странного либо необычного ни в искусстве, ни в философии, чему нельзя было бы найти эквивалента в жизни или природе.

У природы куда больше фантазии, чем рождается в умах художников. Вот, например, фраза: одной ладони хлопок. Вдумываясь в нее, я ощутил неясное странное чувство, будто где-то, когда-то слышал этот звук. Повинуясь внутреннему голосу, я пока отложу объяснение.

Брат мой в свете далекой звезды

Некоторое время тому назад я прочел в разделе науки «Нью-Йорк Таймс» об открытии новой необычной звезды в галактике, находящейся от нас на расстоянии нескольких миллионов световых лет. Это так далеко, что определить расстояние точно невозможно.

Необычность состояла в том, что звезд движется в нашу сторону с невероятной скоростью, но одновременно с той же скоростью удаляется прочь. Это столь же поразило меня, сколь и зачаровало.

Если где-то во мне живет поэтическая душа, она почуяла (пораженная в самую свою сердцевину), что «Нью-Йорк Таймс», забравшись так далеко в темный уголок отдаленной галактики, угодила в самую точку.

Каждый раз в своей работе я стремился максимально точно воплощать свои замыслы, но все равно моим посланиям недоставало определенности и фокус оказывался размытым. Имея дело с вечно меняющимся миром, как можно его «схватить»? Вертящийся в трансе вокруг своей оси дервиш крутится вокруг точки пустоты, но его дикая, необузданная эксцентричность сутью своей связана с этой осью абсолютной неподвижности.

Спасибо разделу науки «Нью-Йорк Таймс».

Все это только преамбула к моей лекции, которую предполагается начать как-нибудь экстравагантно. Посему я обращаюсь к стихам человека необыкновенной души, недавно покинувшего нас Р. Д. Лэинга.

То прихожу
то ухожу
различья в том
не нахожу
То вот я здесь
то нет меня

в чем разница
не помню я
(«Любили ли вы меня?», № 34)

Мне снилось: я бабочка
она мнит себя мной
а зеркало перед нею
полно пустотой

«Ты лжешь!»
Я вскричал
Проснулась она
Я мертвым упал
(Та же книга, № 33)

Реальность

На заре кинематографа, в конце прошлого века, гуляли слухи о зрителях, прятавшихся от испуга под кресла, когда поезд прибывал на вокзал Ла Сиота. У них возникало чувство, «будто смотришь в окно». Братья Люмьер сделали все возможное, чтобы «воспроизвести реальность». «Завтрак ребенка», создавал полную иллюзию, что вы подсматриваете в чужое окно, наблюдая картинку трогательную и простодушную, похожую на те, что миллионы «поляроидов» фиксируют сегодня по всему свету.

Пока репортеры наперебой восторгались «образами реальности», проницательный юноша в России, в Нижнем Новгороде, описывал первый в своей жизни киносеанс, как волшебное царство черно-белых теней, и отмечал присущий ему «серый тон гравюры» [Горький М. Синематограф Люмьера. — Собр. Соч., т. 23, М., 1953, с. 242-246]. Он обратил внимание на неестественность, безмолвность и бесшумность, отсутствие красок. Этот репортер стал потом поэтом и писателем, а город получил его имя: Горький.

Хотя кино на протяжении всей своей истории стремилось прикинуться реальностью, показывая якобы реальных людей и реальные или по меньшей мере возможные события, на самом деле оно никогда не было таковой.

Я веду речь о неопределенности, об искусстве многозначности, иными словами — об искусстве повествования в так называемом «кино потока» или коммерческом кинематографе.

Жажда невозможного, большего, чем жизнь

Большинство фильмов, сделанных в Голливуде, были сняты «как будто через окно». Таковы были и русские. Помню неутоленную жажду моих юных лет — жажду невозможного и неизведанного. Стремление к картинам, источающим красоту и энергию. Такую чистую жизненную силу и уравновешенное спокойствие нес в себе итальянский неореализм с его откровенным и суровым документализмом.

Иначе говоря, мои желания всегда крутились вокруг самой жизни, увиденной непредвзято. Что, в сущности, может быть больше самой жизни? Сама постановка вопроса кажется абсурдной. Но давайте войдем в кинозал. Вот она, жизнь, спроецированная на гигантский экран. В буквальном смысле перед нами нечто «большее, чем жизнь». Но дело, конечно, не в размерах экрана. А в каком-то специфически кинематографическом качестве. Помимо огромных экранов и ярких красок кино обладает еще чем-то большим, чем то, что непосредственно схватывается глазом. Начиная с уже упомянувшегося отзыва Максима Горького о кино как странном мире теней, на самой его заре заговорили о связи его с миром снов.

Вот цитата из Рене Клера, относящаяся к 1926 году:

«Состояние зрителя похоже на состояние человека, которому снится сон. Темнота в зале, усыпляющая музыка, мелькающие тени на светящемся полотне — все убаюкивает зрителя, и он погружается в полусон, в котором впечатляющая сила зрительных образов подобна власти видений, населяющих наши подлинные сны. Утром нелепость наших снов заставляет нас улыбаться, и приключения, которые мы только что пережили, кажутся непостижимыми нашему пробудившемуся разуму. Я часто замечал, что зрители фильма испытывают чувство только что проснувшегося человека. Они были во власти удивительных явлений. Они жадно следили за развитием событий, их увлек непреодолимый поток образов, а когда в зале загорается свет, они удивляются, что могли поддаваться гипнозу этих фантастических теней. Они смеются над своей доверчивостью. Их скептицизм пробуждается. Соприкосновение с банальной реальностью возвращает им способность рассуждать логически. Часто они могут с пренебрежением говорить о картине, которую только что смотрели, затаив дыхание. Не будем жаловаться на эту временную неблагодарность. Она — свидетельство чудодейст-

венной силы кино. Искусство, которое может увести мысль так далеко за пределы обычного, — незаурядное искусство.

А вот другая цитата, из Ингмара Бергмана:

«Кто-то, занимавшийся проблемами сна, открыл, что если не давать человеку видеть сны, он сойдет с ума».

Сны, погубленные шумом

В конце 20-х — начале 30-х годов благодаря техническому прогрессу в кино пришел звук, который записывался синхронно, прямо на площадке. Родилось звуковое кино. Вместе с ним на экран вернулась «реальность», сны же были убиты шумом.

Приход в кино звука положил конец сходству его со сновидением. Можно видеть сны черно-белые или цветные, но они всегда молчаливы. Звук навсегда изгнал из кино сны.

Звук пришел, чтобы заскрипели мертво молчащие двери и ботинки, защелкали выключатели, затикали часы, зазвенел фарфор, плеснул о тарелку наливаемый суп, залаяли собаки, загредел далекий гром. Кино переполнилось речами и песнями.

Введение синхронного озвучания катастрофически преобразило кино. Только вещественный мир, только осязаемая реальность в их патологической нормальности воцарились на экране.

Лицо и голос, образ и звук нераздельно слились воедино. Фильмы действия, приключенческие ленты, истории о жизни в далеких странах, даже мелодрама, разыгрывавшаяся на фоне картонных гавайских пальм, которую снимали в голливудском павильоне и озвучивали сладким тенором Тино Росси, — все они притягали к реалистичности. Но сон и поэзия, вытесненные брутальной конкретностью синхронного звука, изощренным манером возвращались на экран. Как отродно было услышать в начале «Бульвара Заходящего солнца» закадровый голос героя «Я был тогда уже мертв», когда его безжизненное тело качалось на воде плавательного бассейна.

Бурное развитие коммерческого кинематографа в 30-е, 40-е и 50-е годы внесло свою лепту в масштабы всемирной индустриальной революции. Новая урбанизированная цивилизация оформлялась сегодня, сводя воедино множество миров.

Человечеству надобно было пережить лихорадку двух сверхтоталитарных режимов и целую мировую войну, чтобы прочувствовать реальную цену взаимного противостояния.

На протяжении всех этих лет голливудские фильмы сыграли важную демократизирующую роль, научая людей жить в добрососедстве и понимать самих себя и друг друга. Это, однако, не должно закрыть наши глаза на то, что в ходе указанного процесса голливудская фабрика грез, неустанно выработывавшая свой потребительский товар, превратилась в гиганта, в простодушии своем истоптавшего все цветочки на выбранном им пути. Страстная филиппика Менно тер Браака [Менно тер Браак — голландский киновед, организатор семинара «Воинствующее кино»] в защиту сокрушенного независимого «другого» кино, способного к сомнению и критическому осмыслению, пробудила во мне глубокий отклик и сильную ностальгию по собственной юношеской убежденности в том, что кино как средство художественного выражения имеет своей целью одоление пошлого идиотизма «реальной» жизни в заботах лишь о насущном.

Наше стремление к свободе от удушающего и оглуляющего способа повествования, присущего коммерческому кино, вдохновило нас на создание специальных клубов и организацию специальных показов. Я имею в виду пятидесятые годы. В Белграде мы устроили тогда ретроспективу классического немого кино, показав, конечно, «Метрополис» Фрица Ланга, «Кабинет доктора Калигари», «Варьете» и тому подобное. Мы показали всю мультипликацию Мак Ларена, которую смогли получить через Канадское посольство, и «Одинокого парня» Вольфа Кенинга о Поле Анка и сами смотрели все это в течение одной долгой зимы, сто вечеров подряд. Потом кто-то обнаружил огромный архив медицинских фильмов, и множество вечеров было посвящено сотням жутковатых документальных лент про операции на сердце, легких и почках, про приживление оторванных пальцев и прочее, снятых в роскошных насыщенных красках «Техниколор»!

Я честно отсидел свои четыре часа на фильме Майкла Сноу «Центральный район». Да, я присутствовал на знаменитом полуночном сеансе в Париже на улице Вязов, когда Анри Лангуа демонстрировал «Пламенеющие создания». Мне не забыть авангардистский просмотр в Пезаро, когда молодой нью-йоркский кинематографист показывал многочасовой фильм на 8-миллиметровой пленке — и никто, ни администрация фестиваля, ни кто-либо другой не подозревали, что он замыслил демонстрировать свое произведение бесконечно (он крутил склеенный в петлю фильм на разной скорости вперед и назад под громкую музыку). Шоу продолжалось

до тех пор, пока автора не остановили и не сопроводили в психушку, где, по слухам, он пребывает и по сей день.

Все это происходило благодаря несокрушимой вере в существование «другого», подпольного, борющегося кино, в то, что такое кино должно жить и что наша святая обязанность — наблюдать за нераскрывшимися еще талантами и судьбой их истинно кинематографических творений. На рубеже 50—60-х годов по всей Европе буйным цветом разошлись очень личностные экспериментальные короткометражки, которые проложили дорогу первым игровым фильмам, снимавшимся легкими камерами прямо на улицах, обычно с руки. Польские фильмы после 1956 года бурлили иронией, многозначностью, образностью и были полны отчаяния, поэзии и самоубийственной страсти.

«Новая волна» заявила о себе сразу несколькими дюжинами глубоко личностных фильмов. Кого оставили равнодушным «Хиросима, моя любовь» с ее дерзким монтажом или пластическая хореография Кутара — Годара — Бельмондо в «На последнем дыхании», или потрясающая фактурность «Теней» Кассаветеса, или Ширли Кларк в «Связном», или неистовая энергия «Тюряги» группы Мекаса «Живой театр»?

Невероятное разнообразие мирового кинематографа на закате его черно-белой эпохи как будто бы безболезненно ввело нас в пестрый период цветения ста цветов цветного кино последних двадцати — двадцати пяти лет.

В конце 60-х Голливуд внезапно и с небывалой энергией открылся духу экспериментаторства, допустив в себя оргиастические сцены, секс, полиэкран, насилие, фантастику и документальность, так что даже солидные высокобюджетные фильмы приобрели авторский и личностный характер.

Говоря о сегодняшнем кинематографе, я не могу справиться с ощущением, будто веду речь о чем-то таком, что было и чего больше нет.

Поначалу существенную роль в либерализации голливудского кино сыграли технологические новинки, связанные с электронным способом рождения образов. Телевидение приняло в свои объятия все классические жанры — комедию, триллер и семейную драму. А потом, входя в каждый дом через многочисленные каналы и кабельные сети, с помощью видео попадая на домашний экран, светящийся 12, 16, а то и все 24 часа в сутки, где можно было увидеть не только специальные программы, но и тысячи фильмов, оно разрушило священнодейственную исключительность киносеансов в похожих на храмы залах, отгороженных от мира и богато

украшенных, с их гигантскими экранами, жестким графиком, с непрерывным показом, под сетью бархатных портьер и под покровом глубокого мрака.

Шоковое воздействие, произведенное новейшей технологией, кажется мне более существенным и чреватым более значительными последствиями, чем те, что возникли в результате появления звука. Пока что можно рассчитывать только на те же 24 кадра в секунду на целлулоидной пленке (примерно 150 000 зрительных образов в каждом художественном фильме). Как только телевидение высокой четкости войдет в широкое употребление (а это, я думаю, вопрос месяцев или недель), кино сразу же станет явлением маргинальным. Легко тиражируемые (а следовательно, легко превращающиеся в товар) фильмы можно будет носить в кармане или получать на дом по телефонному запросу. А это — конец кино в том виде, в каком мы его знаем.

Уже сегодня в сотнях миллионов домов по всему свету круглые сутки демонстрируются одни и те же клипы MTV, являя собой полный набор компонентов, о которых мы могли только мечтать, будь то свержрапид, невообразимые углы съемки, смешение анимации и игрового кино, документальные врезки, порнография, архивный материал, дорогостоящие впечатывания, блестящий монтаж и прочие сюрпризы — возникающие случайно, хаотично, без всякого порядка или «очевидной и оправданной художественной цели» (за исключением иллюстрации звуковой дорожки) и даже без осознания эффекта всех этих аттракционов. И так же как у самых истоков кино авторы этих работ анонимны.

С удовольствием признаюсь — мне и самому нравится смотреть кино, одевшись по-домашнему, переключаться с фильма на программу новостей, возвращаться к началу картины или прогонять ее вперед или, поглядев на одном канале крокодилов и кенгуру, немножко послушать проповедника движения «Гринпис» и вместе с ним поужасаться озоновым дырам в стратосфере, которые создала наша индустрия дезодорантов.

Приезжая в страну, где имеется достаточно много каналов, я всегда в течение нескольких дней исступленно переключаю кнопки. Каждый визит в Нью-Йорк стоит мне ночных бдений, когда я не засыпаю до полчетвертого, а то и до полпятого. Я не в силах отбросить панель дистанционного управления перед лицом этого хаотично сменяющегося набора образов. Только появление на CNN одной и той же но-

ности в четвертый или пятый раз напоминает мне о том, сколько протекло времени.

Старые добрые кинотеатры с высокопарными названиями — «Луксор», «Урания», «Колизей», «Рекс», «Одиссея 2000» канули в прошлое.

Возвестив апокалипсис, я должен вернуться в настоящее. Кино еще не совсем мертво. И потому мы все здесь собрались.

Говоря о кино, мы имеем в виду эпизоды, увиденные когда-то и навсегда оставшиеся в нашей памяти; причем это не обязательно фрагменты из лучших фильмов.

У меня есть знакомый, который 19 раз посмотрел «Мою дорогую Клементину». Я сам видел ее Бог знает сколько раз и всегда, когда мне удастся напасть на нее по телевидению — днем или ночью, — я непременно дождусь тех кадров у гостиницы, когда Генри Фонда балансирует, опершись на спинку стула и вытянув ноги на деревянную балюстраду.

Помните ли вы Джонни Вайсмюллера, одетого по-западному и наблюдающего Манхэттен с аэроплана в фильме «Тарзан в Нью-Йорке»? Или кадр с Жан-Пьером Лео перед зеркалом в «Китайке», обматывающим голову полотенцем? Или эпизод в фильме Витторио Де Сика «Чудо в Милане», где бедный старик съедает выигранный в лотерею приз — жареного цыпленка — и показывает последнюю обглоданную косточку толпе голодных приятелей-бродяг, приветствующих его аплодисментами? Отчего мы бережно храним в глубинах памяти неповторимую походку Гари Купера, или понурые плечи Джимми Дина, или загадочное лицо Кэтрин Хепберн? В чем секрет этой памятности, столь нежной и такой стойкой, столь личной и такой распространенной?

Слышите ли вы шепот одухотворенного пейзажа, шелест снега, мягко падающего с чистых небес на плечи мальчишка в фильме Бергмана «Источник», — через несколько секунд после того, как он стал свидетелем надругательства над девушкой? Помните ли слова, сопровождающие кадр, в котором нога Сары Майлз касается спинки кресла в «Слуге» Джозефа Лоузи? А теснины гор в «Пикнике у Висячей скалы» Питера Уира вокруг девушек, которым уже не вернуться домой? А грузовик семейства Джоудов в «Гроздьях гнева» Джона Форда или снятый Урусевским знаменитый план лица Татьяны Самойловой в автобусе, а потом ее проход в толпе и рассыпавшийся под ноги уходящих на фронт солдат кулек с печеньем («Летят журавли»)? Или из того же фильма влюбленных в парадном, шепчущих друг другу слова любви через

разделяющий их лестничный пролет? А финал «Положения вещей» Вима Вендерса, снятый «спотыкающейся камерой», заставляющий вспомнить о манере Нагисы Осимы, или поведение камеры в начале фильма Шаброля «На двойной поворот», где садовник подстригает газон, а камера «пляшет» вокруг него? А как насчет Клауса Кински на плоту, облепленного обезьянками, в фильме «Агирре» Вернера Херцога? А помните Бельмондо в «Безумном Пьеро», рассказывающем, как кто-то гладит руку женщины тыльной стороной ладони, напевая: «Ты ли та, что любит меня»? А таинственные интерьеры в аргентинских фильмах Леопольдо Торре Нильсона, медленно плывущий корабль в «Красной пустыне» Антониони или Джеймс Стюарт, засыпанный письмами в последних кадрах фильма «Мистер Смит едет в Вашингтон»? Не забыли «Большие надежды» Дэвида Лина с его диккенсовскими семейными гнездами, загромажденными мебелью, Эмиля Яннингса, кружащего вокруг Марлен Дитрих в «Белокурой Венере», Джеймса Стюарта, наблюдающего за событиями в бинокль в «Окне во двор»?.. Продолжать можно бесконечно. О чем бы ни шла речь в том или ином фильме, в какой-то момент он непременно должен приблизиться к границе риска. Риска нарушить общепринятую норму. Это случается (чаще всего в скрытой форме) в каждом удавшемся фильме вне зависимости от степени его коммерческого успеха.

Позвольте мне освежить вашу память, напомнив трансфокаторный наезд в «Дурной славе» Хичкока от общего плана к сверхкрупному плану ключа, зажатого в кулаке Ингрид Бергман, или еще крупные планы с каскадным наплывом Элизабет Тейлор и Монтгомери Клифта в «Месте под солнцем» Джорджа Стивенса.

Хотелось бы вспомнить и окровавленную лошадиную голову на подушке в «Крестном отце» Копполы или таинственное зловещее появление неизвестного в белом костюме, ставящего ногу на тумбу чистильщика в самом начале «Сокровища Сьерра-Мадре».

Напомню еще и появление на крупном плане после чародейства колдуньи светящегося отравленного яблока, очень красивого и соблазнительного, в «Белоснежке и семи гномах» или сцену из бунюэлевской «Виридианы», где нищий слепец, которого ребятишки забросали камнями, поднимает голову из дорожной пыли и оказывается в одном кадре с цыпленком. Или другой захватывающий момент, у Бергмана в «Шепотах и крике», когда Ингрид Тулин осколком стекла проводит между ног и кровь выступает у нее на пальцах.

Каждый из этих примеров — реализация Большой надежды, подкрепленной дерзким расчетом.

Вспомните Джимми Дина в «К востоку от рая», когда он прячется в леднике: бруски льда — символ его оледеневшего сердца. Или порванную нитку жемчуга Хеди Ламар в «Экстазе» Махатого — откровенное сексуальное послание зрителю, сообщающее о благословенном дожде спермы ее любовника.

Эти примеры — лишь немногие из доказательств того, что образ — это действие.

Я говорю об эпизодах, которые вы хорошо помните, которые помню я как очарованный, любопытствующий зритель.

Но о чем все-таки ведем речь? О магии кино?

Мы говорим о гипнозе, о магнетизме, о нитях, связующих экран и зрителя. О том, что скрывается в информации, идущей в зал. Ведь все очевидное несет в себе нечто тайное, зашифрованное.

Если вы спросите, почему Мэрилин Джордан в «Монте-негро» трижды запускает туфлей в человека, с которым через несколько секунд соединится в объятии, хотя перед ней стояла только одна пара, или почему Камилла Съёберг в «Манифесте» опять же кидает в Эмиля одну за другой три туфельки, я не смогу ответить ничего, кроме того, что так мне захотелось.

Кино — машина по производству фантазий и средство, способное каждого доставить туда, куда собственный опыт не позволяет ему даже помыслить попасть, средство, предоставляющее возможность оказаться лицом к лицу с собственными скрытыми или подавленными чувствами, воспоминаниями и желаниями.

Американский психиатр Гарри Салливен, объясняя состояние сознания шизофреника, прибегнул к собственным сновидениям. Точно также мы можем воспользоваться нашими снами для понимания глубинных и сокровенных посланий кинематографа.

Во сне он видел себя в каком-то подвале, приближающимся к паутине, которую плел гигантский смертоносный паук. Пытаясь избежать его жутких объятий, Салливен просыпается в холодном поту. Но продолжает видеть перед собой паука — пока до него наконец не доходит, что это лишь пуговица на его пуховом одеяле. Пока он пробуждается ото сна, «паук» наплывом переходил в пуговицу. Страх перед

кошмаром не дал ему заснуть вновь, он боялся, что пуговица опять обернется пауком.

Гипнотические образы возникают в «сумеречной зоне» дремоты или пробуждения. В такие минуты мы, например, внезапно вздрагиваем в уверенности, что в комнате кто-то есть. Шизофреническое сознание отличается от нормального только тем, что оно всегда погружено в это состояние. И тогда приближающийся к столику официант «опознается» как отравитель, мертвая женщина или король.

Вот почему американский кич и Ницше не являются взаимоисключающими, напротив, Ницше прячется в американском киче, как паук Салливена в пуговице!

В раннем звуковом кино и даже во всем звуковом кино его первых сорока лет (1928—1968) либидозный подтекст прятался гораздо глубже, чем после революции в средствах массовой коммуникации, свершившейся в 1968 году.

Стратегии, использовавшиеся до тех пор лишь в европейском кино и в американском андерграунде, активно вторглись в американский кинопоток. Счастливым найденным завершением «Бонни и Клайда», где в кровавой финальной сцене использовалась техника рапида, стремительный монтаж Пекинпа в «Дикой банде» (в аналогичной сцене) или непристойность в сцене сексуальной инициации у Майка Николса в «Выпускнике» открыли шлязы каскада новых для американского кино тем, который не иссяк и доныне. Две трети столетия американское кино было закрыто для интимно-сексуальных тем. И когда наконец кино открылось для секса, это приняло невообразимый масштаб. Не случайно так всех поразил сенсационный успех «Челюстей». Поначалу этот классический фильм ужасов воспринимался в американской киноиндустрии как обыкновенный «фильм про большую рыбу». А между тем эта гладкая скользкая фаллообразная ткань, прячущаяся в таинственных глубинах, имела привычку возникать внезапно, раскрывала свою страшную влажную зубастую пасть (*vagina pentata*) и хватала пловцов за чресла. Средние планы и «скользящая» камера создавали впечатление тревожащего сочетания сладкого томления и ужаса, смешанного с наслаждением. Вскоре после «Челюстей» на экраны вышел «Ад в поднебесье», изобразивший объятый пламенем небоскреб, где при виде фонтанирующей жидкости, исторгаемой из резервуара, установленного на крыше высокого узкого здания, у зрителей возникало ощущение оргазмического финала и следующего за ним расслабления. И, наконец, появляется «Инопланетянин», нечто на

первый взгляд отвратительное и неприятное, пугающее и непонятное, вытягивающееся в странное существо, которое оказывается дружелюбным и милым созданием. Этот шедевр начального сексуального образования. Существо представляется отвратительным, пока не притронешься к нему и не познаешь его. Нежность обладающей силы и любовь как познание — вот о чем «Инопланетянин». Великий синтез библейской мудрости и рационализма Зигмунда Фрейда.

Популярные фильмы обнаруживают свою таинственную силу во всевозможных потаенных связях, которые они исподволь устанавливают со зрителем.

А теперь вернемся к дзенскому коану «одной ладони хлопков». Я слышал этот звук и видел, откуда он исходил. Это произошло, когда я был подростком, после второй мировой войны. Тогда в Югославии было полно калек. По национальным праздникам во время парадов на площадях ставили скамейки для инвалидов. Безрукие рассаживались так, чтобы рядом оказывались один с правой рукой, другой с левой. Две дюжины этих людей образовывали дюжину пар хлопающих ладоней, издающих две дюжины звуков одной хлопающей ладони.

Два случая из жизни

Фильмы, как все живое, обладают своей «аурой», а если они действительно хороши, у них есть и своя «харизма». Я имею в виду воздействие их духовно-энергетического поля.

Готовясь к съемкам «Невинности без защиты», я без всякой особой цели, просто на всякий случай, поместил в популярном еженедельнике объявление с приглашением написать мне тех, кто обладает какими-нибудь необычными умственными или психическими качествами. В ответ пришло более тысячи писем. В основном от пожирателей огня и прочих фокусников. Но одно письмо не походило на другие. Оно было отправлено из армейского гарнизона небольшого провинциального городка. Солдат писал, что он обшивал себя пуговицами прямо по коже, «с головы до пят». У меня в фильме не нашлось места для этого аттракциона, и письмо осталось без ответа. С тех пор я никогда больше не слышал об этом человеке. Спустя 8 лет, представляя свой фильм на летнем семинаре в Нью-Йоркском университете, я упомянула об этом случае. Официально мой курс должны были слушать 45 студентов, но, как правило, на лекции приходили человек сто. И вот после этого рассказа, на следующий день, ко мне

подошла студентка со словами благодарности за благодеяние, которое я совершил, сам того не ведая. Она специально приехала в Нью-Йорк, чтобы послушать меня, и собиралась пригласить с собой подружку-старшеклассницу, которая, как оказалось, лежала в больнице. Эта бедняжка почти всю свою жизнь провела, время от времени попадая в психушку. Моя студентка добилась для нее разрешения покинуть больницу палату на один вечер. И привела ее ко мне. Лекция и демонстрация фильма заставили ее пережить сильнейший катарсис. Дело в том, что у нее иногда появлялось неодолимое желание пришивать себе пуговицы на голую кожу. Она не знала, откуда появлялось это желание. Ее поведение тревожило родственников, и девушку отправляли на лечение. И вот она впервые в жизни услышала, что где-то в мире есть еще один человек с такой склонностью. Ее особенно поразило, что ее армейский alter-ego из Югославии не считал себя психическим больным, да и я не обнаружил признаков беспокойства по поводу страсти, которой он был одержим. Об этой девушке я тоже потом никогда больше не слышал.

В моем фильме не было ничего о пришивании пуговиц на голое тело. Но беседуя с вами, я думаю о человеке, присутствующем в этом зале, у которого под платьем нашиты пуговицы.

И если среди вас есть такой, я снимаю перед ним шляпу и от души поздравляю его с тем, что он непохож на других. Что он другой. Что он больше, чем жизнь!

Когда я работал над своим первым игровым фильмом «Человек не птица», для сцены в бродячем цирке мне понадобился человек, который глотает змей. Я нашел его как раз там, где мы вели съемки, он выступал перед шахтерами. Мы договорились, что обсудим его участие в съемках в среду утром. Он явился (остановился он в том же отеле, что и мы) к завтраку безупречно одетый: белая сорочка, галстук. В разгар завтрака мне вдруг пришло в голову, что своих пресмыкающихся он, должно быть, держит у себя в номере. «А что, если на них наткнется горничная?» — спросил я. «О, нет, — ответил он, — они любят тепло и целый день спят». И тут он расстегнул сорочку — и показал парочку змей, приютившихся у него под мышкой.

Я не осмеливаюсь спросить присутствующих, нет ли у кого-нибудь в кармане лягушки. Или бомбы. Нам этого никогда не узнать, и мы не собираемся этого делать. Пожалуйста, не выбрасывайте эту лягушку.

Наша страсть к кино — это страсть к жизни

Магия кино объясняется его способностью фиксировать жизнь и проникать в суть мечты или в ее душу. У жизни на экране нет прошлого и нет будущего, она вся вмещается в мгновенную дыхательную паузу между двумя двадцатичетырьмя секундами. Это молниеносный миг, когда зритель воссоединяет два статичных образа в единое целое. Набор последовательных моментальных снимков сопровождается последовательностью разрывов между ними. Объединенные единым заговором — присутствием на своеобразном спиритическом сеансе — зрители-конспираторы вызывают с экрана живых духов. «Конспирация» — дословно означает «содыхание». Каждый фильм буквально рождается своими зрителями. Это таинство происходит 150 000 раз за каждый просмотр!

На Земле 6 миллиардов жителей. Песчинка, затерянная в бесконечных галактиках, Земля с населяющими ее людьми-муравьишками, кажется совершенно незначительной. Но когда масштаб меняется, когда вы встречаетесь с человеком лицом к лицу, обнаруживаете, что он абсолютно уникален, отличен от других и чрезвычайно интересен. И тут уместно сравнение с самим Господом Богом. Каждое живое существо, в том числе растения и животные, творит неповторимое и неподражаемое чудо собственной уникальной жизни, чудо собственной вселенной. Кино делает зрителя либо участником, либо свидетелем чужой жизни, позволяет войти в чужую вселенную и тем самым оказывается уникальным достоянием нашего собственного опыта.

Маруся Климова **Холод и отчуждение**

Оказывается, индейцы майя ничего не знали о столь важном предмете обихода, как колесо. Эта цивилизация просуществовала несколько тысячелетий, и из десятков или, возможно, даже сотен миллионов человек в разных поколениях не нашлось ни одного, кто додумался бы до такой элементарной и необходимой в быту вещи. Все это время они ворочали каменные глыбы, возводили пирамиды, а обратить внимание, что на бревнах можно катить ствол, если положить его поперек, никто не догадался. Тем более, эти дауны не в пустыне жили, а в джунглях, где вокруг полно деревьев. Плюс, стоит хотя бы несколько из них спилить, то и вовсе получают пеньки, которые, когда на них сверху смотришь, представляют из себя круги, своими очертаниями напоминающие колесо. То есть идея как бы сама напрашивается... Поразительно! Одно дело, столетиями не подозревать, что Земля вращается и ты к ней притягиваешься, это еще куда ни шло, но чтобы до такой степени не заботиться о собственном комфорте и здоровье, подобное просто не укладывается у меня в голове. Выходит, вместо того, чтобы остановиться, оглядеться по сторонам, немного подумать и выбрать максимально удобный способ перемещения тяжестей, люди крутились, как белки в колесе, заканчивали одно дело и сходу кидались к другому, хватались за лопаты, взваливали себе на плечи тюки, доски, камни и носили их прямо на себе. Индивиды, не испытывающие особой тяги к столь активной деятельности и предпочитающие проводить время на пляже, греясь на солнышке, наверняка нашли бы способ как-то облегчить себе жизнь. Однако среди индейцев, судя по всему, таких не оказалось.

И это лишний раз указывает, что чрезмерная любовь к труду, свойственная тем или иным личностям, красноречивее, чем что-либо еще, говорит об их невысоком IQ. Неслучайно же в Советском Союзе, где на многие выдающиеся

произведения искусства с усложненной формой был наложен запрет, а слишком интеллектуальные книги прятались от населения в специальные хранилища библиотек, в УК существовала еще и отдельная статья, предусматривающая наказание за тунеядство. Тогда как стахановцы и прочие ударники производства, наоборот, всячески поощрялись. Да и основатель советского государства Ленин опять-таки первым делом распорядился посадить самых продвинутых и известных русских мыслителей на паром и выслать за границу. При этом сам он тоже настолько обожал работать, что в свободное от основных занятий время периодически посещал субботники, где таскал бревна, причем не как-нибудь там, при помощи тележек и лебедок, а исключительно на плече или спине. Практически как и жившие много веков назад представители цивилизации майя. С ними, кстати, у советских граждан, как я теперь понимаю, вообще гораздо больше общего, чем с русскими людьми, главной отличительной чертой которых всегда была именно лень. Что нашло отражение не только в художественных произведениях классиков литературы, но и в таких образцах народного творчества, как сказки, в частности, герои которых обычно целыми днями лежат на печи и мечтают о том, как бы совсем ничего не делать, а все происходило само собой, по щучьему велению или мановению волшебной палочки. Именно поэтому, думаю, русские первыми и изобрели тот же паровоз, способный перетаскивать по рельсам множество вагонов с грузом на огромные расстояния. А как только к власти в России пришли трудолюбивые большевики во главе с Лениным, образовавшееся на ее месте социалистическое государство всего за несколько десятилетий на порядок отстало в техническом плане от большинства зарубежных стран.

Так что все эти величественные пирамиды, которые до сих пор время от времени откапывают археологи в труднодоступных заросших густыми лесами районах Южной Америки, вовсе не свидетельствуют о высоком уровне развития некогда существовавшей там древней цивилизации, как об этом принято писать в новостях, а, по сути, являются точно такими же памятниками человеческому слабоумию, как павильоны ВДНХ или скульптура рабочего и колхозницы в Москве. Раньше я об этом как-то не задумывалась. Но между этими сооружениями даже визуально достаточно много общего. Чувствуется, что их создатели не отличались особой фантазией и утонченностью, а старались компенсировать этот изъян их внушительными размерами.

Можно предположить, конечно, что индейцы были осведомлены о существовании колеса, однако отказывались от их использования исключительно по религиозным соображениям. И подобные гипотезы, я слышала, действительно, кем-то уже высказывались. Но ведь и в СССР на частную собственность, например, также был наложен фактически сакральный запрет, который тоже значительно утяжелял условия жизни населения. Поэтому данный факт, если он вдруг окончательно подтвердится, сделает сходство двух этих уникальных исторических общностей — новой и древней — еще более очевидным.

Большинство людей не различают оттенков вкуса. Стоит заглянуть на любой кулинарный форум, чтобы в этом убедиться. Так же обстоит дело и с литературой. Особенно это заметно, когда кто-нибудь рассуждает о классиках литературы, вроде Пушкина, Толстого, Шекспира, Данте и Гомера. Поэтому подлинность чувств того или иного индивида зависит исключительно от объекта его восхищения. Других критериев элементарно не существует. И тут, как правило, все определяется случайным стечением обстоятельств. Одним приходится жить с недоразвитыми и уродливыми существами, другим работать под их началом, а кому-то сниматься в фильмах бездарных режиссеров... И практически все уверяют окружающих, что делают это с удовольствием. Мало того, человек и сам обычно в это верит.

Но возьмем Ленина, скажем. Или же Маркса. Невозможно представить, что их всерьез способен кто-либо любить. Они оба, если так можно выразиться, помечены неким знаком порчи в этом плане. И в результате, все идеологические построения, научные труды, партии, государственные образования, которые вокруг них выстраиваются, рассыпаются наподобие картонного домика. И таких примеров можно найти кучу. Все, что связано с не достаточно полноценными объектами поклонения, изначально обречено на провал.

При этом нельзя сказать, что личности, пишущие диссертации по Рембо, допустим, полностью искренни в своих чувствах и хорошо разбираются в поэзии. Скорее всего, они точно так же ничего не понимают в том, кем им приходится заниматься. Но все равно их деятельность со стороны выглядит более убедительно. И чисто теоретически можно допустить даже, что кому-то из них действительно нравятся стихи

этого поэта. Просто им больше повезло с предметом исследования. И все.

Это я к тому, что довольно часто приходится слышать об ответственности художников и государственных деятелей. Но мне почему-то кажется, что мало кто по-настоящему осознает, насколько это серьезно. Политики и писатели вполне реально способны подставить тех, кто за них голосует или покупает их книги. Иногда это касается целых народов и стран. Об основателях мировых религий я вообще молчу. И прежде всего потому, что люди в массе своей абсолютно ни во что не врубаются. Им совершенно все до лампочки.

Помню, в конце 80-х во времена так называемой Перестройки довольно часто стало употребляться выражение «девушка без комплексов». Причем вошло оно в широкий обиход не из диссертаций, научных трудов и конференций, а главным образом из газет, где публиковались объявления с предложениями о приеме на работу или же оказании определенного рода услуг. То есть, по сути, из народа, от самых обычных людей, которые вряд ли были знакомы с психоанализом, поскольку это учение в СССР фактически находилось под запретом. Получается, что они совершенно самостоятельно, благодаря исключительно собственной сообразительности, додумались до основополагающих моментов учения Фрейда. Поэтому лично я считаю, что его заслуги перед человечеством сильно преувеличены. Явления, о которых он писал в своих сочинениях, настолько элементарны и очевидны, что даже полуграмотные представители социальных низов способны прийти к их осознанию без знакомства с его трудами. Ну, разве что с некоторым опозданием во времени, но это, на мой взгляд, не так и важно.

То же самое, думаю, можно сказать еще о многих изобретателях и мыслителях, имеющих сегодня репутацию гениев, якобы осчастлививших человечество своими открытиями. Представим, что люди пользуются электричеством, общаются по интернету, летают на самолетах и запускают в космос ракеты. В какой-то момент они неизбежно натолкнутся бы на Америку, причем это могли сделать даже обычные пассажиры совершающего кругосветный круиз лайнера. Практически так же, как это и произошло с Колумбом, изначально, как известно, отправившимся на своем судне в Индию. Значение этого персонажа для судеб современной цивилизации кажется мне столь же переоцененным и разду-

тым, как и в случае с Фрейдом. На деле же они оба, если внимательно присмотреться, являются мыльными пузырями. И не более того.

Чем больше я узнаю писателей, тем сильнее мне нравятся художники. На картинах все на виду, а в книгах, даже если автор полный дебил, весь его идиотизм скрыт под обложкой и за словами. Большинству людей обычно лень в таких тонкостях разбираться, и всякие пронырливые личности этим пользуются.

Про покойников, конечно, принято говорить хорошо. Но когда читаешь стихи Мавроди, невольно ловишь себя на мысли: «Боже, сколько же в этом мире людей еще тупее, чем он!» Как мыслитель тот же Пичушкин на порядок глубже. Одно только это чего стоит: «По дороге разговаривали. Мне было интересно узнавать у них мечты, желания, планы. Поэтому что я знал, что они не сбудутся».

Не знаю, почему всем так не нравится феодализм. Лично я бы не отказалось жить в замке, где бы меня обслуживали десятки слуг и придворных. Ходила бы на балы, покупала себе всякие нарядные платья и маскарадные костюмы, а так, лежала целыми днями в постели и смотрела триллеры прямо на большом экране, потому что у меня был бы собственный раб-механик, который за каждый неудачный фильм получал от двадцати до пятидесяти розог в зависимости от степени огорчения, которое я пережила по его вине. И это было бы даже гуманно. Благодаря таким мерам он, наверняка, постепенно начал прекрасно разбираться в кино, мог бы публиковать в СМИ обзоры всяких новинок, защитить диссертацию и стать известным киноведам. А, может быть, со временем из него и вовсе вырос бы новый Аристотель. Мне не жалко. Скорее всего, я о его замечательной карьере вообще бы ничего не знала, а на то, что он получает за свои статьи прибавку к жалованью, смотрела бы сквозь пальцы. Не такая уж я и злая, на самом деле...

Да даже не в замке, жить в собственном особняке в центре города тоже неплохо. Пары сотен крепостных мне бы вполне хватило, думаю. Но пусть лучше будет тысяча, на случай кризиса и других финансовых затруднений. Управ-

ляющий переводил бы мне бабки прямо на карточку, а я в собственное имение, скорее всего, даже летом не ездила, на фи́га оно мне сдалось, в мире есть места и поинтересней. А помимо путешествий я, наверное, тоже в основном вела лежачий образ жизни, наподобие Обломова. И все бы со мной нянчились и удивлялись, какой я чистый и совершенно неприспособленный для этой жизни человек, не то что некоторые. И те личности, которым приходилось бы кривить душой и выслуживаться перед начальством, чтобы прокормить свое многочисленное семейство, ужасно бы перекашивались и тряслись от злобы при одном звуке моего имени, но ничего предпринять не могли. Потому что я все равно была бы гораздо лучше и неприспособленнее их, и все вокруг это знали и про меня только и долдонили.

И что в этом плохого? Я имею в виду такое устройство общества, когда ты можешь лежать целыми днями и ничего не делать.

Холод — чудесное слово. Очень-очень-очень многогранное! Чарующее и волнующее. Вера Холодная, например, как звучит. Я бы и сама так назвалась, если бы не она. Но вот «холодная война»... Кажется, что холод может все и способен облагородить даже войну, но та все равно его немного опошляет.

Странно, но судьба некоторых слов меня волнует куда больше, чем участь всех людей вместе взятых.

В советские времена историю вообще практически не изучали. Все сводилось к классовой борьбе: в древности рабы боролись за свое освобождение, потом этим же занимались крепостные крестьяне, и, наконец, пролетариат выступил в качестве могильщика буржуазии. И все, насколько я помню, были довольны. Не нужно было напрягаться и вникать во всякие детали, а просто усваиваешь общую формулу, под которую можно подогнать практически любые события в разные времена. Учителям легче преподавать, а детям — учиться... И выходит, что в основе этого мира лежит вовсе не классовая борьба, а лень. Если, конечно, внимательней приглядеться. Даже этот пример косвенно указывает, как все вокруг на самом деле устроено.

Вот почему наиболее одаренному от природы подобным качеством индивиду, чтобы разгадать то или иное явление

окружающей действительности, совсем не надо прилагать никаких особых усилий, а достаточно лежать и думать о себе, каких-нибудь там проблемах личной жизни или же просто любоваться на свое отражение в зеркале. И все само ему открывается, весь смысл происходящего вокруг! Именно лень составляет основу личности гения и делает его причастным к главным тайнам мироздания.

Остальным приходится целыми днями высиживать в офисе и торчать у станка, чтобы иметь возможность потом приобрести книгу гениального писателя, где он изложил свои наблюдения. А вырученные деньги, опять-таки, частично возвращаются к автору, чтобы он не отвлекался на пустяки и спокойно продолжал лежать и ничего не делать. Получается, своего рода круговорот истины в природе. Я бы, пожалуй, так назвала весь этот процесс.

И это, кстати, является одной из причин, почему так много людей мечтают стать гениями.

Отчуждение — тоже неплохое слово, хотя и сомнительного происхождения. В нем запечатлен процесс, как человек постепенно становится чужим для окружающих.

Отдаляться от людей, испытывать неприязнь, вызывать недоумение, ловить на себе косые взгляды, ощущать глубину падения, чувствовать усталость, замыкаться в себе, быть холодным и равнодушным... Что может быть лучше? Все обrazy и понятия, указывающие на путь к одиночеству, прекрасны!

Ницше писал, что Бог умер. Прошло уже больше ста лет, а в храмах по-прежнему полно прихожан.

Еще одно свидетельство того, что обыватели совершенно не следят за актуальными течениями в литературе и философии.

Сологуб взял себе фамилию, как у графа, а Белый и вообще, можно сказать, примкнул к контрреволюционному движению задолго до 17-го года. Уже только это указывает на аристократические вкусы и утонченные манеры декадентов.

А вот большевики, судя по именам, которые они себе выбирали, испытывали особое тяготение к металлам: Свердлов и Сталин — первое, что приходит в голову, когда о них

думаешь. При этом всякие благородные и редкие разновидности типа золота и платины их не прельщали, а выше всего, похоже, они ставили в такого рода используемых в строительстве и на производстве материалах прочность и способность переносить высокие нагрузки. Трудно это сейчас уже проверить, но мне кажется, что если бы они были ближе к органической природе и называли себя, скажем, в честь кроликов, зайцев, мышек и других каких-нибудь шустрых и сообразительных грызунов, то русская история последнего столетия сложилась бы несколько иначе.

Впрочем, насколько я помню, коммунисты были скорее деревянными, чем металлическими. У меня почему-то осталось такое ощущение. И это, в сущности, не так и плохо, особенно если сравнить их с теми, кто сейчас пришел им на смену. Внешне они как бы полностью друг другу идентичны, как такие одинаковые на вид куколки в похожих платицах и штанишках, но если по дереву постучать, например, то оно издает достаточно приятный звук и даже слегка успокаивает. Все относительно, в конце концов...

Что касается меня, то я, пожалуй, предпочитаю камни. Не знаю даже, нашло ли это где-нибудь отражение в моих книгах, но мне всегда нравились всякие бриллианты, александриты, сапфиры, изумруды, да и полудрагоценные минералы типа аметиста, янтаря и бирюзы. То есть твердость, конечно, важна, но и красота тоже. И потом, камни в большей степени формируются под воздействием окружающей природы и атмосферных явлений, а вмешательство человека, в отличие от тех же металлов, тут минимально. И это делает их более редкими и непонятными.

На выставке Явленского в Михайловском замке одна смотрительница указала другой на меня пальцем и сказала: «Это иностранка!». Отчетливо слышала ее замечание, но, видимо, они решили, что по-русски я не понимаю...

Так и есть, в сущности. Где бы я ни была, везде чувствую себя чужеродным существом. И вот постепенно данный факт обрел настолько зримые очертания, что бросается в глаза окружающим. Или же самым наблюдательным из них, по крайней мере. У музейных работников, вынужденных целыми днями следить за посетителями, наметанный глаз как-никак. Ничего удивительного. Скрытое стало явным! В искусстве это еще называется «единством формы и содержания».

У нобелевского лауреата, французского писателя Альбера Камю имеется повесть «Посторонний». Не хочется сейчас вдаваться в детали, но уже из ее названия видно, что она про меня. А чувства, которые у меня вызывают люди, лучше всего, соответственно, описаны в произведении «Тошнота». Его автор, как несложно догадаться, тоже иностранец.

Вот так посмотришь, идей у людей особых нет, стиля – тоже, но что-то общее все же имеется. И что же их тогда объединяет? Дискурс. Здорово кто-то придумал! Я бы сама, наверное, никогда не догадалась, а просто считала, что вижу какие-то жалкие кучки.

Забрела вчера вечером на улицу Блока. Никогда там раньше не была. Крайне странное место: обшарпанные фабричные заборы и несколько заброшенных с грязно-желтой осыпающейся штукатуркой жилых домов, да и длиной она метров сто пятьдесят, по-моему, максимум двести. Попав туда, я сначала подумала, что очутилась в тупике, но в самом конце все же обнаружился поворот налево. Уточнила потом, что до тридцатых годов эта улица называлась Заводской и даже Рабочим переулком. Что ей, безусловно, куда больше подходит.

Блок, конечно, жил там неподалеку, но его вклад в дело революции был несоизмеримо значительней такой вот жалкой подачки, какой его потом удостоили советские власти в виде этой задрипанной улочки. Фактически все школьники в то время зачитывались его стихами, а когда видели, что их любимый поэт в решающий момент поддержал простых людей, тоже сразу проникались к ним сочувствием. Без него десять Маяковских с Эйзенштейнами большевикам бы не помогли. Они и сами об этом постоянно трындели, декламировали его поэму «Двенадцать» чуть ли не каждый день по радио, не реже, чем своего обожаемого Пушкина. То есть, по крайней мере, где-то на животном уровне что-то чувствовали. И такая неблагодарность! Хотя Пушкин для их революции, по сути, вообще ни фига не сделал. Или же Грибоедов, которому они отвели целый большой канал? Что они такого важного нашли для себя в его пьесе? Горе от ума никому из революционеров в жизни уж точно никогда не грозило. Однако им, видимо, было приятно считать, будто все их проблемы от избытка интеллекта, и хотелось, чтобы туристы,

приезжавшие в Ленинград из других городов, тоже так думали. А ведь квартира Блока находилась на углу Пряжки и Офицерской – казалось бы: хочешь речку переименовывай, или же вполне приличную и длинную улицу в историческом центре города. Удивительно! Лучше бы тогда не позорились и совсем ничего не меняли, а оставили все, как было. Музей есть, мемориальная доска висит, и ладно, приличия более-менее соблюдены...

Помню, Гиппиус в своем дневнике язвительно писала, что хорошо бы Блоку всех этих двенадцать матросов и солдат, которых он воспел, к нему в кабинет, где он свою поэму сочинял, потом и подселили. Она, разумеется, совершенно не врубалась в масштаб происходящих тогда событий, но в определенном смысле оказалась права. В результате с Блоком подобным образом и поступили.

Когда имеешь дело с обывателями, к такому всегда и нужно готовиться. Ничего другого от них ждать не придется! Как только они видят, что какой-нибудь гений на их стороне, то сразу решают, что он уже никуда не денется и будет их просто так на халяву обслуживать, и, заметив вдалеке известного преуспевающего типа, вроде Пушкина, вприпрыжку скачут за ним, стараясь ему всячески угодить и как-то с ним рядом засветиться. Хотя тому на них глубоко плевать, и он и так всем доволен, сыт и в них абсолютно не нуждается. Тот же Ленин, в частности, постоянно восхищался «Евгением Онегиным», а Маяковского, который потратил столько сил и энергии на затеянную им революцию, как будто и вовсе не замечал. В этом как раз больше всего и сказались его подлая мещанская натура!

По многу раз в течение дня натываюсь на слово «офшор», и не первый год уже, но так и не поняла до сих пор, что оно значит. Сегодня поймала себя на такой мысли. Просто читаешь, как кто-то перевел бабки в офшор, допустим, и сразу переходишь к следующим новостям. Офшор — это такая зона, переместившись в которую, деньги исчезают из поля моего зрения, судя по всему. Касса, гонорар, кредит, сдача, кошелек — это все более-менее понятно. Но дальнейшая их судьба меня абсолютно не волнует. Неудивительно, что они постоянно у меня куда-то улетучиваются.

Вот если бы в офшор совершали паломничество буддийские монахи. Или же там родился Заратустра. Аргонавты обнаружили его вместо золотого руна. Сюрреалисты бы соз-

давали тексты в состоянии офшора... Тогда бы я, наверняка, знала, что это такое. Можно по пальцам пересчитать случаи, когда мне попадалось на глаза слово «симулякр», например, но я прекрасно осведомлена о его значении.

Так что я и без помощи психоаналитика способна разобратся. Все дело тут в моей высокой духовности и пренебрежении грубыми материальными ценностями.

Сегодня людям уже не надо уметь умножать, так как для этого имеются калькуляторы. И грамматические ошибки тоже компьютер исправляет сам. Да и грузить себе голову лишними знаниями нет необходимости. Общаешься с кем-нибудь в чате, заводишь речь о Гегеле, и в ответ твой собеседник говорит, типа у меня тут чайник закипел, а сам наводит справки в гугле и буквально через пару минут сообщает, что, да, действительно, идеи правят миром, он с этим полностью согласен...

А потом в новостях читаешь, как маньяки мочат баб, которые познакомились с ними в сети. И меня это нисколько не удивляет. Если человек знает слово «дискурс», предположим, то это сильно расслабляет и настраивает на лирический лад.

В новостях пишут, что в США отбирают участников предстоящего полета на Марс. И почему это известие навевает на меня такую скуку? Ведь это же так интересно — покорять далекие планеты. С какой стороны ни посмотри, не придерешься.

Обывателей вообще невозможно ни на чем поймать, они всегда действуют наверняка. Даже когда прыгают на дот и спасают утопающих.

Ученые опровергли прежние понятия о черных дырах... А для меня так они как были этакими огромными темными пятнами где-то там в космосе, так ими и остались. Интересно, сколько еще нужно вложить бабок в новые исследования и какое количество людей к ним привлечь, чтобы поколебать мои представления о них?

Чем больше появляется таких новостей, тем сильнее я ощущаю свое превосходство над научными работниками. Порой чувствую себя прямо огромным столетним дубом в

окружении жалких травинок и кустиков, которые начинают трепыхаться и пригибаются к земле от малейших дуновений легкого ветерка.

Лотреамон умирает в безвестности и нищете. Однако сочиненную им поэму впоследствии переводят на основные мировые языки и издают огромными тиражами. А какой-нибудь debil, наоборот, достигает максимального успеха при жизни и публикует бестселлер, который вскоре после его смерти никто не помнит. У читателей же часто возникает иллюзия, будто знакомство именно с творчеством Лотреамона способно сделать их успешными и знаменитыми. Тогда как тот, у кого реально можно было бы поучиться достижениям благополучия, вызывает у них снисходительную улыбку.

Особенно это касается гениев, которые подобно младенцам, не отличающим день от ночи, постоянно путают временной отрезок, отпущенный им для земного существования, с вечностью.

122

У красоты, на самом деле, есть вполне полезные для жизни свойства. Она полностью скрывает объект и делает его практически неуязвимым. Создавая нечто прекрасное, писатель, к примеру, как бы окружает себя невидимой броней. Каждый, кто попытается поставить под сомнение его творение, будет выступать еще и против красоты, а не просто расположенных в том или ином порядке слов и конкретного индивида. Чем более напряженную жизнь ведет человек, тем сильнее он заботится об эстетике. И это касается всех сфер жизни, не только искусства.

Уродство — одно из свидетельств расслабленного и лишенного каких-либо серьезных целей обывательского бытия.

Возможно, это звучит несколько дико, но сложнее всего в жизни ни во что особенно не углубляться, ничего толком не знать и не воспринимать всерьез. Несмотря на все испытания и соблазны, оставаться легкомысленной и поверхностной...

Этот мир по своему устройению больше всего напоминает мне болото. Стоит только сделать шаг в сторону, остановиться и чересчур долго на чем-либо задержать свое внимание, как ты рискуешь навсегда там увязнуть.

Ленин делил человечество на материалистов и идеалистов. А для меня люди различаются по отношению к еде. Одним нужно попробовать вино или же мед, чтобы потом можно было использовать их образы для выражения своих мыслей и чувств. Тогда как советские писатели, например, занимались литературой, чтобы хорошо питаться.

И получается, что у кого-то, когда они говорят или пишут, метафоры и сравнения точные и осмысленные, поскольку основаны на личном опыте. А другие порождают пустые слова и демонстрируют, если так можно выразиться, абсолютно чистую и возвышенную духовность. К числу последних, безусловно, относится и вождь мирового пролетариата.

Заглянула сегодня в словарь, чтобы уточнить, наконец, для себя, кто такой Спиноза. А то уже пару раз про него писала, но так до сих пор и не поняла, кто это. Оказывается, это был философ, который считал, что у всего на свете имеются причины. И жил он уже довольно давно. Леня снова смотреть, но, по-моему, чуть ли не в 17-м веке...

Забавно все-таки в его время был устроен мир. Сейчас вот полно вокруг явлений, у которых вообще нет никаких причин. Причем не каких-нибудь мелких и едва уловимых, а таких, что сразу бросаются в глаза. Октябрьская революция, например. Это первое, что пришло мне на ум, когда я об этом подумала. Мало того, ее творцы и их последователи потратили потом кучу бабок и сил, чтобы вбить всем в голову мысль, будто она была неизбежна и вытекала из всего хода истории человечества, начиная со Спартака и даже раньше. С этой целью они создали огромную сеть исследовательских институтов и выпустили уйму посвященных данной теме научных трудов. Не говоря уже о фильмах и других художественных произведениях. Из чего видно, что люди и сами прекрасно понимали, что тут что-то не так, присутствует какое-то несоответствие Спинозе, если они его, конечно, читали. Или даже они просто чувствовали неуверенность из-за того, что такое важное для них событие, как революция, возникло из ничего, и им хотелось, чтобы все выглядело более солидно... В любом случае они своим поведением этот факт лишний раз подтвердили и сделали очевидным даже для тех, кто в нем сомневался.

И получается, что на свете не только есть явления, появившиеся безо всяких причин, но бывают еще и такие, которые сами становятся причиной появления причин их появления. Как это, в частности, и произошло в случае с той же революцией. Если бы Спиноза жил в наши дни, он бы, мне кажется, запарился с этим разбираться. Даже когда пытаешься вслух сформулировать подобное умозаключение, и то можно язык сломать.

Вот почему я стараюсь не забивать себе голову логикой и другими архаичными способами обоснования своей точки зрения на те или иные происшествия и факты вокруг. Практически ни у одного из них уже давно нет ни причин, ни следствий. Некоторые сами становятся причиной появления причин, а если покопаться, то, наверняка, можно обнаружить и следствия, появившиеся в результате исчезновения следствий. Так что все эти приемы, типа «из А следует Б», я считаю, безнадежно устарели и совершенно не подходят для понимания того, с чем человеку приходится сталкиваться в наши дни. Мир сейчас слишком усложнился по сравнению с временами, когда жили Спиноза, Сократ и другие простачки, считавшие себя мудрецами.

124

В ночных клубах работают гардеробщики, охранники, билетеры, уборщицы, осветители, бармены... И вдруг из этой череды обслуживающего персонала вычленяется некий субъект, занимающийся заменой пластинок в проигрывателе, и объявляет, что он это делает не просто так, а является диджеем и тут самый главный. Типа его деятельность имеет чуть ли не сакральный смысл. После чего его зарплата резко подсккакивает, и он начинает грести бабки лопатой, продолжая все так же переставлять пластинки и не прикладывая для этого никаких дополнительных усилий. Не перестаю удивляться человеческой предприимчивости!

И самое главное, что это не в одном каком-то месте произошло. А буквально во всех точках планеты можно наблюдать аналогичные случаи. Эти диджеи будто сговорились и одновременно, как тараканы, повыскакивали из всех углов. Почувствовали, что это их шанс и такой момент упускать нельзя. В отличие от тех же пролетариев, которых и так призывали объединиться и этак, чтобы совместными усилиями сбросить себя рабские оковы и раскрепоститься. Но они так и остались у конвейеров и в шахтах скромно трудиться за гроши.

Ужин при свечах. Одно из самых жутких мероприятий, по-моему. Запрещенный во многих странах «Голый завтрак» Берроуза — это просто детский лепет по сравнению с романом с таким названием. Как я его себе представляю, во всяком случае, если такой вдруг пока не написан. И самое главное, даже не знаю почему. Что тут плохого? Свечи, серебряные вилки, полумрак, такая доверительная спокойная обстановка, из колонок доносится негромкая классическая музыка... Ничего страшного, в сущности. Вполне можно организовывать и участвовать. Но все равно лучше никому об этом не говорить. Звучит ужасно.

Все демонстрации, парады, факельные шествия и крепкие ходы меркнут на фоне ужина при свечах!

Порой даже мне начинает казаться, что в полетах в космос имеется и своя положительная сторона. В какие-то минуты слабости, что ли. Еще бы, космический аппарат отдалается не только от людей, но и сама Земля в иллюминаторе становится все меньше и меньше... Проблема в том, что одновременно он обязательно приближается к какому-нибудь Марсу или, там, Юпитеру. Что поначалу совсем не заметно и со стороны создается впечатление, будто находящийся внутри индивид реально мчится в пустоту. Навстречу неизвестности, так сказать. Однако именно это обстоятельство и делает космонавтов, если так можно выразиться, вдвойне дебилами. Человек как бы на тебя полностью похож, занимается точно тем же, и в то же время является твоей противоположностью. Как его еще иначе назвать, чтобы подчеркнуть, насколько он от тебя далек?

Не знаю, рассматривали ли физики и астрономы подобные явления. Но я бы назвала такую ситуацию проявлением глобальной, не побоюсь этого слова, вселенской омонимии. К примеру, одно время, проходя по соседней с моим домом улице, я постоянно видела на противоположной стороне вывеску «Золотой замок». И в самый первый раз, помню, мне пришло в голову, что речь идет о каком-то сказочном или даже реальном строении, созданном эксцентричным средневековым феодалом, вроде Жилия де Рэ. Но после, чуть внимательней приглядевшись, я поняла, что вывеска украшает витрину, где расставлены ботинки, женские сапоги и сумки. Так что, скорее всего, имелся в виду замок с ударением на последнем слого, то есть застежка. Хотя полной уверенности

у меня все же не было. Чисто теоретически замок с акцентом на первом слоге тоже мог подразумеваться. Может, владелец мечтает о таком. Или же для него он является символом богатства и благополучия. Почему нет? Вскоре, впрочем, этот магазин закрылся, и я так и не прояснила для себя, как он в действительности назывался. Примерно я догадываюсь, но какая-то, пусть и мизерная, вероятность, что речь идет о величественном сооружении из драгоценного металла, перебиваемом в солнечных лучах на горной вершине, все равно остается. Смешно, но чтобы все встало на свои места, мне и надо-то было всего лишь раз услышать, как это слово произносится: с ударением на «а» или на «о». Но этого, увы, не случилось.

Вот и я, думаю, приблизительно так же отличаюсь от космонавтов, как замок Людвига Баварского от приспособления для закрытия чемодана. Не меньше! Однако большинство людей вокруг в силу стечения множества абсурдных и случайных обстоятельств, которые я частично тут описала, совершенно не врубается, какая между нами на самом деле лежит пропасть. И пребывают в искреннем убеждении, будто эти олигофрены в скафандрах заняты чем-то похожим, а, может быть, даже и более важным и грандиозным, чем я. Мало того, многие из них, скорее всего, так и покинут этот мир, не разобравшись в такой, казалось бы, совсем несложной ситуации.

Мне, в принципе, тоже нравится Северная Корея. Но не в том смысле, а в качестве образа. Чтобы подчеркнуть свое одиночество и враждебность окружающему миру, ее вполне можно использовать. Во всех гениях, если подумать, есть что-то от Северной Кореи. Но обывателям этого не понять.

Проблема тут в том, мне кажется, что сам объект, стоящий за этим названием, еще не исчез и своим присутствием мешает им оперировать, отвлекая от сути и добавляя к его звучанию всякие ненужные идеологические и политические оттенки. Стоит открыть рот, как тебе уже предлагают туда поехать... Я бы сравнила такую ситуацию с недостаточно выдержанным вином. Но как только данное государственное образование улетучится, став достоянием прошлого, метафора полностью очистится и будет готова к употреблению.

Истощаются не только природные запасы, но и слова, которые постепенно утрачивают всякий смысл и становятся все более легковесными и жалкими. «Бог», «любовь», «страдания», «нравственность», «вера», «надежда», «мудрость», «одухотворенность», «вдохновение»... это уже даже не бабочки или лепестки, а так, какая-то шелуха, пыль и опилки. Книг я не читаю, но когда случайно натыкаешься на высказывания и рассуждения современных литераторов, практически всегда возникает ощущение, будто ты видишь перед собой бомжей, копошащихся в куче фантиков и скорлупок. Малейшее дуновение ветерка, и весь этот ворох поднимется на воздух и исчезнет в ближайшей подворотне...

Просто, сидя за письменным столом, предположим, большинство людей обычно совершенно не задумываются, что та же лампочка, горящая у них над головой, использует энергию бурлящей речной воды, горящего торфа из болот или дров, в которые превратились сосны и березы. Да пусть это даже будут атомы и руда в реакторе, все равно в момент распада они наносят определенный урон окружающему ландшафту. А в наши дни мало кто, водя рукой по бумаге, чувствует ответственность перед рыбами, зайцами, птицами и другими обитателями лесов и водоемов за то, что ради его писанины был нарушен их покой и благополучное существование. И теперь он тоже обязан хотя бы частично компенсировать затраченную на него энергию, создав из слов более-менее осмысленные фразы, подзарядив их таким образом от собственной головы, прежде чем снова запустить в оборот в виде книг.

Порой мне кажется, что только я одна во всем мире это и понимаю. А все остальные писатели полностью утратили связь с природой и больше не чувствуют себя участниками единого процесса, когда вода испаряется, превращается в облака и снова возвращается на землю в форме дождя. Но если постоянно только потреблять, ничего не отдавая взамен, то ресурсы оскудевают. За словами, правда, так явно нельзя проследить, где именно они улечиваются, куда поднимаются или опускаются, чтобы потом восполнить утраченные значения и смыслы. Вот люди этим и пользуются, полагая, что их действий никто не замечает. Но когда они выдают шелуху и отбросы, вместо мыслей и возвышенных чувств, то это все равно бросается в глаза.

Купила себе сегодня огромную чугунную сковородку для блинов. Давно собиралась, а тут как раз со скидкой – видимо, уже к Масленице.

Забавно, что коммунисты, несмотря на свой материализм, считали отказ от обожествления огня, воды и других природных стихий важнейшим шагом человечества по пути прогресса. В школьных учебниках истории, насколько я помню, древние греки изображались добродушными, но недалекими дурачками, а римляне и вовсе были представлены отморозками, проводившими свою жизнь в разнузданных оргиях и созерцании кровавых схваток гладиаторов. И все потому, что никто из них не догадался, что существует единый для всех людей Бог. В этом отношении они даже мало отличались от обитателей Западной Европы и Америки, которые тогда тоже рисовались извивающимися в пещерных плясках дикарями, все еще не усвоившими величайшего откровения Маркса о классовой борьбе...

Вероятно, советские идеологи исходили из того, что один уже меньше, чем несколько, то есть ближе к нулю, и поэтому сдвиг в человеческом сознании в таком направлении приближает людей к атеизму. Иначе этот феномен объяснить невозможно.

Я думаю, что поэту достаточно написать хотя бы одно красивое стихотворение, предположим, чтобы потом на всю жизнь возненавидеть человечество. Почти наверняка ведь его произведение никто не заметит. Со временем, возможно, и появятся какие-то ценители, но и то, скорее, под влиянием уже совершенно других причин, связанных с получением автором крупного наследства или еще каких посторонних обстоятельств. Может, его Нобелевской премией вдруг наградят, и все тоже сразу начнут вокруг него скакать, ну и т.п. А еще Уайльд в свое время сказал про тех, кто не понимает прекрасное, что они являются «испорченными людьми, и при этом испорченность не делает их привлекательными». Так и есть.

По этой причине человеколюбие и доброта, свойственные тому или иному писателю, всегда являются свидетельством его бездарности. Можно даже не углубляться в его книги, а догадаться от обратного, так сказать. Или видишь, к примеру, как человек рад встрече со своими знакомыми, кидается к ним, улыбается, обнимает их, значит, ничего

значительного в эстетическом плане он тоже никогда не создавал, поэтому люди и кажутся ему такими привлекательными. Пусть это даже происходит где-то на улице, и ты наблюдаешь за абсолютно незнакомыми тебе личностями.

У зайцев, например, такой удачный окрас шкуры, что зимой на снегу их крайне сложно заметить рыскающим по лесу голодным волкам. А простота так называемых «простых людей» сразу бросается в глаза. Причем не где-нибудь на научных конференциях или в филармонии, а даже на улице и в общественном транспорте. И все из-за того, что их угораздило родиться именно в России. Здесь на протяжении нескольких столетий успели сложиться достаточно сложные обычаи и культурная традиция, на фоне которых они выглядят совершенно инородными существами, типа инопланетян. Что делает их крайне уязвимыми и беспомощными перед лицом разного рода хищников в человеческом обличии. С этой точки зрения им можно только посочувствовать.

Понятие «стиль» обычно принято употреблять главным образом в применении к литературе, живописи, музыке и архитектуре. Поэтому, когда философы и историки, к примеру, рассуждая о прошлом, чаще всего говорят именно о стилях разных эпох, то таким образом они уже невольно признают определяющую роль искусства для судеб человечества, которую с дистанции времени хорошо видно. Вблизи же большинство людей, я заметила, испытывают чуть ли не священный трепет перед политиками, а о поэтах и художниках склонны отзываться с легким пренебрежением. Даже излагая свои впечатления о художественных произведениях и творческой манере их создателей, они прибегают к терминам типа «раскрутка», «имидж», «проект», позаимствованным из лексикона журналистов и политологов, озабоченных популярностью и успешным продвижением в органы государственной власти кандидатов от разного рода партий и общественных организаций.

Почему так происходит? Я думаю, что многим людям просто приятно считать, будто нечто жалкое и беспомощное, то есть во всем подобное им самим, имеет в этой жизни хоть какое-то значение и способно на что-то влиять. Такие мысли их утешают. Поэтому они и предпочитают ни о чем всерьез не задумываться, а живут, если так можно выразиться, в

полном отрыве от суровой действительности, погружившись в мечты и пребывая в мире иллюзий.

Религия учит, что любой бомж, несмотря на свой непрезентабельный внешний вид, имеет неплохие шансы очутиться в раю.

А я, даже когда общаюсь в магазине с продавцом или кондуктором в троллейбусе, всегда помню, что у них в столе вполне может быть припрятана рукопись романа. И чисто теоретически каждый из них в один прекрасный момент способен стать лауреатом Нобелевской премии.

С этой точки зрения литература придает человеческому существованию дополнительную перспективу и глубину ничуть не в меньшей степени, чем вера в загробную жизнь. И меня, например, и вовсе только это обстоятельство заставляет держаться с окружающими несколько менее высокомерно. Мало того, бывает, в переходе метро или на улице натыкаешься на какого-нибудь прислонившегося к стенке дегенерата с протянутой рукой и вдруг отчетливо осознаешь, что подобный тип с капающей изо рта слюной на маркиза де Сада или хотя бы Захер-Мазоха не тянет, поэтому ему в перспективе ничего особо интересного, кроме вечного блаженства, не светит. И тогда рука невольно тянется к кошельку, чтобы дать такому несчастному немного бабок и как-то сгладить его безвыходное положение.

Никого не интересует сегодня, что Тургенев ездил в карете, а Достоевский на извозчике. Так и миллиард, который сейчас делит Петросян со своей женой, для потомков не будет иметь особого значения. Когда они будут оценивать его вклад в мировую культуру по сравнению со мной, я хочу сказать.

МММ, гербалайф, всевозможные программы похудения, куча бабок, вложенных сразу в несколько бесследно исчезнувших банков, Кашпировский, холодильник, забитый бутылками заряженной Чумаком воды, эта, как его, дианетика... Нет, казалось бы, такой сомнительной авантюры, в какой моя мамаша за последние четверть века не поучаствовала. И ничего. Позвонила ей вчера, чтобы заехать в гости. «Ты что, с ума сошла? Сейчас же выборы!» Она по-прежнему

бодра, полна энергии и с оптимизмом смотрит в будущее России.

А я вот пессимистка. Типа Шопенгауэра, только круче.

Даже если просто в заголовке новостей промелькнет слово «кот», например, я всегда внимательно читаю, о чем речь. И самое главное, обычно сочувствуешь всему, что с героями таких сообщений происходит, так, будто речь идет о твоих родственниках или близких знакомых. А когда упоминаются крокодилы, макаки, саранча или, там, пингвины, это уже не так важно. Пусть кого-то из них и занесли в Красную книгу, но меня это не особенно волнует.

Так и с людьми. Про декадентов, помню, я еще в школе буквально по крупицам собирала практически любую информацию. Все детали и факты их биографии меня интересовали. А ветеранов, блокадников, коммунистов, ударников труда, колхозников, космонавтов, да и ученых тоже, пожалуй, я вообще всегда старалась не замечать. Как на уровне слов, так и в жизни.

Мысленно пролистала сегодня утром свои книги и пришла к выводу, что на метафорическом уровне я живу в мире, где все еще возводят неприступные замки и бродят одинокие рыцари. Еще одна близкая мне аналогия — мореплавание. Удивительно, но и тут я перемещаюсь по бескрайним океанским просторам на паруснике, целиком полагаясь исключительно на случайные порывы ветра. Плюс, то и дело натыкаюсь на неведомые мне ранее острова, полностью заселенные дикарями, которые никогда про таких, как я, ничего не слышали и не знают моего языка. Таким даунам можно запросто предложить какую-нибудь разукрашенную стеклянную безделушку, и они с радостью обменяют ее на увесистый слиток золота...

Непонятно только: указывает подобное расхождение метафизического и физического пространства на то, что я безнадежно отстала от современной цивилизации? Или же, наоборот, я являюсь предвестницей Нового Средневековья, о неизбежном наступлении которого сейчас так часто приходится слышать?

Когда собака принесет мячик или палочку, то все прямо счастливы. Гладят ее по спине и угощают печеньем. А мартышки, я сама видела, спички умеют зажигать, но на них практически никто не обращает внимания.

Люди думают, что если они сами не бегают на четвереньках и не носят в зубах деревяшки, то это нечто удивительное, уникальное и неповторимое, заслуживающее восхищения. А когда обезьяна достает из коробка ту же палочку и чиркает ею о коробок, то это ей сделать легко, и типа так каждый может. Это ж надо быть такими дебилами!

Пишут, что ученые обнаружили твердый свет... И что, теперь дома будут возводить прямо из пустоты, строительные материалы станут не нужны? Света же до фига вокруг. Только ночью его количество уменьшается, но в Петербурге, к примеру, в мае и в начале лета с ним и после заката солнца особых проблем нет. Представляю, сколько фирм обанкротится, и толпы рабочих окажутся на улице. Подъемные краны тоже только в портах останутся, и производство бульдозеров придется сократить. Свет же очень легкий, типа воздуха, которым даже шарики надувают. Неизвестно, правда, как в таких зданиях со звукоизоляцией и насколько там будет тепло. В крайнем случае свет можно в мебели промышленности использовать или пустить на дорожные покрытия. Применение ему наверняка найдется. Много еще будет зависеть от его твердости. Если он как алмаз, то тут открываются достаточно большие перспективы, а если вроде снега или льда — тогда совсем другое дело. Но все равно это довольно важное открытие, мне кажется.

Хотелось бы его как-нибудь потрогать, конечно. Но не знаю, удастся ли. Кто знает, когда еще его начнут добывать, и не вреден ли он в твердом виде. Может, это вообще что-то вроде тяжелой воды, и его придется хранить в бетонных бункерах под землей, подальше от людей.

Проснувшись сегодня утром, представила, что живу во времена Людвига Баварского. Он бы, наверняка, давал мне бабки. Ницше написал бы про меня исследование размером с книгу Сартра про Жене. Вагнер ставил бы по моему либретто оперы в Большом театре. Ну, а недовольные граждане, что особенно приятно, выходили бы на демонстрации и оди-

ночные пикеты протестовать против подобной несправедливости...

Нет, я понимаю, конечно, что время — это, как река, в которую невозможно войти дважды. И все вокруг, типа, течет и меняется. Но не до такой же степени, в самом деле. Должна же быть хоть какая-то преемственность

«Капитал» или «Рождение трагедии из духа музыки». Пролетарии или сверхчеловек. Воля к власти или прибавочная стоимость... Выбор во всех вышеперечисленных альтернативах, по-моему, совершенно очевиден. Мало того, каждый человек вроде бы способен самостоятельно определить, что ему предпочесть. Кого назвать из важных мыслителей прошлого в качестве оказавших на него влияние. В какой графе соответствующей анкеты нарисовать галочку. Чьи книги у себя дома на книжной полке поставить на видное место. Никто ведь никого в этом плане особенно не принуждает. И все равно у Маркса во всем мире до фига поклонников. Это просто не укладывается у меня в голове!

Притом что есть ведь еще «Толкование сновидений» и «По ту сторону принципа удовольствия». Как запасной вариант, я хочу сказать. Если кого-то Ницше вдруг уж совсем не устраивает. Хотя само слово «фрейдист» мне лично не особенно нравится. Но можно же говорить, что ты психоаналитик, к примеру. Вполне изящно и ненавязчиво звучит, я считаю, сразу понятно, что речь идет о в высшей степени утонченном, неординарном и в то же время достаточно скромном индивиде (особенно по сравнению с ницшеанцами), который старается избегать чрезмерного внимания публики и предпочитает одиночество. Всяко лучше, чем марксист!

Проходя по Фонтанке возле Летнего сада, наблюдала сейчас двух бомжей. Они, как мне сначала показалось, стояли на мостике с удочками. Но нет, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что в руках они держали достаточно толстые потемневшие от грязи веревки, концы которых действительно почему-то спускались в воду. Сначала я не поняла, для чего. А потом до меня дошло. Как раз там ведь над водой расположена знаменитая фигурка чижика-пыжика, и на нее, я слышала, туристы и гости нашего города пытаются забросить денежки. На счастье, так сказать. Чья монетка останется на прикрепленном к гранитной плите набережной

постаменте, тому повезет. Ну и эти двое, соответственно, при помощи ведерок, консервных банок или еще каких сосудов на веревках заняты, видимо, тем, что выуживают их со дна. Можно взять удочку и ловить рыбу непосредственно из воды. А можно вытаскивать из нее бабки, и потом уже сходить в магазин и купить себе ту же корюшку, предположим. Это же элементарно! Как я сразу не догадалась! В этом, в сущности, и заключается главное отличие натурального хозяйства от товарно-денежных отношений.

С этой точки зрения, фотография двух этих типов с веревками могла бы даже служить отличной иллюстрацией перехода от первобытнообщинного строя к цивилизованному обществу, если поместить ее в учебник истории для средней школы, например. Плюс, еще всякие предрассудки и суеверия, наивное поклонение человечества потусторонним силам и языческим божкам, типа чижики-пыжика, прежде чем оно пришло к истинной вере в единого для всех Бога... На моих глазах, можно сказать, вершилась настоящая мистерия глобального масштаба, а прохожие просто шли мимо и, судя по безразличному выражению их лиц, абсолютно не замечали, что у них прямо перед носом происходят настолько важные события. Большинство из них вообще даже не смотрели в эту сторону.

Все, как обычно, короче. Даже если бы перед ними тут по воде проществовал сам Иисус Христос, они бы и то, думаю, не обратили на него никакого внимания. И меня это совершенно не удивляет. Люди тупы и не интересуются ничем, кроме жратвы. Я давно уже это поняла.

Всю ночь мучили кошмары. Просто вчера не выспалась, и ужасы, что мне привиделись, как я давно заметила, являются признаком глубокого сна. Зато сегодня чувствую себя прекрасно.

У людей прошлых веков были красивые кареты, они танцевали при свечах на балах в роскошных нарядах, и вообще масса преимуществ. Но в чем-то им можно только посочувствовать: они боялись привидений, ходили за советом к гадалкам и колдунам, и даже собственные сны их пугали. Тратили уйму сил и времени впустую, короче. А могли бы просто получать от жизни удовольствие и не забивать себе голову чепухой. Сосредоточиться на чем-нибудь более интересном и важном, во всяком случае. Тогда, возможно, они оставили бы после себя больше заслуживающих внимания

романов и стихов. А то мне сейчас стало совсем нечего читать.

Поэт пару строчек напишет, а следующие две просто подгоняет к ним в рифму и по размеру. Можно расслабиться и отдохнуть. Если же это верлибры, тогда предложения сходу быстренько мешаются в кучу безо всяких знаков препинания и прописных букв. Думать и вовсе не надо...

На стихи, что ли, тоже перейти? В последнее время довольно часто ловлю себя на такой мысли. Просто надоело ломать голову над каждой фразой и запятой. Я уж не говорю о том, что в поэтических сборниках слов на странице обычно кот наплакал, и сами они совсем тоненькие. Тогда как в заявках на гранты у их авторов, если смотреть чисто по названиям, книг почти всегда набирается не меньше, чем у тебя. Ну, а тем, кто заседает в различных комиссиях, вообще до лампочки, что за ними стоит: роман размером с «Войну и мир» или брошюрка в бумажном переплете. Особенно если это иностранцы. Поэтому во всех этих домах писателей и резиденциях, я давно уже обратила внимание, вокруг всегда пасутся практически одни поэты. И чем комфортнее там условия и больше выделяется бабок на проживание, тем сильнее бросается в глаза подобный перекосяк.

С этой точки зрения, что бы там Фет субъективно не имел в виду, но, по сути, он совершенно правильно когда-то написал про Тютчева: мол, его «книжка небольшая томов премногих тяжелей». Тот ведь тоже занял абсолютно непропорциональное своему реальному вкладу место в истории русской литературы по сравнению с тем же Толстым хотя бы. Представляю, как тому было бы обидно, если бы он мог окинуть взглядом сложившийся ныне расклад. Такой же случай фактически. Плюс, мои произведения обычно и по количеству в них всяких мыслей, красивых метафор, глубоких чувств и точных наблюдений на несколько порядков превосходят все эти, мягко говоря, «небольшие книжки». И вот тебя приглашают в пансионат для литераторов, предположим, ты туда приезжаешь, отказываться же глупо. Там тебя кормят, вокруг горы, поля, озера, часто даже море неподалеку. Все было бы замечательно, единственное, целыми днями рядом с тобой мельтешат многочисленные авторы поэтических сборников, которые объемом даже меньше, чем у Тютчева. Про содержание я вообще молчу. Постоянно приходится на них натекаться, здороваться, видеть их физио-

номии, не только слушать их болтовню, а самой время от времени поддерживать с ними беседу. А вокруг и так всюду полно мошкеры и комаров, особенно если это летний сезон. Что в совокупности, безусловно, сильно мешает сосредоточиться на собственном творчестве и погрузиться в созерцание окружающей природы. А с учетом того, с кем мне постоянно приходится общаться дома, в родном городе, то хотелось бы, конечно, немного отвлечься иногда...

Если бы я в свое время стала поэтессой, то моя жизнь, мне кажется, была бы теперь куда легче и приятней. Представляю себя порой в таком качестве. И люди, возможно, меня меньше бы раздражали. Но сейчас, боюсь, смена амплуа мне уже вряд ли поможет. Слишком поздно я спохватилась.

Интересная, кстати, акция с этим милиционером, которого недавно пронесли в московском метро. Вполне тянет на премию Кандинского, на мой взгляд, если такая еще существует, конечно.

Ты сразу видишь, что человек имеет большой вес в обществе, находится под защитой закона, а сам достаточно щуплый и практически, как пушинка, если попробовать на мгновение отстраниться и посмотреть на него с точки зрения природы. Причем, такой прием, наглядно продемонстрированный всего на одном индивиде, по сути, является универсальным и позволяет совершенно по-новому взглянуть на множество привычных явлений и ситуаций фактически на всем Земном шаре. Какие-то личности, допустим, в Африке поклоняются культу вуду и имеют сакральный статус среди соплеменников. Никто не смеет про них плохо говорить, за это любого могут строжайшим образом наказать, подвергнуть проклятиям или даже зажарить на костре, принести в жертву умершим предкам. Между тем они из себя вообще ничего не представляют, но уже не по комплекции, а с точки зрения Вечности: не отличаются особыми способностями и не приносят совершенно никакой пользы людям. Или даже лауреаты Нобелевской премии по литературе. Звания и соответствующий диплом у них имеются, а произведения, когда на нихмотришь непредвзятым взглядом, чаще всего тоже оказываются откровенным фуфлом...

Странно только, что в новостях имя этого неизвестного гения, совершившего, я считаю, настоящий прорыв в со-

временном искусстве, не называется. Мне, во всяком случае, оно не попадалось. Но ничего, в культуре полно примеров, когда писатели и художники так и запечатлелись в памяти потомков под случайными обозначениями, типа Аноним, Мистер Х или даже Никто. Вот и в данном случае пусть это будет просто некий Молодой москвич. Все равно человечество его уже никогда не забудет. Уже сейчас понятно, что своим высокохудожественным поступком он диаметрально повернул ход всей мировой истории. И если сто лет назад философы и искусствоведы сокрушались об упадке, к которому пришли люди, или же, образно выражаясь, активно обсуждали закат Европы, то теперь, мне кажется, можно уже потихоньку начинать говорить о ее восходе. Какой-то свет определенно вдали забрезжил.

Стихотворение может быть посвящено гуманному отношению к пенсионерам и детям, и вообще являться очень, очень, очень добрым. Но плохим. Однако стоит тебе сказать об этом его автору, как он, скорее всего, обидится, заявит, что ты совсем не любишь людей, и обвинит тебя в безответственности. Не исключено, кстати, что этим дело не кончится. И он начнет и так к тебе докучать и этак, а когда ты захочешь от него избавиться и выйдешь на улицу, например, он и там за тобой погонится. Мало того, такой тип способен затаить злобу и где-нибудь месяц спустя или даже через год подстеречь тебя ночью с кирпичом...

Еще одна причина, из-за которой я не люблю добро.

Все в жизни подчиняется строгим законам жанра. Грабители нападают на инкассаторов, полицейские их ловят, прокуроры обвиняют, а адвокаты, защищают...

С этой точки зрения, порой бывает достаточно сложно определить, кто раздражает сильнее: автор детектива, чересчур углубившийся в психологию своих персонажей и философские рассуждения, или гений, взявшийся за сочинение триллера, пусть даже и из лучших побуждений, желая поправить свое пошатнувшееся финансовое положение и помочь больной маме.

Именно по этой причине, видимо, в потоке абсурдных и совершенно диких новостей, на которые сегодня каждый день приходится наткнуться практически любому индивиду, самое отталкивающее впечатление на меня производят

кривляющиеся дипломаты. Убийства, насилия, грабежи и катастрофы меркнут на фоне какого-нибудь незначительного официального заявления, сделанного в легкомысленной, игривой, непосредственной или же хамской манере. Когда я про них читаю, то не могу избавиться от ощущения, что такие факты потрясают основы этого мира гораздо хуже всех бомб и землетрясений вместе взятых.

Пошла вчера в Дом кино и где-то минут на десять опоздала к началу сеанса. Поднялась на последний этаж, а там перед входом в зал ни билетерши, никого. Захожу, усаживаюсь на свободное место, а тут как раз и рекламные ролики закончились, которые меня ужасно раздражают. Получилось, что я к самому началу фильма успела. Вот как все удачно вышло! Бывает же такое везение. Представляю, как мне было бы обидно, если бы я купила билет. Другое дело, что я и так, как член СК, бесплатно могу там проходить. Вот это обстоятельство, конечно, сильно все смазывает и не позволяет по-настоящему насладиться моментом. Хотя, если подумать, иначе бы я вряд ли стала заранее что-то подобное готовить и просчитывать, дожидаться, пока билетерша отойдет, чтобы сразу незаметно проскользнуть в дверь. Для этого бы мне, вероятно, пришлось несколько раз предварительно туда сходить и понаблюдать, в каком режиме там контролеры работают, когда примерно покидают свой пост, может быть, даже записать видео, чтобы дома еще раз все проанализировать. Уж слишком как-то сложно ради экономии трехсот рублей. Я бы вообще, наверное, подниматься на лифте куда не стала, а сразу, как все, тупо отдала бабки в кассу. Иной вариант мне, скорее всего, даже в голову бы не пришел.

Никогда о таком почему-то раньше не задумывалась. И только теперь поняла, что, если пробраться на ту же выставку в музей, допустим, без билета, то можно получить гораздо больше удовольствия от созерцания вывешенных там картин. Примелькавшиеся импрессионисты, кубисты, экспрессионисты, абстракционисты, Пикассо, Ван Гог, Мане, Моне, Эль Греко, Гойя, Кандинский, Дали, Петров-Водкин, а, может быть, даже и Репин с Айвазовским заиграют новыми красками. «Мишки в сосновом бору» за деньги — это одно, а на халяву — уже совсем другое! Вот и этот фильм, кстати, на который я таким необычным способом попала, оказался так себе, довольно средним, но определенное удовлетворение от

его просмотра я все равно получила. Ощущения, что я совсем даром потеряла время, у меня, во всяком случае, не осталось.

Сколько раз я ходила в оперу, но пока так толком и не врубилась, о каком рождении трагедии и из какой именно музыки говорил Ницше. А теперь, я точно знаю, у меня есть шанс это наконец постичь. Если тщательно все заранее спланировать и проникнуть на первый ряд партера, предварительно нейтрализовав того, кто собирался там расположиться. Типа выслеживаешь какого-нибудь заядлого театрала, выясняешь, где он обычно сидит, а потом подходишь к нему перед началом спектакля, интересуешься лишним билетиком, он поворачивается, а ты ему газовым баллончиком в лицо — раз, и готово! Его бумажник у тебя в кармане, можно идти слушать «Золото Рейна». В принципе, если у него в кошельке, помимо билета, заваляются еще и доллары, то тоже неплохо. Пригодятся на приобретение антикварного издания «По ту сторону добра и зла»...

И самое главное, только сейчас до меня дошло, почему я так часто натываюсь на возмущенные отклики читателей на свои книги. Складывается впечатление, будто какая-то важная часть мозга у них вообще отключена, что ли. И поэтому они совершенно не различают нюансов и оттенков смысла, не замечают юмора и не видят красоты. А все дело в том, что эти дауны приобретают мои произведения в магазине на деньги из своей зарплаты! Или же, что еще хуже, банально скачивают их в Сети. Вот если бы кто-то из них незаметно от продавцов позаимствовал их с прилавка — тогда, не сомневаюсь, они читали бы меня совсем другими глазами. Исключительно такие избранники способны по-настоящему оценить глубину моих мыслей и тонкость чувств!

В основе всего в этом мире лежит что-то недодуманное. Смешно, но многие называют это тайной. Типа простым смертным такого понять не дано, даже не пытайтесь.

И пока ты размышляешь о том, для чего люди рифмуют слова, например, наиболее плодovитые и непосредственные авторы поэтических сборников получают Нобелевские премии.

Холод меня всегда притягивал, и само это слово такое волнующее и красивое. Однако перспектива отправиться в

Антарктиду меня никогда не прельщала. Даже не знаю... Видимо, мне нравится какой-то другой холод, не имеющий отношения к окружающей действительности.

В реальности вообще есть что-то будничное, серое и однообразное. Как и в прозаиках, которые ее описывают. Писатели-реалисты — это даже хуже, чем полярники, мне кажется. И читатели их произведений точно такие же. Подобное тянется к подобному, как говорится. Ты произносишь «холод», допустим, а они, вместо того чтобы обрадоваться и взбодриться, сходу начинают поеживаться или предлагают тебе поехать на зимовку в зону вечной мерзлоты. Жуть! И в очарование болезни, смерти и покойников они тоже не врубаются. Дауны, что с них взять!

Забавно, но приключения Коко Шанель, самоубийство Маккуина или трагическая гибель Версаче меня до сих пор волнуют не меньше, чем судьбы самых ярких звезд литературы. О Хуго Боссе я даже не говорю. И с участниками всевозможных показов от кутюр у меня, на мой взгляд, больше общего, чем с завсегдатаями литературных чтений и поэтических вечеров, от которых я всегда чисто инстинктивно старалась держаться на расстоянии. Иногда я даже думаю, что, если бы Всевышний явился людям не в нищенских лохмотьях, а в качестве выдающегося законодателя мод, мне было бы гораздо легче пополнить ряды верующих.

И это неудивительно, если подумать. Для моделей, дефилирующих по подиуму, главным является одежда, тогда как их плечи, руки и туловище представляют из себя не более, чем вешалку, и должны быть такими, чтобы никому не бросаться в глаза и не портить впечатление от накинутых на них сверху нарядов. Для чего им необходимо соблюдать строгую диету и поддерживать себя в форме, иначе многие платья, юбки и пиджаки на них могут еще и элементарно не налезть.

Вот и слова в книгах, я считаю, точно так же, как и одежда, должны в первую очередь скрывать их автора. При чем это касается не только лишних подробностей личной жизни, но и мыслей и эмоций. Любовь, скажем, это уже нечто настолько неприличное, что граничит с порнографией. И даже если писателю ежедневно на ум приходит несколько десятков гениальных идей — на страницы его произведений могут попадать не больше одной-двух из них, и то, жела-

тельно, не особенно важных, чтобы не отвлекать внимание читателей от эффектных слов и красивых фраз!

Аналитики предсказали «случайную» ядерную мировую войну... Я бы не удивилась. Ученые обычно так погружены в свои мысли, что бывают крайне невнимательны к деталям. И запросто способны нажать не на ту кнопку. Что, в частности, уже было описано в известной поэме «Человек рассеянный». Примерно так и будет выглядеть Апокалипсис. Сегодня это произведение, думаю, даже можно считать не менее пророческим, чем тот же «Закат Европы».

Многие поэты, особенно авторы текстов песен, порождают гладкие стихи практически по любому поводу. Типа как мне грустно, жизнь коротка, а за окном светит солнце... Так и у большинства философов имеются симметричные логически выстроенные рассуждения о добре, зле, Боге, бытии и сознании. Тоже своего рода графомания, на мой взгляд.

Никогда не могла понять, почему Платон предлагал изгнать из государства именно поэтов. По-моему, это несправедливо.

Напишешь, я заметила, про дурачков, и сразу появляются личности с комментариями, типа сама дура. Выскажешь про уродов, тут же тебе сообщат, что и ты такая. Затронешь тему графомании – та же картина. И везде обязательно кто-нибудь вспомнит Мурку. Надеясь, что никогда про меня ничего не слышал, и я не так знаменита, как героиня популярной в народе песни, чтобы высказываться на столь важные и доступные пониманию исключительно мыслителей мирового масштаба темы...

Вот из-за таких дебилов, мне кажется, жизнь и стала теперь похожа на плохие стихи с предсказуемыми рифмами. И когда я на них натываюсь, у меня невольно возникает ощущение, будто я спустилась на самое дно глубокого кратера, что ли. И там наблюдаю, как вокруг медленно начинают скапливаться такие серовато-белые испарения, которые потом поднимаются вверх, струятся в виде дыма к облакам и под воздействием ветра рассеиваются в пространстве, постепенно обволакивая окрестные поля, леса и селения. Так, в

сущности, зарождается все уродство этого мира! И ты как бы очутилась в такой точке земной поверхности, где этот процесс как раз и совершается.

С одной стороны, это не очень приятно. Вдыхать все эти струящиеся вокруг тебя миазмы с привкусом аммиака, сероводорода и других не особенно полезных для здоровья газов. Но в то же время, смысл искусства в том ведь и заключается, чтобы максимально приблизиться к самым истокам человеческого бытия. Что в данном случае и происходит. Тот же Новалис, к примеру, был горным инженером и в своих произведениях тоже достаточно много внимания уделял изучению разного рода пещер и прочим геологическим изысканиям. Я уж не говорю о Гельдерлине, исследованию творчества которого посвящена одна из моих книг. Немецкие романтики всегда были мне достаточно близки. Поэтому, думаю, я и достигла такой глубины в познании окружающей действительности.

«Отважная собака напугала льва и опозорила его перед самкой». Прочитала сейчас такой заголовок в новостях и пошла по ссылке посмотреть видео. А там лев пятится и отворачивается от насакивающего на него пса, благородно стараясь случайно не покалечить заведомо более слабого противника... Удивительно, но люди готовы поверить в самые дикие и невероятные явления и факты, вплоть до нашествия инопланетян и воскрешения мертвецов, но заметить нечто прекрасное и возвышенное, даже если это происходит у них непосредственно перед носом, они не в состоянии. Лев испугался собаки. Надо же, это ведь так смешно и, самое главное, так необычно!

Вот поэтому сатирики и собирают полные залы, а гении умирают в одиночестве и нищете.

Люди прыгают в прорубь, а подразумевают, что делают нечто совсем другое. В литературе это, кажется, называется символизмом. Блок, к примеру, в юности выпустил сборник стихов о Прекрасной Даме, а потом на протяжении всей жизни мучительно и долго шел к реализму. Так писали в советских учебниках, во всяком случае. Читает кто-нибудь «Все жду я Прекрасной Дамы», допустим, и думает, что юный поэт ожидает прихода своей возлюбленной или, там, визита важной великосветской покровительницы. Ну, если

он не защищал диссертаций по этому течению в искусстве и не в курсе, что автор на самом деле имел в виду.

А вот в стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека» все более-менее понятно и рядовым читателям, а не только литературоведам. Человеку просто скучно и все остопиздело. Правда, советские критики все равно вкладывали в заключительные слова этого стихотворения «все будет так, исхода нет» несколько иной смысл — столь безрадостное существование люди влачили исключительно в условиях капитализма, и автор просто не догадывался, что скоро жизнь изменится в лучшую сторону. И тем самым они фактически признавали, что помимо обычной реальности, к осознанию которой приблизился поэт, отрекшись от своих юношеских заблуждений и иллюзий, имеется еще и некая новая сверхреальность, творцами которой являются уже они сами. Ее приближение Блок, несмотря на все свои способности и хорошо развитую интуицию, толком почувствовать не сумел, не смог представить, как преобразится мир вокруг, когда люди станут добрыми и отзывчивыми, стоит им только сделать небольшое усилие над собой. А специалиста, который мог бы ему что-то подсказать, в тот момент рядом с ним не оказалось...

Вот и я, когда смотрела вчера на кучкующихся возле Невы личностей, как они выстроились в длинную очередь и подпрыгивают на снегу в одних плавках и купальниках, строя от нетерпения окунуться в ледяную воду, невольно поймала себя на мысли, какой долгий и мучительный путь им всем предстоит пройти, чтобы осознать, чем они сейчас занимаются. Стать реалистами, если так можно выразиться. И понять, что погружение зимой в холодную воду без специальной подготовки довольно рискованное для здоровья занятие. Плюс, раскрасневшиеся на морозе бесформенные тела, как у большинства из них, со стороны выглядят вовсе не так привлекательно, как им, вероятно, в данный момент субъективно представляется. От этой иллюзии им тоже не мешало бы в перспективе избавиться...

И когда, наконец, они все это прочувствуют и как следует осмыслят, тогда, возможно, они облачатся в длинные шелковые платья с бантами и кружевами, расшитые золотом камзолы и белые напудренные парики, которые скроют от посторонних глаз их морщинистую дряблую кожу, обвисшие животы, складки жира на боках, покрытые перхотью грязные волосы и лысины. И наступит Новое Барокко, а может быть, даже и Рококо. Очень хочется в это верить, по крайней мере.

Стоит кошке открыть лапкой дверцу шкафчика с едой или прибежать, если ее позовут по имени, как все начинают восхищаться ее сообразительностью. И когда на тв-шоу выясняется, что какой-нибудь депутат даже не читал, а просто слышал про Рембо, предположим, то зрители тоже бывают буквально потрясены его эрудицией и умом.

Такое впечатление, что люди считают политиков кем-то вроде котов. Никогда этого не понимала! Но только этим и можно объяснить их высокие рейтинги и популярность в массах.

В последнее время научилась очень ловко просачиваться во всякого рода щели в заборах и зазоры между рекламным щитом и стеной, к примеру. Сегодня, пока шла из магазина, три раза удалось удачно проскочить между столбом и оградой, причем даже с зонтиком. Ничего не могу с собой поделаться! Как увижу какую подходящую дыру, так и тянет в нее пролезть...

Просто если влачишь такое бессмысленное существование, как я, хочется, видимо, найти какую-то цель в жизни, чтобы хотя бы от мелочей получать удовлетворение. Психолог-аналитик наверняка поставил бы мне такой диагноз. Вот раньше люди строили коммунизм, и я не помню, чтобы кто-то куда-нибудь протискивался или через что-либо перелезал. У секретарей парткомов, во всяком случае, точно были очень серьезные и сосредоточенные лица. Верующие, опять-таки, соблюдают посты, стоят в очередях к мощам и посещают крестный ход. А мне чем заняться?

По сути, все эти копошащиеся в оркестровой яме музыканты со смычками в трясущихся руках, которыми они сосредоточенно водят по струнам, тщательно стараясь извлечь каждую нарисованную в партитуре нотку, ничем не отличаются от депутатов Государственной Думы, разогнанной матросом Железняком. Невозможно сегодня избавиться от такого ощущения, когда попадаешь в оперный театр или же филармонию. Поэтому я и перестала туда ходить в какой-то момент. Искусство не должно быть таким жалким. Разве что Вагнера сейчас и можно еще слушать живую.

Вчера поздно вечером на даче впервые отчетливо разглядела Большую Медведицу. Действительно похоже на огромный ковш. Много раз слышала об этом, но, как говорится, лучше один раз увидеть... А когда-то очень давно какие-нибудь папуасы или индейцы наверняка считали звезды крошечными огоньками, сверкающими у них над головой. И искренне верили, будто слоны и бегемоты гораздо крупнее.

Время идет. Но для меня, в сущности, ничего не изменилось. Я по-прежнему живу в окружении точно таких же даунов, если подумать. Чем больше ты над ними возвышаешься, тем ничтожнее им кажешься по сравнению с теми, кто находится примерно на том же уровне развития, что и они. Поневоле начинаешь чувствовать себя звездой.

Маяковский считал себя голосом «безъязыкой улицы». В смысле выражал настроения пролетариев, бомжей, нищих, проституток, беспризорников и прочих малограмотных субъектов, которые сами не имели возможности публиковать стихи. Ему подобные личности, видимо, были как-то особенно близки.

А я, даже не знаю... Униженные и оскорбленные представители социального дна мне совершенно неинтересны. Вид валяющегося у помойного бачка алкоголика не пробуждает в моей душе никаких особых эмоций. Но когда я гляжу на какой-нибудь стебелек, например, пробившийся сквозь трещину в асфальте, то такое зрелище меня трогает. Если подумать, то и в своих книгах я всегда стремилась передать, что чувствуют цветы. Причем не все, а исключительно те, что выросли на камнях. В этом, вероятно, и заключается мое предназначение.

Существуют же радиоприемники, настроенные на волны высоких частот, какие другая техника не улавливает. Вот и мое безразличие к человеческим страданиям является результатом способности воспринимать некие не совсем обычные и ускользающие от внимания большинства людей вещи.

**Санкт-Петербург,
январь 2017– декабрь 2018**

extremum

Ален де Бенуа ***Краткая история идеи прогресса*⁴³**

Идея прогресса является одной из теоретических предпосылок Модерна. Не без причины ее часто называют «подлинной религией западной цивилизации». Исторически эта идея была сформулирована приблизительно в 1680г. в ходе спора «ревнителей древности» и «современников», в котором участвовали Террассон, Перро, аббат де Сен-Пьер и Фонтенель. Она уточнялась по инициативе следующего поколения, к которому принадлежали Тюрго, Кондорсе и Луи-Себастьян Мерсье.

Прогресс можно определить как процесс, проходящий через этапы, последний из которых по времени рассматривается как наилучший и предпочтительный, т.е. качественно превосходящий предыдущие. Такое понимание включает в себя как описательный аспект (изменение происходит в заданном направлении), так и аксиологический (развитие понимается как улучшение). Таким образом, здесь говорится об ориентированном изменении, ориентированном к лучшему. Об изменении одновременно необходимым (нельзя остановить прогресс) и необратимом (не существует возможности возврата к прошлому). Улучшение неизбежно, а значит завтра будет лучше, чем сегодня.

Теоретики прогресса делятся, исходя из отношения к его направлению, ритму и природе сопровождающих его изменений, а также к его главным действующим лицам. Тем не менее все они согласны с тремя ключевыми идеями: 1) линейная концепция времени и идея о том, что история имеет смысл, устремленный в будущее; 2) идея фундаментального единства человечества, эволюционирующего в одном и том же направлении; 3) идея о том, что мир может и должен

⁴³ Глава из книги «Против либерализма. К четвертой политической теории» (Амфора, 2009).

Перевод с французского Александра Кузнецова.

быть трансформирован, подразумевающая, что человек является полноправным хозяином природы.

Эти три идеи обязаны своим появлением христианству. Начиная с XVII в., с расцветом науки и техники, они переформулируются в светском ключе.

Для древних греков реальна только вечность. Аутентичное бытие неподвижно: циклическое движение, подразумевающее вечное возвращение одного и того же, является наиболее совершенным выражением божественного. Если и существуют спады и подъемы, прогресс и упадок, то только внутри одного цикла, который неизбежно будет сменен другим (теория чередования веков у Гесиода, возвращения золотого века у Вергилия). С другой стороны, предопределенность идет из прошлого, а не из будущего. Термин архэ отсылает нас одновременно к истоку («архаика») и к авторитету («архонт», «монарх»).

В Библии история становится объективным феноменом, динамикой прогресса, который ведет в мессианской перспективе к наступлению нового мира. Книга Бытия наделяет человека миссией «господствовать на Земле». Темпоральность является тем вектором, благодаря которому наилучшее последовательно раскрывает себя в мире. Одновременно событие играет спасительную роль: Бог открывает себя исторически. С другой стороны, темпоральность направлена к будущему: от Творения ко Второму Пришествию, от Райского Сада к Страшному Суду. Золотой век уже находится не в прошлом, но в конце времен: история закончится и закончится благополучно, по крайней мере, для избранных.

Такая линейная темпоральность исключает всякое вечное возвращение, всякую смену циклов, которая имеет своим прообразом смену времен года. Начиная с Адама и Евы, священная история спасения подразумевает исключение всякого упоминания о вечности, проходит через неповторяющуюся стадию древнего Завета, и в христианской версии находит свою кульминацию в Воплощении Спасителя. Блаженный Августин был первым, кто применил библейскую концепцию к всемирной истории человечества, заявив, что она развивается к лучшему от века к веку. Теория прогресса секуляризовала эту концепцию истории, в результате чего появились все историцизмы Модерна. Главным различием между этими концепциями является то, что будущее в светской версии заняло место потустороннего, а спасение было заменено счастьем. В христианстве прогресс мыслится скорее эсхатологически, чем исторически в полном смысле

этого слова. Человек должен искать свое спасение здесь, внизу, не теряя, однако, из виду горнего мира. Кроме того признается превосходство божественного плана. Наконец, христианство, как и стоицизм, проклинает ненасытное желание, и говорит о том, что мудрость заключается не в умножении желаний, но в их ограничении. Однако, согласно Апокалипсису, Страшному Суду будет предшествовать благодатное тысячелетнее царство. Это видение мира вызвало к жизни учение Иоахима Флорского, секуляризовавшего теории Августина.

Для того, чтобы прийти к своей современной формулировке, теория прогресса нуждалась в дополнительных элементах. Таковые появились уже в эпоху Ренессанса, но получили расцвет в XVII столетии.

Бурное развитие науки и техники вкупе с открытием Нового Света породили иллюзию существования бесконечного поля для улучшения жизни. Фрэнсис Бэкон был первым, кто использовал слово «прогресс» во временном, а не в пространственном значении. Он утверждал, что человеку предназначено господствовать над природой, познавая ее законы. Декарт также предлагал людям стать господами и хозяевами природы. Последняя, записанная на «математическом языке» Галилея, становится отныне мертвой и бездушной. Космос сам по себе уже не является носителем смысла. Он теперь не более, чем механизм, который надо разобрать, чтобы инструментализировать и лучше использовать. Мир становится чистым объектом для человека-субъекта. Человек усваивает убеждение в том, что благодаря всесильному раску он может быть самодостаточным.

Космос древних уступает место современному космосу — гомогенному, геометрическому и (быть может) бесконечному, управляемому причинно-следственными связями. Модель, наиболее близкая этой механической модели — это модель часов. Время тоже становится гомогенным, измеряемым. Это «время торговцев», замещающее «время крестьян» (Жак ле Гофф). Новый научный дух выковывает техническую ментальность. Основной задачей техники является аккумуляция полезности, т.е. помогать в производстве полезных вещей.

Существует очевидное совпадение между этим научным оптимизмом и устремлениями класса буржуазии утвердиться на национальных рынках, создание которых идет рука об руку с созданием централизованных королевств. Буржуазное мировоззрение рассматривает в качестве «реальных» только

исчисляемые вещи, т.е. рыночные ценности. Позже Жорж Сорель назовет теорию прогресса «буржуазной доктриной».

В XVIII в. классические экономисты (Адам Смит, Бернар Мандевилль, Дэвид Хьюм) в свою очередь реабилитировали ненасытное желание: по их выкладкам, нужды человека способны непрерывно увеличиваться. По их мнению в природе человека всегда желать большего и действовать соответственно, непрерывно изыскивая свой интерес. Будучи связанными с оптимизмом, эти воззрения сделали относительной тематику первородного греха или постарались стереть память о ней.

Новые умы особенно подчеркивали накопительный характер современного знания. Выводом из этого становится необходимость существования прогресса: чем больше будет всего, тем лучше будут идти дела. Хороший разум «состоит из всех, которые ему предшествовали», что подчеркивает превосходство современных людей. В Средневековье Бернар из Клерво говорил: «Мы — карлики, стоящие на плечах у гигантов». А вот в Новое время авторитета древних уже не стало. Напротив, Традиция стала рассматриваться как препятствие на пути марша рассудка. Сравнение прошлого с настоящим, всегда в пользу последнего помогло раскрыть движение к будущему. Само это движение стало трактоваться в повелительном наклонении: прогресс, рассматривавшийся ранее как цель движения, стал отныне распознаваться как принцип эволюции.

Другой идеей, уже сформулированной Августином, является идея о едином человечестве, которое постепенно избавляется от «детства» первых веков, чтобы войти во взрослый возраст. Тюрго говорит о «роде человеческом, рассмотренном с самых своих истоков...который в глазах философа, несмотря на всю свою необъятность, имеет и свое детство и свое взросление». Механизм здесь уступает место организационной метафоре, но это парадоксальный организмизм, поскольку он не имеет представления ни о старости, ни о смерти. Эта идея коллективного организма, становящегося все более «взрослым», положила начало современной идее развития, понимаемого как безграничный рост. В восемнадцатом столетии это привело к определенному презрению к детству, которое шло рука об руку с презрением к началу и к происхождению, понимавшимся как низшие состояния.

Понятие «прогресса» подразумевает также идолатрию нового: всякое новшество априори лучше только, исходя из его новизны. Данная жажда нового, которое позициониро-

валось как синоним лучшего, стала одной из тяжелых маний современности. В искусстве она привела к появлению авангарда, имеющего свои аналоги в политике.

Теория прогресса обладает всеми своими составляющими. Тюрго в 1750 г., а затем Кондорсе выразили ее в следующей формуле: «Вся совокупность рода человеческого постоянно идет к все большему совершенству». История человечества отныне трактуется как нечто формально и актуально единое. От христианства здесь остается идея о будущем совершенстве человечества и о том, что оно движется к единой цели. При этом отброшена роль Провидения, место которого заступает человеческий рассудок. Универсализм отныне основывается на предпосылке «единое и целое в каждом», игнорирующей все контексты, сметающей все частные различия.

Параллельно человек позиционируется в теории прогресса не только как существо с неутолимыми желаниями и нуждами, но и как существо совершенствуемое до безграничности. Новая антропология рассматривает человека изначально как чистый лист бумаги, как комок мягкой и податливой глины, или наделяется абстрактной «природой», совершенно оторванной от конкретных условий его существования. Человеческое разнообразие, индивидуальное или коллективное, рассматривается как несущественное и свободно трансформируемое образованием или средой. Понятие искусственного становится центральным и является синонимом рафинированной культуры. Человек может достичь человечности, только преодолев природу, от которой надо освободиться, чтобы стать «цивилизованным».

Таким образом, человечество должно освободиться от всего, что создает препятствия на его пути к прогрессу: от «предрассудков», «суеверий» и «груза прошлого». Отсюда косвенно вытекает оправдание террора: если необходимой целью человечества является прогресс, то тот, кто стоит преградой на его пути, должен быть подавлен; тот, кто противится прогрессу человечества может быть с полным правом исключен из его рядов и объявлен «врагом народа» (отсюда сложности в примирении двух кантовских тезисов о равном достоинстве людей и прогрессе человечества). Тоталитарные режимы Модерна (советский коммунизм, национал-социализм) вывели из этого идею «лишних людей», одно лишь существование которых мешает наступлению «прекрасного нового мира».

Такое отрицание природы и прошлого часто представляли как отказ от детерминизма. В действительности же детерминация прошлым просто сменилась детерминацией будущим, поиском «смысла истории».

Присущий теории прогресса оптимизм распространился на все сферы, на человека и общество. Царство разума должно было распространиться на общество, «прозрачное» и умиротворенное. «Приятная коммерция» (Монтескье), считавшаяся желанной для всех слоев общества, должна была заменить конфликт (прогрессисты наивно считали, что возможно построить бесконфликтное общество) торговым обменом. Аббат де Сен-Пьер еще до Канта выступил с проектом «вечного мира», жестко раскритикованным Руссо. Кондорсе призывал рационально усовершенствовать язык и орфографию. Мораль должна была стать чем-то вроде науки. Система образования должна была отучить детей от всех «предрассудков», которые понимались как источник всякого социального зла, и научить их действовать только с помощью разума.

Движение человечества к счастью было проинтерпретировано и как достижение морального совершенства. Люди Просвещения считали само собой разумеющимся, что в будущем разум усовершенствуется, и человечество станет морально лучше. Прогресс уже не считался чем-то внешним по отношению к существованию. Он должен был трансформировать человека. Прогресс, достигнутый в одной области, неизбежно должен был перекинуться на остальные. Материальный прогресс должен был повлечь за собой прогресс моральный.

В политическом плане теория прогресса исполнена духом отрицания политики. Взгляд теоретиков прогресса на Государство крайне амбивалентен. С одной стороны, Государство нарушало автономию экономики, считавшейся преимущественной сферой «свободы» и рационального действия. Уильям Годвин говорил, что правительства по своей природе создают препятствия на пути человека вперед. С другой стороны, в контрактualистской теории Гоббса, Государство позволяло человеку преодолевать противоречия, вытекающие из его «природного состояния». Таким образом, государство считалось одновременно двигателем прогресса и его препятствием.

Наиболее распространенной является идея о том, что политика сама должна стать рациональной. Политическое действие должно перестать быть искусством, управляемым

принципом мудрости и стать наукой, управляемой принципом разума. В просвещенческой картине мира общество выглядело как механизм, а люди — как его винтики. Оно должно управляться по принципам, столь же неизбежным как и научные принципы физики. Монарх рассматривался как механик, в обязанности которого входило развивать «социальную физику» к «наибольшей общественной пользе». Эта концепция послужила причиной появления технократии и административно-управленческого понимания политики у Сен-Симона и Огюста Конта.

Рассматривая прогресс, очень важно знать, является ли он бесконечным или останавливается на какой-либо финальной стадии, которая станет либо абсолютной и последней новизной, либо восстановлением прошлого совершенного состояния: гегелевский синтез, бесклассовое общество Маркса, «конец истории» Фрэнсиса Фукуямы и т.д. Можно также задаться вопросом, познаваема ли финальная цель истории (если она существует). В какую сторону разворачивается прогресс или он разворачивается только на самого себя?

Здесь либералы имеют обыкновение полагать прогресс в качестве бесконечного улучшения человеческого состояния, в то время как социалисты думают, что у прогресса есть счастливый определенный конец. В этом втором отношении смешиваются прогрессизм и утопизм: поступательное движение должно привести к стационарному состоянию, история движется лишь для того, чтобы яснее обрисовать свою цель. Первое направление претендует на то, чтобы быть более реалистичным. Но так ли это? С одной стороны, если человек движется к совершенству, которое должен реализовать, то не наступит ли день, когда совершенствование прекратится? С другой стороны, если у прогресса нет познаваемой цели, то как оценить является ли последующая стадия развития общества прогрессом по отношению к предыдущей?

Другой вопрос: является ли прогресс безличной, неконтролируемой силой или люди могут вмешиваться в него, чтобы ускорить его поступательное движение или отбросить то, что ему мешает? Является ли прогресс постоянным и непрерывным или подразумевает качественные скачки и разрывы? Можно ли вмешавшись в прогресс улучшить его ход или таким образом есть риск, напротив, его замедлить? В этом аспекте либералы, сторонники «невидимой руки» также от-

личаются от социалистов, кажущихся волюнтаристами и революционерами.

Теория прогресса достигает своего апогея на Западе в XIX веке. Она переформулируется в новую эпоху, отмеченную промышленной модернизацией, научным позитивизмом, эволюционизмом и большими историческими теориями.

Теперь акцент смещается более на науку, нежели на разум в философском понимании этого слова. Надежда вызывает теперь вокруг научной организации общества. Наука является отныне матрицей всех феноменов. Это тема, к которой постоянно возвращаются Фурье со своими фаланстерами, Сен-Симон со своими технократическими принципами, Огюст Конт со своим «Катехизисом позитивизма» и «религией прогресса».

Термины «прогресс» и «цивилизация» становятся почти синонимами. Кстати, это служит обоснованием колонизации, которая необходима для того, чтобы повсюду распространить блага цивилизации.

Понятие прогресса было переформулировано в свете дарвиновского эволюционизма. Эволюция живого существа также была интерпретирована как прогресс (особенно Гербертом Спенсером, считавшим прогресс эволюцией от простого к сложному, от гомогенного к гетерогенному). Итак, условия прогресса ощутимо изменились. Механицизм Просвещения теперь стал сочетаться с биологическим органицизмом, в то время как апология пацифизма уступила место воспеванию «борьбы за жизнь». Прогресс теперь становится селекцией наиболее «способных» («лучших») в перспективе конкуренции. Такая интерпретация устраивает западный империализм: цивилизация Запада самая лучшая, потому что она наиболее развитая.

Это было максимальным размахом социального эволюционизма. История человечества была разделена на последовательные «стадии», соответствовавшие различным этапам прогресса. Распределение различных культур в пространстве было экстраполировано на время: «примитивные» общества должны были служить западным людям примерами их собственного прошлого («современные предки»), в то время как Запад представлял их будущее. Кондорсе уже разделял историю общества на десять последовательных этапов. Гегель, Огюст Конт, Карл Маркс, Фрейд и т.д. предлагали похожие схемы. Например, от «верований» к науке, от «теологического» этапа к этапу позитивной науки, от «примитивной» или

«магической» ментальности к ментальности «цивилизованной».

Эта теория, сопряженная с научным позитивизмом, которая затрагивает в первую очередь антропологию, и питает иллюзию о том, что можно расположить культуры на ценностной шкале, породила расизм. Последний рассматривает традиционные цивилизации либо как определенно низшие, либо как «запаздывающие в развитии». «Цивилизаторская миссия» колониальных держав состоит в том, чтобы преодолеть это опоздание. Расизм же полагает, что существует универсальный критерий, всеобъемлющая парадигма, позволяющая выстроить иерархию культур и народов. Он прямо связан с универсализмом прогресса, скрывающим неосознанный или замаскированный этноцентризм.

Мы не будем обсуждать здесь ни критику идеи прогресса, разворачивающуюся в эпоху Модерна, начиная с Руссо, ни противопоставленные теории прогресса многочисленные доктрины упадка или декаданса. Отметим только, что последние часто (но далеко не всегда) представляют собой негативных двойников, зеркальные отражения идеи прогресса. Идея необходимого движения в истории сохраняется, но в обратной перспективе: история воспринимается не как постоянное развитие, но как неумолимый регресс. Фактически, учения об упадке или декадансе еще менее объективны, чем прогрессизм.

На протяжении как минимум двадцати лет не перестают появляться работы, разоблачающие «иллюзию о прогрессе». Некоторые авторы даже объявили прогресс «мертвой идеей» (Уильям Пфафф). Действительность, однако, имеет гораздо больше нюансов. Сегодня теория прогресса ставится под вопрос, но несомненно, что она выживет в различных формах.

Тоталитарные режимы 20 века и две мировые войны подорвали оптимизм двух предшествующих веков. Утрата иллюзий и крушение революционных надежд привели к идее о том, что современное общество, каким бы бессмысленным и безнадежным оно не казалось, является единственно возможным. Общественная жизнь все больше воспринимается в оптике фатализма. Грядущее, которое становится все более непрогнозируемым, вызывает больше тревог, нежели надежд. Углубление кризиса кажется более вероятным, чем «светлое будущее».

Идея прогресса дала серьезную трещину. Никто уже больше не верит в то, что материальный прогресс делает че-

ловека лучше, а прогресс, достигнутый в одной области, автоматически перекидывается на другие. В «обществе риска» (Ульрих Бек) прогресс проявляет себя амбивалентно. Уже признается, что за те преимущества, которые он дает, приходится платить дорогой ценой. Дикая урбанизация породила многие социальные патологии, а промышленная модернизация вызвала беспрецедентную деградацию естественной жизни. Массивное разрушение окружающей среды дало начало многочисленным экологическим движениям. Они были первыми, кто усомнился в однозначности прогресса. Безграничное развитие технической науки поставило вопрос о своих целях. Прогресс наук уже не воспринимается как нечто, приносящее человечеству безусловное благо. Само знание, как видно из дебатов, которые были вызваны появлением биотехнологий, воспринимается как источник угроз. Все более и более широкие слои населения понимают, что оно не является синонимом лучшего. Они начинают проводить различие между «иметь» и «быть», между материальным благополучием и счастьем в собственном смысле этого слова.

И все же тематика прогресса продолжает оставаться привлекательной, по крайней мере, в символическом плане. Политический класс продолжает призывать к «прогрессивным силам» против «людей прошлого» и обличать «средневековый обскурантизм». В общественном дискурсе слово «прогресс» сохраняет положительный резонанс.

Ориентация в будущее также остается доминирующей. Даже если ближайшее будущее воспринимается как источник угроз, с далеким будущим связываются надежды на лучшее. Культ новизны, обретший новую опору в виде технологий и смены мод, диктуемой масс-медиа, сегодня сильнее, чем когда-либо. Многие продолжают верить и в то, что человек тем свободнее, чем более он избавился от своих биологических характеристик и исторической обусловленности. По-прежнему правит бал индивидуализм, опирающийся на плохо замаскированный западный этноцентризм и идеологию прав человека. Сейчас он выражается в разрушении семьи, упразднении социальных связей и дискредитации традиционных обществ стран Третьего мира, где индивиды все еще сохраняют солидарность в рамках своей общины.

Однако, прежде всего, идеология прогресса остается представленной в своей продуктивистской версии. Она подпитывается идеей о том, что бесконечный рост является нормальным и желательным, о том, что лучшее будущее обязательно наступит благодаря увеличению объема производ-

ства материальных благ, чему поспособствует мондиализация. Эта идея инспирирует сегодня идеологию «развития», которая по-прежнему рассматривает общества Третьего мира как «недоразвитые», а западную модель производства и потребления как возжеленную цель для всего человечества. Эта идеология развития была сформулирована в 1960 году Уолтом Ростоу, перечислившим стадии, которые должны пройти все страны мира для достижения уровня потребления развитого торгового капитализма. Как показали различные авторы (Серж Латуш, Гильберт Рист), теория развития является всего лишь верованием. Когда это верование будет отброшено, кончится и идеология прогресса.

Герман Тоннесен
Счастье — для свиней:
философия против психотерапии⁴⁴

Вступление

156

В Датской Энциклопедии, опубликованной на рубеже веков, высокоуважаемый учёный написал статью о «Летающих Машинах». «Довольно очевидно, — заключил он — что ни одна из этих фантастических идей никогда не воплотится в жизнь. Все знают, что ничто тяжелее воды не может плавать на её поверхности; по тому же принципу, логически невозможен полёт чего-либо тяжелее воздуха». И когда он восторженно пришёл к своему безошибочному заключению, за его окном птицы проплывали по небу. Аналогичной, и такой же смехотворной, отчего и часто оспариваемой, была ситуация с догматическими негативистами, которые до недавнего времени отрицали возможность выхода человека в космос: отрицатели уже были на борту космического корабля, летящего и кружащегося сквозь необъятную, абсурдно безучастную, ужасающе огромную пустоту, абсолютный вакуум, за исключением гомеопатически редких вкраплений разобжённных пылинки и пятнышек света: ослепительно чистую, смертельно тихую, бесстрастно вззирающую с возвышенной апатией...

⁴⁴ Перевод с английского Павла Рица.

Это представление теперь стало общепринятым (появившееся даже в инаугурационной речи президента США). Чаще его используют назидательно: поощряя и продвигая человеческую солидарность. «Мы все в одной лодке» и так далее. Более интригующим, тем не менее, кажется мне вопрос, косвенно предложенный в метафоре: каковы удивительные механизмы, позволившие Человеку оставаться в заблуждении относительно своего места в космосе, перед лицом доказательств противного, придерживаться по сути Птолемеевой (если вообще какой-либо) системы мира (Weltanschauung)? Кратчайшее, если не простейшее объяснение отсылает к (а) когнитивной и (b) эмоциональной «разобщённости» человеческого познания (или) «расщеплённости» Человека: способность (а) удерживать рационально несовместимые взгляды или убеждения, или (b) предотвращать проникновение знаний в «волевые» слои личности и таким образом позволяя им оставаться чисто «интеллектуальными». Одни из наиболее эффективных в этом отношении онтологических и эсхатологических снотворных, согласно Хайдеггеру, это: Человеческое умение извлекать интервалы из его общего срока Бытия и наполнять их работой и другими занятиями, внешними впечатлениями (*Neugier*), болтовнёй и трёпом (*das Gerede*), и т.д. Это, возвращаясь к нашей аналогии, позволяет экипажу и пассажирам на космическом корабле идти дальше, полируя бронзу и играя в бридж, оставаясь блаженно неосведомлёнными о своём «космическом положении». Все они психологически здоровы, удовлетворены, хорошо устроены и смиренны: находятся в онтологической безопасности. Они испытывают чувство интегральной самости, персональной идентичности и незыблемости вещей. Они убеждены в своей собственной сохранности, базирующейся на хороших и прочных началах, и в наличии смысла, порядка и справедливости в жизни и во вселенной. В наиболее удачливых случаях имеет место благостная, здоровая, безоговорочная капитуляция и покорность перед нормами вежливости и обычности среднего, квадратного, мещанского, лицемерного, североамериканского среднечеловеческого прихожанина церкви и игрока в бридж, с его псевдоинтеллигентными, квазипрогрессивными, культурноподобными, пошловатыми разговорчиками. Счастливые деньки! в этом лучшем из возможных миров. Никто ничего не замечает, пока не становится слишком поздно. Вкратце: *всё хорошо* (поскольку никто не замечает конца «всего, что хорошо») до одного вечера: дневная работа сделана на славу и все кора-

бельные дурачки неистово втягиваются в смертельно серьёзную партию бриджа (пока не придёт время для ночного копака и снотворного). Один из «болванчиков», чемпион по полировке бронзы, страдающий от острого случая беспричинной депрессии, идёт прилечь ненадолго; у него нет десятицентовика для музыкального автомата; комната болезненно наполнена смущающей тишиной. Внезапно и мгновенно его поражает омерзительным проклятием обратной проницательности. Внезапно, он в невыносимой агонии видит *себя* кучей, набитой костями и суставами, с более мягкими частями, наброшенными в мешок на передней стороне, и всю свою жизнь как смехотворную краткую интерлюдия между эмбрионом и трупом, двумя отталкивающими карикатурами на него. Что же до нашего летающего фарса, этого отвратительного тривиального бурлеска во вращающемся гробе и его бесцельного, причудливого полёта сквозь пустоту: «О чём это всё?» Вопрос пропитывает его тоской и тревогой, «онтологическим отчаянием» и «экзистенциальной фрустрацией». Ангст (Кьеркегор) выжимает из него ничтожную, пустячную ненависть и жалкие амбиции к регалиям и бриджу и наполняет его заботой и состраданием к товарищам по путешествию. Другими словами, он становится философом, отчуждённым, тоскующим «космопатом», и, в силу этого, пациентом психологов и психотерапевтов, некоторые из них хотят обследовать его и навесить ярлык «Daseinsweise», другие же признают его здоровым.

Такова метафорическая скорлупа, служащая основой для трагикомического столкновения психологии и экзистенциальной философии.

2. Почему экзистенциальная философия?

«О чём это всё?» Митя (в *Братьях Карамазовых*) почувствовал, что, хотя его вопрос и может быть абсурдным и бессмысленным, всё же именно его он должен задать и именно в такой форме. Сократ считал неосознанную жизнь недостойной человека. Аристотель также видел «должную» Человека целью и предел возможностей в правильном развитии тех способностей, которые уникальны для людей. Общеизвестно, что человечество, в отличие от других живых организмов, не оснащено встроенными механизмами для автоматического поддержания своего существования. Человек немедленно бы погиб, если реагировал бы на окружающую среду исключительно посредством незаученных, биологически унаследо-

ванных форм поведения. Для выживания человеческое существо должно открыть, как различные вещи вокруг него и *внутри него* функционируют. И то место, что занимает человек в современной структуре органического мира, является следствием приобретения знания того, как расширить его интеллектуальные способности для подобных открытий. Отсюда, наиболее человеческим, нежели любое другое человеческое стремление, является попытка *обобщённого взгляда* на функцию или дисфункцию Человека во Вселенной, на его возможное место и значимость в *наиболее широко мыслимой космической структуре*. Другими словами, это попытка ответить или хотя бы подчеркнуть любые связанные с этим вопросы в предсмертном стоне онтологического отчаяния: *о чём это всё?* Это может оказаться скорее биологически вредным или даже фатальным для Человека. Интеллектуальная честность и высокие духовные потребности Человека к порядку и смыслу могут довести Человека до глубочайшей антипатии по отношению к жизни и вынудят, по выражению одного экзистенциалиста: «Сказать *нет* этому дикому, банальному, гротескному и отвратительному карнавалу на мировом кладбище».

Философия и самоубийство всегда были типичными феноменами верхушки среднего класса. Оба предполагают некоторый минимум свободного времени и определённый уровень образования. Недавняя отчаянная нужда среди психологов и психотерапевтов в «Философии Человека и его Судьбы» берёт начало от общего улучшения уровня жизни и образования. Как отмечает David Riesman: пятьдесят лет назад не существовало проблемы относительно того, что бы назвали *исцелением* или хотя бы шагом по направлению к «здоровью». Пациенты Фрейда по большей части страдали от тяжёлой истерии, драматических параличей, неспособности говорить или двигаться. Более развитые страны сегодня захвачены множеством утопических идей касательно экономической бедности и бесспорно психопатогенными авторитарными семейными структурами, и в то же время, верования в богов и чертей, рай и ад, ангелов и бессмертие почти исчезли. В этих странах люди страдают от кошмарной бедности меньше, чем от более тонких расстройств, прежде погребённых под жёсткостью и горечью борьбы за выживание. Клинические психологи внезапно встретились с пациентами, которые по всем *социальным* критериям чрезвычайно успешны и хорошо устроены. Всё, что у них было — это преж-

девременный, нежели ожидалось, предсмертный стон, трёхдневный вопль Ивана Ильича: «О чём всё это?» То, что однажды было очевидно похвальной попыткой изгнать нищету и невежество, медленно вырастает перед нами как проблема, тяжесть которой будет возрастать, коррелируя с увеличением свободного времени и социально-экономическим и образовательным «прогрессом», то есть с наиболее человеческим вопросом из всех: *что значит быть Человеком, какова Участь Человечества в космосе?* То, что однажды было объектом праздного размышления, недавно стало заботой экономистов и теологов, учёных и художников, психологов, психиатров и педагогов.

2.1. Исторический путь к экзистенциализму

Ранние праздные мыслители, так называемые «Ионийские Натурфилософы», были довольно наивны и оптимистичны. «...они интересовались в первую очередь очевидными проблемами, — пишет Аристотель, — а уже затем продвинулись и занялись вопросами более высокого порядка, например, о Луне, Солнце, звёздах, и далее о происхождении вселенной». Первая серьёзная критика началась с Гераклита, который, как всем известно, стал пугающе одержим размышлениями о всеобщем изменении; и некоторые из его последователей более того утверждали как следствие его наблюдений: «Ничто не существует!» (в Парменидовском смысле «существования»). Возьмём, к примеру, нефтяную столицу Канады — город Эдмонтон. Я хочу сделать некое утверждение об Эдмонтоне; но прежде чем я даже успею помыслить «Эдмонтон», то, к чему я отсылаю, как к «Эдмонтону» уже изменится. И поскольку я не хочу использовать одинаковые имена для определения различных объектов, я мог бы также воздерживаться от использования всех имён, опустить руки и признать, что такого объекта, как Эдмонтон не существует. Гениальный встречный вопрос таков: «Но что *это* тогда, этот Эдмонтон, о котором вы говорите, он не существует? Очевидно, вы должны были что-то под этим подразумевать». Ответ: «Да. Именно там я и держу это: в моём разуме. “Эдмонтон” в моём разуме, концепция, форма, *идея* “Эдмонтона”, вот, что такое Эдмонтон, единственный Эдмонтон, достаточно долговечный (неизменный), чтобы допускать классификацию». Легко увидеть, как подобный подход в сочетании с павлинизмом (Pauline Christianity) может предрасполагать философов к тому радикальному обесцениванию всего

приземлённо-чувственного опыта, характерному для столь многих доминирующих мыслительных тенденций Средневековья и следующих за ним нескольких веков. Я буду ссылаться на такой тип философствования, как на «*философию ума (мозга) (brain-philosophy)*». Для философа ума чувственный опыт является либо пренебрежимо незначительным, либо представляется более-менее серьёзной помехой на пути к совершенствованию знания. Уже Зенона Элейского можно представить в качестве иллюстрации довольно типичной формы философии ума, когда он *доказал* фундаментальную невозможность движения. «Вы заявляете, что можете двигаться?» — спрашивает Зенон. «Скажите мне тогда: где это мнимое “движение” происходит?» Для Зенона, похоже, существуют только две возможности: (1) Либо вы «движетесь» там, где вы находитесь, в случае чего вы не перемещаетесь, вы остаётесь на месте; (2) либо вы совершаете это «движение» там, где вы не находитесь. Но как вы можете совершать что-либо, хотя бы одно только движение, там, где вас нет? Говорили, что Диоген Синопский в ответ на эту лекцию молча встал со своего места, прогулялся вокруг немного, после чего вновь сел. Этим он, несомненно, подразумевал представить контраргумент к точке зрения Зенона. Но ответ Зенона очевиден: «Благодарю, мой любезный Диоген, — сказал бы он, — за эту убедительную иллюстрацию моей точки зрения. Я понимаю, что все вы наблюдали в представлении Диогена то, что мы называли “движением”, которое, как я продемонстрировал, является невозможным. Так пусть это послужит вам уроком. Не верьте даже вашим собственным глазам или любому другому чувственному опыту! Они обманывают вас». Парадигма философа ума традиционно вырисовывается: ослеплённый в своей башне из слоновой кости, размышляющий над абсолютными и вечными формами в мире абстрактных идей.

Диоген, с другой стороны, может рассматриваться, как представитель альтернативного философского подхода, который мы назовём «*философией глаза (зрения/наблюдения) (eye-philosophy)*».

Гиппократ, «отец медицины», обычно приводится в качестве первого наиболее типичного представителя такого подхода. И это не чистое совпадение. Общепринята рекомендация для врача *пронаблюдать* пациента перед диагностикой. Немногие из нас, я уверен, будут обладать такой уверенностью в области нейрохирургии, чтобы проводить операцию

вслепую, концентрируясь лишь на неизменных формах. Этот трюизм завёл Гиппократ в другую крайность. Он предостерегал против почти любой формы теоретизирования и советовал своим студентам ограничиваться фиксированием в своих записях всех наблюдаемых симптомов пациента и *ничего более*. Эти *протокольные предложения* — единственное, что мы можем знать: 10:35: Кожный покров бледный, моча бесцветная, стул серого цвета.

Как далеко это от благородного мыслителя в его башне из слоновой кости! И всё же, у них есть *одна* общая черта, их отстранённость от внешнего мира, их подход «объективизма», невмешательства, недостаток их эмоциональной вовлечённости. Доктор невозмутимо продолжает свой протокол: 10:45: Пульс и дыхание почти не прослеживаются. 10:48: Началась предсмертная агония. 11:02: Пульс и дыхание отсутствуют. Пациент мёртв. Могильщик может приступать.

Таким образом, кажется, то, что позволяет философу-наблюдателю занять равно отстранённую позицию к тому, что он воспринимает *визуально*, также, как философу чистого разума по отношению к абсолютным формам, это уникальность внутреннего зора: он не является, так сказать, настоящим органом чувств. Это часть разума. Уже Августин указывает на это исключительное положение наших глаз в сравнении с более периферийными органами чувств. И он продолжает показывать, как все другие чувства имитируют зрение! «Ad oculos enim videre proprie pertinent. Utimur autem hoc verbo etiam in ceteris sensibus cum eos ad cognoscendum intendimus — . Dicimus autem non solum, vide quid luceat, quod soli oculi sentire possunt, sed etiam, vide quid sonet; vide quid oleat, vide quid sapiat, vide quam durum sit». (Видение принадлежит собственно глазам. Мы употребляем однако это слово «видеть» также для других чувств, когда мы себя в них вкладываем — чтобы познавать. Мы говорим однако и не только: смотри, как это светится, что можно воспринять одними глазами. Мы говорим также: смотри как это звенит, смотри как оно пахнет, смотри как вкусно, смотри какое твердое). Все различия между чистым разумом и наблюдением, как характерными чертами двух разных эпистемологических позиций и подходов к совершенствованию знания — рационализмом и эмпиризмом — были, таким образом, сведены к простому вопросу степени. Философия чистого разума доминировала вплоть до Ренессанса, в трудах Декарта, Лейбница, Спинозы, Гегеля и других; философия наблюдения совершает прорыв в Ренессансе (с его акцентом на плот-

ских удовольствиях и чувственном опыте) в трудах Леонардо да Винчи, Галилея и позже у британских эмпириков от Бэкона до Локка, Юма и Милля.

2.2 Экзистенциализм как «философия сердца (души)»

Более заметным, чем умо-зрительное разделение, является этическое и эпистемологическое размежевание умозрительной философии с одной стороны, и того, что можно назвать *«душевной (сердечной) философией»* (heart-philosophy), с другой. Вообще говоря, сердечная философия представляет собой романтическую реакцию на «экзистенциальную летаргию», которой, якобы, характеризуется подход умозрительных философов. Это призыв к движению, Гераклитово мировосприятие, в котором человеческая жизнь — это нечто большее, нежели лишь кукольное представление, и это призыв к свободе, инициативе, выбору, ответственности, новизне, приключению, риску, шансу, романтике, миру, который, приложив усилие, мы можем приспособить под наши цели и идеалы, мир, где *всё возможно*. Экзистенциальное «сердце» философа отказывается покориться любым внешним или внутренним силам, требующим его подчинения, например: «логические законы», «законы природы», «научные законы», «этические законы», «логические истины», «фактические истины», «чувственный опыт», «структура языка», и т.д. Все они могут быть стоящими рассмотрения, но *выбор, решение* остаётся только за человеком. И он должен быть лишён абсолютно любых предлогов для избегания ответственности.

Однажды я преподавал курс логики для высокоранговых офицеров НАТО. Я предложил возможную методiku, согласно которой в первую очередь необходимо ясно понять, в чём заключается выбор, затем просчитать (некоторым систематическим образом) последствия различных возможных вариантов, и тогда принять решение. Я взял конкретный пример командира на борту норвежского торпедного катера, который, в ситуации войны с Россией, обнаруживает огромный русский боевой корабль, беспомощно зажатый позади нейтрального танкера в конце узкого фьорда Гренландии. Сперва я попросил офицеров наметить возможные альтернативы для выбора. Но, к моему удивлению, они ожесточённо воспротивились. Я, по их заявлению, подошёл к проблеме с неверного конца. Как выяснилось, их возмутило то, что они должны были сделать выбор. Им это ни капли не понравилось.

лось. И вот как они собирались избежать принятия решения и ответственности: (1) Похоже, существует такая вещь, как «военно-релевантные данные». (2) Каждый торпедный катер следует так называемому «руководству по использованию».

То, чему обучен командующий, это простое сопоставление руководства и данных, после чего единственно верное направление действий вытекает более-менее автоматически.

Командующий был, как могут утверждать экзистенциалисты, жертвой умозрительной философии. Задача экзистенциального философа — разрушить чары, пробудить всех нас и поставить перед ситуациями выбора, вместо того чтобы трусливо прятаться за естественными и логическими «законами» и рационально-эмпирическими «данными».

Важным препятствием здесь, однако, является обычный язык, повседневная проза. «Сердечный» философ нуждается в экстраординарном языке, поэтико-драматическом пердатчике для того, чтобы адекватно сообщить себе и следующим за ним созданиям, что же такое реальный выбор. Повседневный язык, «*die Umgangs-sprache*», «*das Gerede*» отражает «общественную суету», «интерсубъективный мир», «*das Man*» (в терминологии Хайдеггера). Он убаюкивает нас в этом пошлом мирке болтовни, где всё принимается как данность: жизнь, смерть, мир и судьба человека в нём, общество, язык. Нет причин для раздумий или беспокойства; всё является тем, чем является, и ничем другим. Мир таков, каким он представляется скучному, лишённому воображения, приземлённому, квадратноголового белому воротничку в середине утра после ночного отдыха. А что до таких вопросов, как «что это *значит* жить и умирать» — об этом ни слова, это обычное явление, почти все это делают. Мы вброшены в абсурдно безразличный мир палок и камней, звёзд и пустоты. Наше «положение» напоминает человека, падающего с Эмпайр Стейт Билдинг. Любая попытка «оправдания» недолгого, ускоряющегося падения, непостижимо краткой интерлюдии между перехватывающим дыхание осознанием нашего «положения» и неумолимым тотальным уничтожением непременно будет одинаково смехотворной; то есть, что бы мы ни выбрали сказать: (а) «На самом деле это довольно удобно, пока оно (падение) длится, так давайте же извлечём из него лучшее», или (б) «Давайте хотя бы сделаем что-то полезное, пока можем», — и мы принимаемся считать окна в здании. В любом случае, оба подхода предполагают способность *отвлечения* нас от осознания собственного отчаянного «положения», извлечения, так сказать, каждого момента «падения»

из непоправимой целостности, разделяя наши жизни на маленькие порции с жалкими, краткосрочными целями.

Довольно о концепциях «правды» и «истины» сердечной философии. Что же касается «ценности», мы сталкиваемся с пропастью между подлинной жизнью, достойной человека, проживаемой в ясном и пронизывающем осознании её полнейшей абсурдности и мошеннической, иллюзорной жизнью, проживаемой в приятном самообмане, существенно неотличимой от жизни любой другой самодовольной, легкомысленной свиньи с некоторым чувством чистоплотности и водопроводом в доме. Выбор подразумевает безоговорочное принятие ценности *человеческого достоинства* ценой традиционных аксиологических целей, таких как *приспособленность, успех, счастье, спокойствие духа* и т.д.

2.3. Экзистенциализм и совершенствование знаний

Другой вопрос, не зависящий от принятия истин и ценностей сердечной философии, но обладающий очевидной дидактической значимостью, это вопрос о том, где подобному пониманию *можно научиться*. Другими словами, мы приближаемся к концепциям понимания и совершенствования знания.

Разделение между совершенствованием знания «вширь» и «в глубину» было обычным делом, и эти выражения столь хорошо известны, что любые дальнейшие объяснения вряд ли необходимы. Оно отражает базовое, психологическое взаимоотношение между распределением внимания и его концентрацией, между человеком, знающим почти ничего о почти всём, и человеком, знающим почти всё почти ни о чём. Аналогия двухмерного пространства будет достаточной для иллюстрации этого взаимоотношения разновидности и уровня знания внутри такой *не-вовлечённой* области дискурса. Так называемый «вовлечённый» дискурс, представленный в сердечной философии, допускает третью компоненту, которую мы можем ориентировочно обозначить *степенью интеграции знания*. Пример продемонстрирует, что может подразумеваться под выражением «интегрированный» и «интеграция» в этой связи.

Во время Русско-Финской 1939-го, финны поймали русского шпиона за линией фронта. Случай был очевидным. Шпион признался и должен был быть немедленно казнён. Он знал, что его расстреляют на рассвете, понимал это так от-

чётливо, как в принципе можно что-либо понимать. Тем не менее, он стоически предстал перед судом. Он осознавал исход. Не могло быть и тени сомнения. Сцена суда была театром, бюрократическим представлением, требуемым в любом обществе, базирующемся на главенстве закона, но нелепо чрезмерной в его случае. И всё же сцена не оставила его полностью равнодушным. Против его воли, он оказался постепенно вовлечён в судебные процедуры. Когда, наконец, произнесли смертный приговор, он был полностью сокрушён. Так что такого случилось? Он знал исход с абсолютной определённой. Нам следовало бы сказать, что теперь шпион *знал* о своей неминуемой смерти в новом и ужасающем ключе. Внезапно его посетило озарение, знание, которое *пронзило* его до мозга костей и жестоко потрясло общую личностную структуру до её глубочайших и темнейших уголков. Это различие, изменение в отношении подсудимого — то, что согласно сердечно-философскому предположению для языка можно описать, как «возрастающую интеграцию знания шпиона о собственной неминуемой гибели».

Той же монетой всем нам возможно следует ответить на требование сердечного философа предстать перед нашей судьбой, сказав: «Конечно я знаю, что умру! Все люди смертны, знаете ли», и всё такое. Представ перед вопросом анкетный: «*Вы умрёте?*» — мы все должны, скорее всего без исключений, поставить крестик в графе «да», и ни на секунду не задумываться над «нет», «я не знаю» или «отказ отвечать». Но вопрос остаётся: знаем ли мы о собственной смерти так, как шпион знал об этом *до* или *после* произнесения смертного приговора? К несчастью, этой «интеграции» (или «интериоризации», «интернализации», «эмпатизации») знания *нельзя научиться* в обыденном смысле обучения. Наставнику придётся обратиться за помощью к поэзии и драме, чтобы *пробиться* сквозь барьер повседневной прозы, банальных разговоров и излишней болтовни.

Бесценный пример человеческого нежелания принять свою судьбу в целом, и свою эфемерность в частности, предложен в комедии Жана Жироду *Амфитрион* 38. Юпитер желает соблазнить Алкимену не как бог, но во плоти, словно он человек. Меркурий проверяет его, дабы убедиться, что метаморфоза действительно произошла.

Меркурий: «Еще вопрос: нравится ли вам носить волосы на пробор и закреплять их фиксатуаром?»

Юпитер: «А ведь верно, нравится!»

Меркурий: «Верите ли вы, что когда-нибудь умрете?»

Юпитер: «Конечно, нет! Вот моим друзьям суждено умереть, беднягам. Но только не мне!»

Меркурий: «Ну вот, теперь вы действительно стали человеком. Действуйте!»⁴⁵

2.4 Кто знает? Что? Как?

В одном отношении противостояние сердечной и умозрительной философии довольно интересно. Аналитически ориентированные философы обвиняют экзистенциалистов в непонимании того, о чём они говорят из-за их экзотического, размытого языка (ср. знаменитую критику Хайдеггера Карнапом). Экзистенциалисты возвращают комплимент; аналитические философы не понимают, о чём они говорят из-за недостатка их вовлечённости, сопричастности... И эта мера несовершенства знания не только препятствует осознанию аналитическими философами «человеческой участи» и т.д., но имеет прямое отношение к этике. Умозрительный философ, по словам экзистенциалиста, может выработать чистейший, точнейший набор моральных правил и норм, и они могут не оказывать ни малейшего влияния на моральное поведение самого философа.

Профессор может не чувствовать себя этически обязанным следовать своей системе норм. Она не вовлекает его, за исключением наиболее внешних центров мозга, которые в его случае имеют небольшую или не имеют вовсе связи с глубинными, детерминирующими поступки механизмами. Его этические убеждения не интериоризированы, не интернализованы, несущественно интегрированы. Они *экзистенциально* невалидны.

Можно сказать, тем не менее, что экзистенциалисты находятся в другом затруднении. Они делают столь чрезмерный акцент на экзистенциальную валидность, экзотическую, поэтико-драматическую, пробирающую до костей подачу своих посланий, что теряют из виду, либо игнорируют аргументацию, «объективную истину», если хотите, познавательное, эпистемическое содержание этих посланий. Так, в процессе чтения, скажем, прославленной «*Стены*» Сартра, некто может быть глубоко впечатлён пустынностью и крайней ра-

⁴⁵ Парадоксальный факт того, что человек «знает», что он должен умереть, но не *до мозга костей*, неоднократно отмечался как философами, так и психиатрами.

зобщи́енностью человеческих душ, которая часто занимала авторов и драматургов на протяжении многих лет и не только в двадцатом столетии. Одержимый ужасным видением — «одинокчество человека», «одинок, словно челн в беззвёздную ночь», — и пророческим предчувствием — «и так будет вечно...» Пока однажды он не ознакомится с повестью Леонида Андреева «Рассказ о Семи Повешенных», и его разум внезапно не откроется новому озарению, диаметрально противоположному, как может показаться. Он почувствует, что Андреев подталкивает его к выводу о том, что человеческие существа несомненно способны ко взаимопониманию, сопереживанию, способны поставить себя на место другого в такой степени, что семеро андреевских мятежников словно не могут быть повешены врозь и по одиночке.

Если литературные описания такого типа, как у Сартра и Андреева упорно истощать рациональным и жестоким анализом, очищенный объективный скелет расскажет кое-что о невозможности или возможности взаимодействия людей в стрессовых ситуациях или во время чрезвычайных ситуаций любого типа. Понятно, что эти сухие, облу́пленные формулировки упрощают для холодного и отстранённого аналитика нахождение эффективных методов контроля правил, которые применяются в межчеловеческих контактах, в отождествлении себя с другими, в ориентировании людей и т.д., и даже позволяет аналитику очертить практические выводы о ценности для прикладной психологии — психологов «консультантов». Тем не менее, дилемма остаётся, не только в качестве логико-философского парадокса, но и как простое эвристически-дидактическое затруднение: возможно ли практически пригодным *способом* передавать набор жизненных установок, чьи столь «точные» формулировки могли бы быть предназначены для передачи без потери уровня точности, и с ущербом скорее для сопереживания, нежели для ясности? Вместо «уточнения» языка, мы должны «пробиться сквозь язык, чтобы прикоснуться к жизни», и обратить вовлечённых в общение в «жертв, сжигаемых на костре, подающих сигналы сквозь пламя». Это можно отнести, скажем, к обращению Сартра к драме для чуткой передачи своих заявлений. Вопрос в том, оправдывает ли это (или даже может быть сказано в защиту) высокопарность континентальной философии в целом, и в частности напыщенную тевтонскую тягучесть в выпрессованном, клейком конгломерате взрывных неологизмов Хайдеггера. В контексте немецкой философии, стилистический ритм Хайдеггера име-

ет особенно гипнотизирующий эффект литавр, как бы находящих короткую дорогу (short-cut) от барабанной перепонки слушателя напрямую к его волевым слоям.

3. Почему клиническая психология?

«Клиническая (психология)» используется здесь в широком смысле, включая теорию, наблюдение и исследование для диагностики постольку, поскольку для целей терапии. В этом смысле слова «клинический», едва ли существуют работы, о которых можно было бы сказать, как об «экзистенциальных» или «феноменологических», и в то же время назвать их «неклинической психологией». Довольно верно, что после первоначального энтузиазма, появилось лишь несколько статей, претендующих на то, чтобы быть внутри неклинической психологии и одновременно внутри экзистенциализма либо — теперь, всё чаще и чаще, — внутри феноменологии. Но ни «экзистенциальный», ни «феноменологический» не используются в философски уместном смысле. С другой стороны, существуют работы вроде раннего эссе Сартра: *«Трансценденция эго: набросок феноменологического описания»*. Это не психология, но в основе своей *«eine Auseinandersetzung»* (спор, противостояние) с Эдмундом Гуссерлем, которого Сартр обвиняет в самопротиворечивости. Или лучше: Сартр защищает раннего Гуссерля от позднего Гуссерля. Эссе интересно с точки зрения психологии, поскольку оно проливает свет на сартровскую концепцию «сознания», которая в общем рассматривается как несовместимая с чем бы то ни было, что Фрейд подразумевал под тем же термином. Тем не менее, (а) в вышеотмеченном широком смысле «клинического», Сартра следует рассматривать обеспокоенным клинической психологией, поскольку его труды интерпретируют как попытку свести счёты с Фрейдом; (b) То, что Сартр делает с понятием «сознание» не является ни философски, ни психологически впечатляющим. Банальный риторический приём; другими словами, размытие концепции используется Сартром, чтобы разговаривать на языке, где возможность «смысла», как бы, в «неосознанных» поступках людей явно исключена. В двух других публикациях, предположительно связанных с «воображением», Сартр «доказывает», что *эиде-*

тизм⁴⁶ в смысле Йенша, но не Гуссерля, логически невозможен! Это пример, от которого волосы встают дыбом, экстремальной, догматичной философии ума с презрением к эмпирическим свидетельствам, которые не переплюнет даже Зенон в его (фиктивном) диспуте с Диогеном.

3.1. Диагностика

Поворотным пунктом в истории психоанализа часто считают повторный визит Элизабет фон Р. к Фрейду с просьбой надавить на неё и заставить вспомнить вместо использования свободного потока ассоциаций. Так начался ненаправленный, клиент-ориентированный анализ; нигде не выраженный яснее и короче, чем в собственных работах Фрейда. В «Советы врачам при ведении психоаналитического лечения» (1912) он предупреждает против понятной амбиции сделать из клиента нечто чрезвычайно великолепное и приписывать ему высочайшие цели в жизни. В «Пути психоаналитической терапии» (1919) цель психоанализа описывается в терминах клиентов: самозавершённость, самореализация, самоактуализация. Аналитик, по словам Фрейда, должен согласиться со старым французским хирургом: «Я перевязываю раны, а исцеляет Господь».

Тренды в клинической психологии, где это Фрейдистское эпохэ⁴⁷ по отношению к клиентам разделяется и продвигается, мы здесь будем обозначать как *Диагностика* (клиническая психология).

Анализы Сартра от его раннего исследования Бодлера до относительно недавнего *tagnit opus* о Жене — это типичная Диагностика (в этом смысле слова «диагностика»), т.е. в ней отсутствуют критика, обвинение или оценка, только представление а-ля «Жизнь» Мопассана.

⁴⁶ Эйдети́зм (от др.-греч. εἶδος — образ, внешний вид;) — особый вид памяти, преимущественно на зрительные впечатления, позволяющий удерживать и воспроизводить в деталях образ воспринятого ранее предмета или явления. В этот образ могут и зачастую входят также насыщенные образы и иные сенсорные модальности (слуховые, тактильные, двигательные, вкусовые, обонятельные). — *Прим. пер.*

⁴⁷ Эпохэ́ (греч. ἐποχή — «задержка, остановка, удерживание, самообладание») — принцип рассуждения в философии, который означает приостановку всех метафизических суждений — суждений о бытии предмета вне воспринимающего его сознания.

Наиболее экстремальным примером Диагностики среди современных психиатров является Людвиг Бинсвангер и его последователи, которые описывают свою деятельность как «Daseinsanalyse» (анализ «режима бытия» или «бытийности» пациента). Они в общем и целом не испытали влияния Сартра и прямо происходят от Гуссерля и Хайдеггера — в частности от «Бытие и Время» Хайдеггера, т.е. экзистенциальной позиции, популяризованное изложение которой можно увидеть во вступлении к этой статье. Самое значительное влияние Хайдеггера на Диагностику, к несчастью, это его громадный стиль. «Герменевтика человека» Хайдеггера, его «Daseinsanalytik» или «Existenziale Analytik» определяется Бинсвангером, как «*die philosophisch-phänomenologische Erhellung der apriorischen oder Struktur des Daseins als In-der-weltsein*». Несмотря на то, что доступная литература о Daseinsanalyse или бытийном анализе обычно захватывающая, часто она также призрачна и гротескна, так что сложно не задуматься, столь ли гениально видимое безразличие, как кажется на поверхности. Существует неотвязное подозрение, что Диагностика эксплуатирует экзотический язык Хайдеггера, чтобы «продолжать говорить», и таким образом сохранять спокойствие и не поддаться ужасу бездонной *abyssus humanae conscientiae* (бездны человеческого сознания), с которой она непрерывно сталкивается. Фрейдистские высказывания, терпение и толерантность в Daseinsanalyse были экстраполированы в феноменологическую «редукцию», «брекетинг» — эпохэ, полное воздержание от суждения, посредством которого открывается абсолютная истина (*aletheia*). Бинсвангер применяет к самоубийству, совершённого его самой знаменитой пациенткой Эллен Уэст подход, который Кьеркегор описал однажды, как характерную черту эстетической стадии жизни. Он, словно Линней, обеспокоен лишь выяснением видовой принадлежности растения у него в руке и выдачей тщательного описания и диагноза. Порой случай справедливо очевиден; образец относится к определённому известному классу. Но не так уж редко этот Линней обнаруживает растение столь уникальное, что оно заслуживает своего собственного названия.

Один из довольно неубедительных случаев, описанных с помощью Диагностики, это «Рудольф» Роленда Куна. Выясняется, что Рудольф по-настоящему желает жить в волнении («*ein Leben in der Spannung*»). Он имеет «*eine vertikale Daseinsache*», позволяющее ему колебаться между «*die verwenende*

Welt des Kellers» и «die glänzende Welt der Strasse», или: между *некрофобией* и *некрофилией*. В лучшем случае Рудольф спаривается со свиньями в момент, когда их забивают. И довольно очевидно, что это отнюдь не повод для поднятых бровей. Напротив, Кун скорее пытается сообщить: «Так что? Разве не со всеми случается?» Это ведёт к очень необычной, деликатной буржуазной психотерапии. Недавно шведский психиатр этой школы Ларс Уллерстрем путешествовал по Европе в попытке сократить нехватку трупов для некрофилов, убеждая аудиторию завещать не просто глаза и почки, но всё тело целиком некрофилу-анониму. Лежащее в основе этого предположение, конечно, в том, что нам не следует уступать среднеклассовому пуританскому предубеждению, согласно которому определённые общепринятые формы (скажем, сексуальной) жизни во всех отношениях предпочтительнее, «здоровее...»

Босс Медард расширяет полное этическое безразличие экзистенциальной аналитики «как на психотерапевтические техники, так и на практические следствия и цели». Наиболее впечатляюще это может выглядеть в качестве феноменологической программы (с её «брекетингом» и «эпохэ»), но определёнno не в качестве постоянно проводимой практики.

3.2. Прелатика

Нельзя сказать, что даже самые экстремальные диагносты (Бинсвангер, Босс, Бойтендаик, Кун) полностью освобождены от назидательных тенденций. Частые отсылки к «решиительности», «аутентичности» и т.д. (похвальные) и «*Alltägliclikeit*», «*mauvaise foi*», «уныние» (уничижительные) являются безошибочными указателями в этом направлении. Тем не менее, вся сцена целиком меняется, когда мы переходим от сомнительной Диагностики к типичным представителям того, что я буду называть здесь «Прелатика».

В первые несколько лет после Второй Мировой Войны среди психотерапевтов была едва заметная тенденция отдаляться от ортодоксальной фрейдистской пассивности и всепонимающей толерантности и возвратиться к более увещательному старомодному викторианскому подходу: «Ах, ну не надо. Соберитесь, молодой человек, и поберегите свои глупые оправдания! Вы знаете, что можете, если захотите...» Было бы не слишком удивительно, если эта психотерапевтическая метаморфоза на самом деле берёт начало в некоторых ранних (ошибочных) интерпретациях послевоенных эк-

зистенциалистов, чьим главным намерением, как зачастую кажется, было выстрелить ракетой в бок окружающим и встряхнуть их от «экзистенциальной летаргии». Фрэнк популяризирует различие между классическим фрейдистским психоанализом и его так называемой «логотерапией» следующим образом: «В психоанализе пациент лежит на кушетке и должен рассказывать вещи, о которых неприятно рассказывать. В логотерапии клиент сидит прямо и должен выслушивать вещи, которые неприятно выслушивать». Конечно, это не является чем-то совершенно незнакомым для психологов. Едва ли ранние райхианцы были менее многословными, но определённо более злобно агрессивными в своих атаках на «личностную броню» и «невротический эквilibrium» пациентов, чем любой из довольно приятных и любезных прелатиков — от Хорни, Роджерса, Маслоу, Джорарда и Яходы до Ангерсма и Виктора Франкла. На самом деле, все они скорее беспокоятся о том, чтобы угодить. Они, в большей степени, чем любой философ, действительно приняли близко к сердцу известную строку Мак-Таггарта: «Польза метафизики заключается в комфорте, который она даёт нам». Когда, к примеру, пациент оказывается неудобно осведомлённым о *собственной* конечности — страдает от «болезни к смерти» или «*Sein zum Tode*» — тогда, утверждает Франкл, психодинамические интерпретации (!) попросту не будут способны «успокоить» его страх и тоску («*Ангст*»). Единственное способное помочь здесь средство — «философское понимание». Задачей клинического психолога является определение при помощи опроса «бытийности», «режима бытия», «*Daseinsweise*», собственного пациенту. В дальнейшем это становится задачей терапевта — прописать мифы и метафизику, которые «вылечат» этого конкретного «космопата», и уложить его в свою метафизику, своё «философское» понимание с такой сатанинской ловкостью и решительным мастерством («тяги, не жели толкай»!), что это даст пациенту приятную иллюзию самостоятельного открытия «смысла жизни». Другими словами, этот мнимый «новый подход в пасторальной психологии» в теории и практике неотличим от прикладной психологии доктора Реллинга в пьесе Генрика Ибсена «*Дикая Утка*», который снабдил всех своих друзей и знакомых, подозреваемых им в способности сломаться, предстать они перед ужасом правды, аккуратно отобранной и скроенной по лекалам «жизненной лжи». Единственное различие вот в чём. Доктор Реллинг изображён как разочарованный, утончённый интеллект, участливый сентиментальный циник, «рыцарь

безграничного смирения» (Кьеркегор). Прелатика совершенно лишена этой атмосферы утонченности (которую случайно гуссерлевско-хайдеггерианский громовой язык, похоже, в некоторой степени привнёс в Диагностику). С открытым, наивным энтузиазмом прелатики посвящают себя их неоспоримо похвальной миссии — спасти окружающих людей от таких пагубных взглядов на жизнь, которые вызывают «онтологическую неопределённость» и «экзистенциальное отчаяние (фрустрацию, вакуум)», снабдив их неуязвимой метафизической бронёй. Тот факт, что пациент определяется как психически или эмоционально больной, предохраняет психотерапевта от глубокого анализа возможности того, что пациент может быть когнитивно правым, и степени его правоты. Вполне возможно, что человек с «экзистенциальной фрустрацией», «онтологическим отчаянием» или просто «субклинической депрессией» может благодаря своему аномального состоянию быть в лучшем положении для взгляда сквозь камуфляж жизни, который всё ещё вводит в заблуждение «здоровых» психотерапевтов.

3.3. В общем о суификации

174

Среди наиболее впечатляющих экзистенциальных работ — произведения Петера Весселя Цапффе. Ясность подачи материала превосходит лишь безжалостная последовательность его экзистенциальной позиции, «Биософии», как он её назвал. Он вставал на одну сторону с другими экзистенциалистами в признании самосознания — осознания собственного существования и его условий — отличительной чертой человека, которая выделяет человека-животное среди других существ. Вот в чём затруднительное положение человека: с одной стороны у человека есть высокие духовные потребности в справедливости, порядке и смысле; с другой, в принципе, неограниченная способность для озарений и совершенствования знаний, *плюс* его интеллектуальная честность, непрерывно обострявшаяся благодаря увеличению чувствительности наиболее утонченных механизмов человеческого самообмана, всё вместе это заставляет человека предстать перед собственной отчаянно непоправимой судьбой конечности, наполняя его самым болезненным отвращением к жизни, человеческому существованию в целом, и собственному «*Dasein*» в частности. Человек, если он желает *некоторую* степень психического здоровья, должен либо оставить свои высокие духовные запросы и неограниченные способ-

ности к совершенствованию знания, либо побороть свои механизмы по сдерживанию самообмана. Вкрадце, он должен оставить любые попытки «самореализации» (Джодард), «самоактуализации» или «полной человечности» (Маслоу), и поискать себе идола посчастливее — беспечную свинью, хрюкающую с искренним самодовольством и полнейшим спокойствием духа, без запросов за пределами мусора и отбросов, «витальная» и «пригожая» жизнь в неведении относительно собственного существования и судьбы. Такова дилемма человека: таков экзистенциальный выбор в биософской перспективе. Ординарный «здоровый» человек пытается избегать этого выбора. Он может на словах поддерживать идею гуманизации, и в то же время скрытно практиковать суификацию⁴⁸, эксплуатируя традиционные онтологические снотворные: работа, религия, метафизика, алкоголь, наркотики, лоботомия, повседневность, шум, внешние впечатления, проза повседневного языка, пошлые разговорчики и болтовня, отыгрыш роли, ожидаемая от него роль, общественные нормы, ригидность, безумие или конформность.

Не может быть больших сомнений, что среди множества средств суификации, наиболее безопасным долговременным онтологическим снотворным является труд («польза») физический или умственный, а также неинтегрированная религия (как, скажем, современное Датское Лютеранство Кьеркегора). И то, и другое может служить опиумом для народа. «Труд», — гласит Конституция СССР (1936), — «является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: “кто не работает, тот не ест”». Недалёк тот день, когда два процента населения США будут способны произвести больше, чем остальные девяносто восемь процентов смогут потребить. Американцам придётся убивать ещё 600 миллиардов часов свободного времени. Консультанты по досугу будут иметь дело с чем-то большим, нежели мелкие невроты выходного дня. Аристотель говорил, что общество, не готовое к настоящему досугу, будет со временем деградировать. «Сквозь века свободное время вкупе с излишком денег были страшны для обществ. Именно в это время рушатся нации». (Уильям Рассел). Роберт Юнг недавно посвятил серию телевизионных передач изучению трудоголиков и их «досуговости» в более развитых обществах (Скандинавия), где «будущее уже наступило». Его решение заклю-

⁴⁸ От лат. *sus* — свинья.

чается в создании квартетов, починке или сборке собственных телевизоров, или даже лучше — постройке *совершенно бесполезных* машин — чего-то наподобие «мобилей» Кальдера со встроенным мотором. Это может показаться «лучшим ответом», нежели всё, что могут предложить психотерапевты-прелатики, но на мой взгляд, выбор неочевиден. Близится время, когда профессиональный бейсбол, футбол, хоккей, рестлинг и катание на роликах просто не смогут удерживать рабочую силу в состоянии постоянной эффективной седации. Растёт число тех, кто ищет более острых ощущений, или более ощутимого «кайфа»⁴⁹.

«Кто-то сказал, что у него есть друг, который любит пускать по вене клей для авиамоделей. Никто больше не слышал об этом. Нюхать клей, да; но не вкалывать его. Они слышали о людях, делающих что-то с парегориком и обувным лаком, и затем вкалывающих это, но сообщали, что кайф получается не очень. Героин, конечно, был лучшим. Героин и *бомбита*. Они давали лучший кайф, полное расслабление, не оставалось никаких проблем в мире».

«Но это на самом деле не самый лучший кайф», — сказал один наркоман. «Знаете, что такое по-настоящему лучший кайф?» — его голос был серьёзным. Все обернулись и обратились в слух, чтобы узнать, может быть, о новом виде кайфа, который был лучше, чем героин, лучше, чем что-либо другое. «Лучший кайф», — голос был низким и мрачным, — «это смерть». Тишина. «Чувак, это за пределами досягаемости, это нечто иное. Да, нет чувств вообще.» Все согласились. Лучшим кайфом из всех была смерть.»⁵⁰

Ещё большим несчастьем является суифицирующая импотенция религиозных мифов. Атеизм вымирает в самых развитых частях света за неимением оппозиции. Серьёзного атеиста в Скандинавии сочтут слегка забавным занудой. Мифы ни пафосно осуждаются, ни торжественно отвергаются, но скорее представляются в качестве милых и очаровательных субъектов для изобразительного искусства и поэзии — подобно старомодным паровым двигателям и старинным грелкам. Само собой разумеется, мифы в этой форме полностью потеряли весь утешительный потенциал. Они прекратили играть роль суификаторов.

⁴⁹ В оригинале игра слов: high — в значении «кайф». — *Прим. пер.*

⁵⁰ Джеймс Миллз: Паника в Нидл-Парке

С другой стороны, чрезмерное усилие в логико-рациональном совершенствовании знания может само по себе служить эффективным средством притупить осознание смерти в человеке и предотвратить дерзость возникновения ужаса и тревоги. В пример можно привести «Смерть Ивана Ильича» Толстова; наиболее впечатляющую демонстрацию того факта, что единственный решающий, ключевой критерий истинного озарения и понимания кем-то собственной судьбы — это внутренняя, духовная сторона и интернализация осознания, а не надёжные доказательства или кристальная ясность. Иван был глубоко убеждён логикой этого силлогизма: «Кай — человек, все люди смертны, следовательно, Кай смертен».

«То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мама, папа, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости. Разве для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня! Разве Кай целовал так руку матери и разве для Кая так шуршал шелк складок платья матери? Разве он бунтовал за пирожки в Правоведении? Разве Кай так был влюблен? Разве Кай так мог вести заседание? И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне это другое дело. И не может быть, чтобы мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно. Так чувствовалось ему. “Если б и мне умирать, как Каю, то я так бы и знал это, так бы и говорил мне внутренний голос, но ничего подобного не было во мне; и я и все мои друзья — мы понимали, что это совсем не так, как с Каем. А теперь вот что! — говорил он себе. — Не может быть. Не может быть, а есть. Как же это? Как понять это?”»

Наконец, правда дошла до Ивана; и внезапно он осознал до мозга костей, что его недуг заключался не просто в заболевшей почке, но в том, что он оставил позади себя жизнь бессмысленную, как и любая другая, и предстал перед окончательным и тотальным уничтожением. «Трое суток сряду он, не переводя голоса, кричал».

Главная проблема «благополучия», стоящая перед современным человеком и ставящая в тупик клинических психологов, заключается в том факте, что чрезвычайно широкое распространение всеобщего образования, плюс

взрывное увеличение свободного времени позволит настоящему и, не в последнюю очередь, будущим поколениям предвосхищать вопль Ивана Ильича с запасом от тринадцати до шестидесяти лет, что сделает крик ужасно долгим. Клинические психологи в общем и прелатики в частности принимают как должное, что одновременно психологически возможно вооружить человека против столь пагубных озарений, и что верно с моральной точки зрения позволить и даже соблазнить или завлечь человека в какой-то вид более или менее привлекательной, утончённой, высоколбой суификации, даже ценой полной «гуманизации» и интеллектуальной честности, несмотря на то, что это может означать намеренные личностные отклонения и искажения интеллектуального процесса и суждений.

3.4. Биософия и прелатическая психотерапия

В недавно вышедшей научно-популярной книге антрополог-любитель замечает, что Homo Sapiens стал зрелым как вид, безоговорочно приняв реальность, какой бы ужасной и неопределённой та не была «при помощи способности проглотить любое разочарование и продолжать идти дальше». «Тем не менее», — заключает он в своей главе о Романтическом Заблуждении, — «следует ли человеку достигать тотальной зрелости — в общем, достигнуть когда-либо финального, абсолютного, правдивого разочарования — тогда он по всей вероятности не сможет более идти дальше, но попросту ляжет там, где ему случилось находиться и, испустив долгий глубокий вздох, возвратится в забвение, из которого он пришёл»⁵¹.

Взгляд Петера Весселя Цапффе в том, что это единственный подходящий, достойный человека поступок, позволяющий человеку не отбросить свою интеллектуальную честность или его потребности в смысле, порядке и справедливости в мире.

Одна из простейших форм суификации (предлагающая счастье и спокойствие духа через наиболее комфортные уловки и иллюзии) не содержит ничего, кроме простого снижения уровня подобных «смысловых запросов». Современный человек может найти удовлетворение его онтологических потребностей в комбинации опыта и

⁵¹ Роберт Ардри — African Genesis.

воображения в *pia desideria* (благих намерениях) «победы высшего блага», «вечного мира», «превосходной культуры», «здоровья и счастья для всех людей», «долголетия», «высвобождения невообразимых физических сил», «межгалактических космических полётах» и т.д., одно невыносимо более восхитительное, чем другое. Или же он может просто отказаться возмущаться случайной спонтанности бессмысленно причудливого разрушения ценностей и таким образом сократить высасывающее силы, истощающее энергию, изводящее напряжение между природой и человеческим разумом. Со временем становится всё более очевидно, что этически и онтологически тупой либо безразличный характер будет иметь склонность создавать большую жизнеспособность, живость и интерес к жизни, более спонтанную и богатую *joie de vivre* (радость жизни), чем более острое, пронизательное, восприимчивое и этически дальновидное сознание и онтологическая осознанность. Способность человека «отстраниться» (*ek-sistere*) и, не переставая дышать, оценить себя и своё «общее положение» является с точки зрения биософии безумно случайным «коротким замыканием» в природе, привилегией, которой ни одно существо прежде не было благословлено или проклято. Суификацию человека можно таким образом рассматривать как романтический возврат к природе, возврат к незрелой, онтологической невинности и безопасности до великого короткого замыкания! Популярные суифицирующие метафизические снотворные зачастую находятся в склонности человека концентрировать всю энергию с внимание на конкретных объектах, например, Компании, Университете, Сообществе, Отечестве, Человечестве, Культуре, Цивилизации и т.д. Другие утешители можно увидеть в существовании будущих поколений: «Моё дитя — моё бессмертие!» Последнее утверждение становится особенно смехотворным в свете его неизбежного следствия: кто-то настроен рассматривать себя и свою жизнь в качестве «ответа» на мечты, страдания и болезненное самоотречение сотен поколений. Столь простая «жизненная ложь» имеет всё меньше и меньше шансов на успех. Современным людям стоит поискать спасения в более прочных метафизических убежищах. Типичными случаями здесь являются миллионеры, которые после долгих периодов жизни в непрестанной борьбе за накопление своих состояний, могут наконец осесть в Калифорнии для наслаждения своим *otium cum dignitate* (достойный досуг) и

не найти ни удовольствия, ни достоинства, но в мучительной панике осознать, что «это была твоя жизнь». Они становятся пациентами для психоделиков, «пасторальных» психологов и других психотерапевтов-прелатиков. Чьей задачей становится затормозить или, если возможно, обратить вспять развитие их клиентов в сторону «полной человечности» и «самореализации» и скорее уберечь их от головокружительно пагубных, невыносимых озарений касательно монструозной абсурдности Человеческой Жизни. Я предвижу, что в ближайшем будущем целые поколения будут достигать такого же уровня крушения иллюзий, как у миллионеров, но в гораздо более раннем возрасте. Они будут вопить в своей наготе перед белыми, безразличными звёздами и умолять психотерапевтов дать им крепкую и уютную метафизическую броню. Но вновь там могут оказаться некоторые, настоящие философы-экзистенциалисты, которые скорее предпочтут рискнуть остаться на морозном открытом воздухе, нежели отдать хоть йоту благородной привилегии человеческой «ek-sistence». Здесь прелатическая психотерапия приходится абсурдно не к месту. Попробайся (скажем) Франкл исцелить (скажем) Цапффе от его «экзистенциальной фрустрации», «онтологического отчаяния» или «метафизически-меланхолической пронизательности», шансы таковы, что Цапффе (скорее, чем «излечиться») был бы озадачен поверхностным философствованием Франкла. «Вы, быть может, психологически здоровее меня», — охотно признал бы Цапффе, — «но я должен настоять, что я более компетентный философ. Пожизненный поиск смысла жизни в общем и моей жизни в частности привёл меня — неохотно, но с катастрофической последовательностью и сомнамбулической определённой к пониманию того, что всё это фантазия и заблуждения, дарованные свыше дабы примирить нас с нашей “ситуацией”. Вы определённо правы в том, что психопатологические объяснения моего биософского пессимизма были бы совершенно неуместны; но я также не вижу, чего вы способны достичь с вашей наивной, неуклюжей метафизикой, за которой — если вы позволите мне изъясниться на вашем языке — я не вижу ничего, кроме глубокой, наиболее фундаментальной травмы и той великой универсальной репрессии, которая предотвращает любые фатальные прозрения о человеке и его “космическом положении”, загадочном, гротескно абсурдном источнике и генезисе тела и разума, их неотчуждаемых

интересах и их последнем и полном уничтожении, возвращении синтеза в абсолютное ничто». Биософ полностью осведомлён о существовании множества дивных метафизик, предлагающих «спокойствие в душе», «установление гармонии с миром» и «искупление перед всемогущим» или нечто похожее для любого, кто пожелает присоединиться к той или иной суифицирующей секте и сменить опыт интеллектуальной честности на фиктивное мировоззрение. Духовный вакуум зачастую столь болезнен, что в случае, если фикция достаточно долговечна, похоже, не имеет большого значения, если она окажется не такой уж страшно приятной.

Прелатики и психотерапевты не являются философами. Их «пасторальная психология», «логотерапия» и т.д. основывается на философской безграмотности их самих и их клиентов. Никто, конечно, не станет возражать, что «пасторальные» и другие психологи-консультанты воспринимают любительскую философию в качестве хобби. Ситуация становится фарсовой лишь когда любитель пытается «излечить» человека, посвятившего всю жизнь философии, вылечить его, как будто он является столь нездорово пессимистичным!

4. Заключение

Я занялся изучением теорий психотерапии, «ненормального» поведения в общем и психического «расстройства» в частности, поскольку ключевые феноменологические и экзистенциальные понятия или общие перспективы были использованы в рамках цельности объяснительной системы этих теорий. Сами психологи не уверены, где следует провести черту между «нормальностью» и «ненормальностью». Также противоречиво понятие психического «расстройства». Из этого не следует, что нет очевидных случаев, где «лечение» или «терапия» явно подразумевается. Если у студента затруднения с поступлением в университет из-за страха наступать на тротуарные трещины, то это не проблема, которую нужно серьёзно рассматривать на когнитивном уровне; другими словами, это не поднимает вопрос: «Действительно ли опасно наступать на тротуарные трещины?» Совсем другая история, если у студента «снижение работоспособности», поскольку он поражён мрачной проблемой смерти и уничтожения. Его внутренности рвутся на части, дыхание сбивается от ужаса

небытия, страха больше не существовать. Его поведение, его чувства и эмоции до сих пор отличаются от тех, которые в настоящем принято считать обычными, о которых не возникает сомнений в их ненормальности хотя бы в одном возможном смысле «ненормальности». Но причинами для его «отклонения» *не* могут быть затруднения в приспособлении под узкие «социальные» аспекты его окружения, как в случае с нашим первым студентом, они вызваны необычным пробуждением ясного и пронизательного осознания безбрежного «космического» окружения, *к которому не существует возможности приспособления*. Макс Шелер замечает, что то, что изолирует большинство современных людей от ужасающего понимания их положения — это их безопасный и занятой образ жизни, который отталкивает от их сознания интуитивную несомненность смерти, пока не остаётся лишь рациональное знание о ней. Они представляют «среднюю», «нормальную», психически «здоровую» личность данной ступени человеческой зрелости, превалирующую в большинстве цивилизованных сообществ современности. Таков человек, находящий жизнь приятной по крайней мере внутри того ограниченного окружения, о котором он осведомлен и к которому он столь замечательно приспособился. Клинические психологи хотят, чтобы он таковым и оставался и, по сути дела, делают одним из своих главных устремлений попытку вернуть в уютное ложе сравнительно небольшое число тех, кто уже вышел за пределы узкого «социального» окружения и поэтому неспособен им наслаждаться и к нему приспособиться. Экзистенциалисты, с другой стороны, находят жизнь, прожитую в полной неосведомлённости о *космическом* положении человека, жизнью, лишённой человеческого достоинства, жизнью, которая не стоит того, чтобы её прожить. Каждое человеческое существо нужно заставить повзрослеть за пределы дающего биологические преимущества психического «здоровья», заставить предстать перед своей судьбой и открыть его глаза и разум непереносимо агонизирующему пониманию «дикого, банального, гротескного, отвратительного карнавала на мировом кладбище». Что человек затем хочет с этим пониманием делать, если вообще что-либо, не имеет значения, куда он со всей честностью, искренностью и подлинностью предстал перед выбором и принял своё решение. Он может предпочесть суифицировать и выбрать любые средства суификации, от лоботомии до ЛСД, от

конформности до безумия, от хоккея до религии, от регалий до бриджа. Для Петера Весселя Цапффе тот факт, что человек, таким образом, переоснащён пониманием собственной абсурдности — это именно то, что поднимает его судьбу до уровня гениальной трагедии (в старом, Аттическом смысле трагедии), и ответ очевиден: единственный достойный выход для человека — вымирание, не через грязный, отталкивающий и недостойный суицид, но через решение воздержаться от размножения и оставить за собой землю пустынной. Не в отчаянии, но в триумфе, наконец осознав «о чём это всё» и сказав своё финальное «хватит».

Тем не менее, эта эсхатологическая позиция, к сожалению, эпистемологически не обоснована. Она довольно оптимистична и наивна в своём предположении, что знание может быть столь легко и полно достигнуто. Люди не ангелы, живущие в вечно стабильном рае, где их глаза открыты любым возможным загадкам мира. Напротив, человеческие существа находятся только на пороге самых первых шагов к загадкам человека и космоса. Не существует ни единого предложения, которое мы можем рассматривать сегодня в качестве адекватного передатчика наших самых важных, надёжных и наиболее неоспоримо значимых утверждений, которые не могут на другом уровне познания стать объектом для ридиколя и болезненного стыда. Вброшенные в вечно изменяющуюся вселенную, человеческие существа не могут быть связаны набором жёстких правил для языка, мысли или действия. Заклячая, что мы и большинство наших ближних предпочитают существовать и увеличивать наше понимание, совершенствовать наши знания о самих себе, нашей судьбе и космическом положении, мы никогда не должны выносить любых суждений о ценности или истинности без внимательного изучения состояния имеющихся релевантных исследований. Похоже, что единственное знание, не поддающееся коррекции, которого мы достигли пока что — это тот факт, что не существует некорректируемых знаний. Давайте согласимся с экзистенциалистами, что, получив все возможные на 1967-й год знания, тяжело заключить, что участь человека во вселенной не является полным абсурдом. Для нас несомненно важно осознать это и не позволять заботить нас в сторону от этих осознаний. Тем не менее, мы несомненно способны продолжить улучшение нашего языка, концептуальных инструментов, нашего методологического

подхода и добавить в качестве и количестве к уже имеющейся информации о механизмах внутри и вокруг нас. Сложно предсказать, чего мы будем *не* в состоянии предсказать в грядущем тысячелетии. Это само по себе захватывающе. Без человека во вселенной любое последующее состояние вселенной в любой момент времени может быть предсказано демоном Лапласа с максимальной определённоностью — по крайней мере на макроскопическом уровне. С человеком в мире всё возможно. Не существует мыслимой космической катастрофы, которая не может быть создана или предотвращена, если человек приложит к ней свой разум в течении миллиона тысяч лет или около того. Следовательно, боевой клич звучит: вперёд, человек! — не потому, что у нас есть миссия в мире, не потому, что это сделает нас счастливыми или гордыми собой, но лишь потому, что мы отличаемся. Мы случайно брошены в этот мир как его единственный принцип неопределённости. Вот и всё.

ГЕРМАН ТОННЕССЕН
Профессор Философии
Старший Научный Сотрудник
Университет Альберты
ЭДМОНТОН, АЛЬБЕРТА, КАНАДА

Миша Вербицкий ***Примитив завтра***⁵²

Примитив как проект

У большинства народов есть миф о Золотом веке — прекрасной, свободной и счастливой жизни, оставшейся где-то в прошлом. В сознании человека Современности этот миф вытеснен мифом о социальном прогрессе. Но в сердцевине любого политического и религиозного учения миф о Золотом веке продолжает жить — тайно, подспудно, урывками, формируя политическую жизнь народа и цивилизации в целом.

⁵² Опубликовано в книге Джона Зерзана «Первобытный человек будущего» (Гилея, 2007).

Идеальное общество правых отстоит от настоящего на 100–200 лет. В современной России правые почитают идеалом «викторианскую Россию» и викторианскую Англию; правые XIX века почитали своим идеалом Францию периода абсолютизма, а правые тех времен вдохновлялись средневековой благочестивостью и славой крестовых походов.

По контрасту, левые видят свой идеал в будущем; но этот идеал двоятся — под тройным слоем прогрессистской фразеологии зачастую обнаруживается культ блаженной простоты, «благородного дикаря» и первобытного коммунизма.

Мифологическое по своей природе, учение о Золотом веке не подвергается рациональному истолкованию и интерпретации. Методология примитивного сознания — отказ от рационализма (а зачастую отказ от любых речевых и символических структур).

Примитивизм как проект нарочито, подчеркнуто парадоксален — попытка подведения научной, рациональной аргументативной базы под миф, отрицающий науку, рацию и аргументы.

Примитивизм есть проект политический и научный, но в первую очередь — реконструкторский. Образ жизни и сознание охотников и собирателей (собирателей и охотников, предпочитают говорить примитивисты) конструируется, собирается из мозаики — политической утопии, алхимических трактатов, лингвистики, антропологии, археологии и структурной теории.

Примитивная Америка

Возвращение к корням — тенденция, свойственная любой культуре, но особенно — культуре американской, культуре, отстоящей от своих корней без малого на 300 лет. В турбулентные моменты американской истории американцы обращаются к образу пионеров-первопроходцев и авторов Декларации независимости, вкладывая в их опыт политическое сообщение текущего момента.

К 1920-м годам левое движение в Америке лишилось своего радикального фланга — анархистов и других непримиримых выслали либо посадили. И так вышло, что пока в Европе коммунисты, анархисты и троцкисты воевали за Испанию и устраивали теракты в Югославии, самыми радикальными левыми в Америке 1930-х были тред-юнионисты и социалисты фабианского толка. Следующая волна репрессий

постигла американское левое движение в 1950-х — и умеренным разожравшимся голливудским деятелям и журналистам (растерявшим за эти годы и без того хилые запасы радикализма) пришлось всем по очереди униЗИтельно объясняться перед Комиссией по антиамериканской деятельности, доказывая, что они все ненавидят коммунистов, коммунизм и все, что относится к коммунизму. Трудно сказать, что вынесли из этого опыта разожравшиеся, но американские довоенные левые были дискредитированы всерьез и навсегда. Именно из этих сред выкристаллизовалось движение неоконсерваторов (неоконов), чьим политическим кредо (с легкой руки Лео Штрауса) стало конструирование заговоров с целью сбережения святых политических идей от грязных рук кровавой толпы.

Помимо заповедников фабианства и беззубого старомодного анархо-синдикализма в академиях, левая теория в Америке к концу 1950-х годов была изжита и целиком табуирована. Ее место заняло либертарианство — странный ублюдок «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского, пропущенный через опыт пионеров и первопроходцев — понятых либертарианцами (преимущественно евреями-иммигрантами из Восточной Европы) как оригинальные собственники и антикоммунисты. Либертарианцы учили, что основное благо есть собственность, а основное зло — государственное вмешательство; и если государственное вмешательство минимизировать (в оригинале, то есть у Эйн Рэнд — свести к защите частной собственности), в обществе сам собой устроится такой порядок, который лучше всех обеспечит население благами цивилизации. По сути, речь шла об упразднении государства (кроме силовых структур) — подобный порядок пытались построить после 1990-го года и в России. Советник президента Путина Андрей Илларионов утверждал, что Путин сам читал Эйн Рэнд и чуть ли не является ее поклонником; на этом основании Илларионов настаивал на включении оной в школьную программу.

Когда в 1940-х в Америку эмигрировали представители австрийской школы политической философии, либертарианская теория приобрела черты академической респектабельности и мало-помалу стала мейнстримом американской политической философии. Пресловутый «вашингтонский консенсус», лежащий в основе деятельности МВФ, Мирового Банка и других глобалистских структур, есть целиком и полностью продукт либертарианских представлений.

Интеллектуальная жизнь Америки начиная с 1970-х сводится к борьбе с либертарианством либо к утверждению либертарианских ценностей вместо поверженных и разлагающихся интеллектуальных структур из прошлой жизни. Но табу на левую философию, привитое американцам во время 1950-х, никуда не ушло — основным аргументом либертарианства было и остается «так-то и так-то нельзя делать, потому что это будет коммунизм и как в СССР». Это «так-то и так-то», постепенно расширяясь, распространилось на все сферы общественной жизни, вплоть до (прежде столь респектабельного) кейнсианства и тезисов о «государстве всеобщего благополучия». Табуированными оказались даже обсуждения полезности бесплатной медицины и общественного транспорта; известны случаи, когда таксисты подавали в суд на предприятия муниципального транспорта, якобы создающие им нечестную конкуренцию, и добивались отмены рейсов. Идеи социального государства были табуированы и при жизни СССР (соглашательство с русскими воспринималось как предательство), а после падения СССР эта стигма только усугубилась — левые идеи, «порочные и вредные» изначально, доказали свою «вредность и порочность» на практике.

Результатом этого стало нечто достаточно неожиданное. Пространство маневра неконформной мысли было сужено сверх всякой меры: дискурс «личных свобод» очутился в монопольном пользовании либертарианцев, а на масштабные социальные проекты было наложено табу. Импотентные, неумные, одержимые сухим догматизмом остатки «старой левой», все еще обретавшиеся в академии, делали саму идею социальных преобразований (социализма, коммунизма, анархосиндикализма) чрезвычайно неэстетичной. Движение хиппи было разгромлено и дискредитировано событиями 1968 года, Вудстоком, террором спецслужб и предательством основных участников. К концу 1970-х американский неконформизм свел себя к двум направлениям, в равной мере нигилистическим: радикальному социал-дарвинизму (смыкавшемуся с расизмом, движением в защиту оружия, скинхедством и жестким национализмом) и тотально отрицательным формам анархизма, в первую очередь движению панков и ситуационизму. И то, и другое течение манипулировало радикальной фетишистской эстетикой, смешивая де Сада, американскую трэш-культуру 1950-х, образы маргинальных христианских и псевдохристианских культов из глубинки и образы гей-культуры — от У.С. Берроуза и Tom of Finland до байкерских

банд и любителей пирсинга (изначально распространенного исключительно среди гомосексуалистов).

Обе тенденции, социал-дарвинистская и анархическая, апеллировали к ядру американской культуры — мифу о Золотом веке одиноких героев-первопроходцев, справедливости, под дулами кольта выправлявшейся самозванными служителями порядка, и тотальной войне за выживание против примитивной расы дикарей-полуживотных.

В конце 1980-х спектр тенденций нонконформизма — от анархизма до фашизма до проектов полного уничтожения человеческой расы — нашел воплощение в выпусках серии «Re/Search» и антологии «Apocalypse culture» (1987), составленной Адамом Парффри. Одним из центральных материалов «Apocalypse culture» была статья «Против агрикультуры» Джона Зерзана, положившего начало современному примитивизму; а двенадцатый выпуск «Re/Search», вышедший в 1989 году, назывался «Modern primitives». Американские радикалы пришли к отрицанию цивилизации, и хронотоп американского Золотого века сместился в эпоху, которая предшествовала ее зарождению. Тотальная война за выживание против примитивной расы опять оказалась в центре культурной битвы; но в этот раз радикалы приняли сторону примитивной расы.

Modern primitives

Поп-культура пропитана примитивизмом. Мало кто помнит, но еще 30 лет назад пирсинг был субкультурой гомосексуального андеграунда, а тату — экзотическим обычаем матросов и заключенных. За распространение этих обычаев несет ответственность движение «современных дикарей», подробно описанное альманахом «Re/Search». «Современные дикари» занимались радикальными модификациями тела, желая трансформативного опыта, но смыслом этого движения был сексуальный фетишизм.

Америка — страна чрезвычайно пуританская; большинство американцев не имело доступа к любым изображениям голых женщин вплоть до середины 1960-х. За исключением дикарей: в 1950-е и раньше, суррогатом «Плейбоя» был неизменно популярный журнал «National Geographic». В каждом номере «National Geographic» изображались голые дикари и дикарки; для большинства американцев первым (и определяющим) сексуальным опытом стало разглядывание табуированных лиц и коричневых женских сисек.

Американская контркультура 1960-х была в большой степени продуктом этого увлечения. Антропология приобрела в культуре хиппи особый статус. Антропологи считались людьми, посвященными в запретное и стыдное, раскрепощенными, освободившимися от американского тяжелого религиозного пуританства и других сексуальных комплексов. Лейтмотивом 1960-х было учение Вильгельма Райха об освобождении от сексуальных запретов как основном условии социальной революции. Поэтому антропология приобрела статус сродни марксистской экономике в начале XX века — стала онтологической базой всей совокупности революционных учений. Появились люди, выдававшие себя за антропологов. Так, Карлос Кастанеда (пока его не разоблачили) выдавал свои софтор-окультурные труды за работы по антропологии американских индейцев.

Независимо от этого (и раньше) антропология легла в основу французской философии структурализма. Клод Леви-Стросс, основываясь на работах де Соссюра по знаковым системам и Проппа по структурной теории мифа, построил методологию структурного анализа цивилизационных механизмов — от семьи и экономики до языка. Сама по себе не бесконечно революционная, теория Леви-Стросса заложила фундамент для семиологической атаки на основы цивилизации и быта, которую вели постструктуралисты (Фуко, Делёз, Лакан и другие) в 1960-е и позже. Идеи культурного релятивизма либо превосходства примитивных культур над «цивилизацией» получили в этих работах строгое научное обоснование.

Индастриал, киберпанк и рейв-культура 1990-х были рефлексией о 1960-х, пропущенной через призму учения постструктуралистов; неудивительно, что идея «современного дикаря», пирсинг, магия и ритуал стали для 1990-х центральными.

Дело было так. В Лондоне жил гомосексуалист Мистер Себастиан, которого называли в честь святого Себастьяна, пронзенного стрелами, и поэтому популярного среди гомосексуалистов. А жил Мистер Себастиан с того, что делал пирсинг другим лондонским садомазохистам гомосексуальной ориентации.

Было этих гомосексуалистов (вплоть до самого конца 1980-х) считанные десятки, в том числе Питер Кристофферсон (Слизи) и Джон Бэлэнс, составлявшие группу «Койл». Слизи и Бэлэнс сочинили музыку к фильму «Хеллрайзер», а заодно показали автору фильма (живописателю ужасов

Клайву Баркеру) свою коллекцию садистских фотографий; тот страшно обрадовался и изобразил всех монстров фильма «Хелларайзер» покрытыми многослойным пирсингом, и даже с гвоздями в голове.

Близкий друг Слизи Джenezис Пи-Орридж в то время занимался конструированием нового вида поп-культуры — рейва; познакомившись с Мистером Себастианом, Пи-Орридж сделал себе тату и пирсинг по всему телу и распространил этот обычай среди любителей рейва и киберпанка. В то время в Британии тату и пирсинг был чрезвычайно редки: британского обывателя начала 1980-х можно было до глубины души шокировать сережками, вдетыми в уши. На протяжении 1990-х британские законодатели неоднократно обсуждали законы, полностью запрещающие пирсинг. Культура, построенная на образах примитивизма, шла вразрез с британским почти тысячелетним опытом цивилизаторства и несения «бремени белого человека».

Но тщетно. Стараниями Пи-Орриджа, мистера Себастиана и его друзей-гомосексуалистов «благородный дикарь» стал центральной фигурой поп-культуры: девочки-припевочки с пирсингом бегают стайками по любому западноевропейскому либо американскому универмагу, а пропирсенные техно-шаманы осуществляют ритуальные инвокации посредством эмптопа.

«Бремя белых» обсуждать сейчас нельзя: и некрасиво, и политически некорректно.

Примитивизм как концепт

Философия примитивизма, детище Джона Зерзана, имеет весьма отдаленное отношение к «техно-шаманизму», пирсингу и прочим эксцессам модных попстеров. При всем его неоспоримом влиянии на киберпанк, рейв и другие конструкции поп-культуры примитивизм — явление серьезное и почти академическое. Речь идет о синтезе «альтернативной антропологии» (полагающей быт и хозяйство собирателей и охотников идеальным обществом, вершиной благополучия и комфорта), политической философии, восходящей к ситуационистам, и своего рода «структурной метафизики», рассматривающей мифологические и метафизические построения традиционалистов сквозь призму структурной философии.

Изначальный толчок движению был дан философией ситуационизма. Ситуационисты (предшественники постструк-

туралистов, наведших академического лоску на те же самые заключения) полагали, что современное общество (общество спектакля) превратило традиционные общественные институты (школу, работу, семью, религию) в инструменты скуки, террора и отчуждения. Самое же главное, спектакль (тоталитарный общественный институт, подменивший опыт репрезентацией опыта (масс-медиа, школы и другие инструменты промывания мозгов)) экспроприировал в пользу тирании все то, на что другие тираны посягнуть не могли, — язык, опыт и саму жизнь. Раньше люди жили сами, теперь за них это делает телевизор, а люди прячутся в ящик. Жизненные ситуации в восприятии человека, чье существование сформировано ящиком, превращаются в продолжение симулированной реальности, в еще один кубик в бесконечной череде мыльных опер, новостей и сериалов. Даже оторванная от телевизора, жертва спектакля не живет, а переживает спектакль.

Ситуационисты требовали тотального упразднения всех общественных институтов. Их журнал назывался «Потлач», в честь «экономики дара», антропологического учения, разработанного в 1920-е Марселем Моссом. Мосс полагал, что экономика примитивных племен была основана не на обмене, а на даре; в доказательство этого он описывал обычай дарения — потлач, бытовавший у американских индейцев. Одно племя дарило что-либо другому, второе племя отвечало превосходным подарком, и это продолжалось, пока одно из племен не могло ответить на дар подходящим даром; тогда индейцы сжигали свои жилища, символически отдавая их другому племени.

Поставив антропологию на службу анархизму, ситуационисты довольно подробно останавливались на преимуществах примитивной жизни в сравнении с обществом Современности. Программа примитивизма развивает эту тенденцию до логического завершения.

Пропаганда ценностей крестьянской жизни — общее место в политической теории, как правой, так и левой. Но ситуационистская и постструктуралистская критика общественных институтов не оставляет от «крестьянской жизни» камня на камне. Все эти институты, с присущим им духом террора, неравенства и скуки, появились в результате перехода от собирательства и охоты к земледелию. Если воспользоваться марксистским анализом, общественные институты (семья, организованная религия, государство) есть продукт имущественного неравенства, обусловленного возникнове-

нием излишков, а излишки появились в результате перехода к агрикультуре.

Поэтому необходимо опровергнуть агрикультуру. Критика земледелия со всех возможных позиций (от экологии до метафизики и марксистского анализа) — ключевая догма примитивизма. Примитивисты, пользуясь заключениями современной антропологии, доказывают, что собиратели и охотники жили свободно, комфортно и отличались завидным здоровьем, а агрикультура превратила их жизнь в кошмар рабства, бедности и болезней. Не все антропологи согласны с этим, но эта точка зрения более распространена, чем полагают люди, далекие от науки.

По мере развития философия примитивизма включила в себя широкие пласты архаической и архаизированной мысли — от алхимии и магии до традиционализма по Эволе и Генону. Традиционалисты, следуя за Геноном, полагали, что общество развивается от традиционного (снабженного божественной иерархией и божественным порядком) к дегенеративному, иерархией и порядком не снабженному, и реконструировали Традицию исходя из архаических культов, алхимических трактатов и сохранившихся магических ритуалов. Примитивистам совершенно не близко геноновское стремление восстановить божественную иерархию (и иерархию вообще: иерархия — анафема для анархиста). Но реконструкционистский пафос традиционализма они восприняли целиком — вплоть до публикации на сайте primitivism.com алхимических трактатов и трудов по териоантропии (технике перевоплощения в животных).

Позитивная программа примитивизма (добровольное сокращение человечества в две тысячи раз, полное уничтожение технических устройств и расселение оставшихся 30 миллионов в тропических областях в попытке восстановить собирательно-охотничий образ жизни) находит понимание разве что у радикальных экологов, настаивающих на добровольном уничтожении человечества в целях охраны окружающей среды (Зерзана в этой программе предвосхитил другой великий утопист, традиционалист, биолог и консервативный революционер Константин Мережковский, избравший подобное общество в романе «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь. Сказка-утопия XXVII века»). Но критическая составляющая примитивизма — обличение ужасов технологии, отчуждения, спектакля, лицемерных лжепримитивистов, любителей «счастливых пейзажей» и «безмятежной Аркадии», пастухов и земледельцев — никакому сомнению

не подлежит. Миф о земледельческом рае, восходящий к Гесиоду, подобен современным чаяниям «Викторианской России» и возвращения к блаженным временам «свободной торговли», пуританизма, работорговли и огораживаний — нечестный, некрасивый и фундаментально нечистоплотный, этот миф был тотально лжив и тогда, когда его изобрели. А сейчас, когда земледелие превратилось в одно из самых неблагодарных, трудоемких и низкооплачиваемых занятий, когда земледельцам больше платят за то, чтобы они не выращивали зерна и не производили молока, а произведенное молоко тоннами выливают в море, пропаганду крестьянских ценностей следует квалифицировать как опасное головотяпство.

Пагубность технологической цивилизации, бессмыслица и абсурд современного существования, идиотизм «прогресса», порабощения масс у станка и компьютера с целью развития ненужных производств с целью безграничного повышения потребностей, порабощение масс у тележщика для того, чтобы стимулировать повышение производства никому оправданию не подлежат. Общество абсолютной несвободы и абсолютного потребления должно быть уничтожено; уничтожено любой ценой.

Наследие короля Лудда

На заре Нового времени миф о Золотом веке незаметно преобразовался в миф о свободе, равенстве, братстве. Вооруженные «свободой, равенством, братством», войска Наполеона прокатились по Европе, сметая все на своем пути; это существенно дискредитировало как «свободу, равенство, братство», так и руссоистское представление о примитивном человеке как источнике этих качеств.

Современная критика примитивизма ярче всего выражена Фрейдом. В антропологических работах 1930-х годов (в первую очередь «Das Unbehagen in der Kultur» — «Civilization and its discontents») Фрейд утверждает, что примитивные, антисоциальные, первобытные импульсы суть источник конфликта (как внутреннего, так и общественного), и механизм подавления всего примитивного, сексуального и некультурного жизненно необходим во имя блага цивилизации и человечества в целом. Ученик и оппонент Фрейда Вильгельм Райх утверждал, напротив, что источник всех проблем в общественной жизни (несвободы, неравенства, фашизма) — не примитивные импульсы, но их подавление, а утопия достижима в обществе тотально свободном от ограничений в

половой сфере и других ограничений. Для 1960-х эта точка зрения стала определяющей.

В постструктуралистской критике 50–60-х (Батай, Фуко, Делёз) роль культуры и цивилизации прочитывается однозначно по Фрейду/Райху — как механизмов власти и репрессий. Левая политика, питаемая подспудно мифом о Золотом веке, обрела в постструктурализме чрезвычайно эффективный язык для апологетики примитива. В свете примитива тенденции мейнстрима левой политики (мультикультурализм, экологизм, феминизм) обретают неожиданно новое, пугающее и радикальное звучание.

Ситуационизм, политическое течение ультраанархического толка, питавшее постструктуралистскую философию (и питавшееся ею) превратило антицивилизаторскую парадигму постструктуралистской критики в полноценное политическое движение. Ситуационисты составляли подробные планы упразднения труда, экономики, медиа, сложившихся форм городской жизни во имя свободы личного случая, коллективного творчества, любви и террора. Своими предшественниками (среди целой серии безумных и красочных революционных движений прошлого) ситуационисты почитали луддитов, британских ремесленников 1810-х годов, разрушавших механизмы, поскольку механизмы угрожали традиционному способу производства.

Впрочем, сами ситуационисты с технологиями как таковой бороться не спешили — напротив, предпочитали замечать труд всеобщей механизацией. Антитехнологическое движение луддизм (или, правильнее, неолуддизм), напротив, предполагает уничтожить все механизмы как вредоносные либо (в менее радикальном варианте) запретить технический прогресс. Носителями неолуддизма оказываются в основном радикальные экологи и защитники прав животных. На правом фланге луддитов, впрочем, тоже достаточно — Фрэнсис Фукуяма, изобретший «конец Истории», выступает за скорейшее запрещение фундаментальных научных исследований (без которых, естественно, никакого «конца Истории» не будет).

И на левом, и на правом фланге неолуддизма немало террористов: активисты борьбы с абортами взрывают клиники за то, что там производятся аборт, а борцы за права животных взрывают те же самые клиники за то, что там на животных делаются эксперименты. Но самым известным террористом — сторонником луддизма был, без сомнения, Унабомбер.

Самый страшный террорист

История Америки второй половины XX века знает десятки политических убийц, сотни массовых убийц-маньяков и тысячи преступных убийц-полицейских и секретных агентов. В сравнении с Европой одного не хватает Америке: терроризма. Со времен анархистов 1920-х (безжалостно уничтоженных в обход законов и судебной процедуры) терроризм был забыт вплоть до 1970-х. Именно поэтому математика и милитанта Теда Качински (Унабомбера) называли «наиболее пугающим преступником Америки».

На протяжении 17 лет Унабомбер (название принадлежит ФБР) терроризировал Америку: посылал бомбы по почте, минировал офисы фабрикантов и промышленников, взрывал лаборатории. За его голову была назначена награда — миллион долларов. Взрывы были маломощными: террор, а не убийство — цель Унабомбера. С мая 1978 и до 1995 года было произведено 16 взрывов; трое убитых, 23 раненых. Бомбы сделаны по примитивным и проверенным временем рецептам поколений анархистов Америки и Европы. На бомбах нацарапаны буквы: FC (Freedom Club, «Клуб Свободных»). Унабомбер присылал некоторым из жертв письма, где от имени своей организации объяснял, зачем взрывы.

ФБР выпустило скетч — портрет Унабомбера, выполненный по данным психологов и по отрывочным сведениям об его внешности.

Летом 1995 года Унабомбер посылает письмо в «Нью-Йорк таймс», где предлагает прекратить террор в обмен на публикацию в газете его манифеста. Боб Гучионе, миллионер и редактор порнографического «Пентхауза», умоляет Унабомбера опубликовать его работу в журнале и предлагает ему ежемесячную колонку. Довольно скоро манифест выходит отдельной книгой объемом больше двухсот страниц и очень бойко продается. «Клуб Свободных» находит горячих сторонников — в основном среди той самой технической интеллигенции, против которой направлен унабомберский терроризм и риторика. Бостонская культур-террористическая группа «Церковь эвтаназии» ведет президентскую кампанию Унабомбера, с полным набором плакатов и агитационного материала. Продажа наклеек на бамперы машин принесла «Церкви» 25 тысяч долларов. Лозунги: «Улыбайтесь! Вы под наблюдением» и «Альтернативы нет — голосуйте за Унабомбера!»

Книга Унабомбера написана сухим ученым языком, четко и продуманно. Критика левой мысли, политической корректности и гуманизма перемежается с апокалиптическими (хотя, несомненно, верными) предсказаниями о будущем технологической революции. Научно доказывается, что развитие технологии, особенно компьютерных сетей и генной инженерии, несовместимо с сохранением индивидуальной свободы. Из этого делается сомнительный вывод о необходимости возвращения к каменному веку.

Через несколько месяцев после публикации брат Теда Качински Дэвид обратился в ФБР с доносом, цитируя письма Теда и указывая на их сходство с публикацией. Унабомбер был арестован. Оказалось, что Качински жил в Монтане в домике посреди гор, без ванной и туалета (последнее особенно шокировало американцев) и добывал себе пропитание охотой. Два года он был профессором математики в Институте Калифорнии в Беркли, а перед тем учился в Гарварде и Анн-Арборе (Мичиган); преподаватели вспоминали Качинского как чрезвычайно одаренного, почти гениального, студента. Но в 1969 году он бросил Беркли — и с тех пор жил в лесной хижине, медитируя о пагубности цивилизации и рассылая бомбы инженерам и бизнесменам.

Публикации и последующий арест Качинского сделали для победы примитивизма больше, чем все пропагандисты за историю движения. Когда газетчики пронюхали, что маргинальный орегонский философ, анархист и активист Джон Зерзан переписывается с Унабомбером, который почитает Зерзана своим авторитетом и чуть ли не учителем, — Зерзан, вслед за Унабомбером, стал всеамериканской знаменитостью.

Современную историю примитивизма следует отсчитывать от публикации «Манифеста Унабомбера», но основным теоретиком и движущей силой этого течения был и остается Зерзан.

Наследник короля Лудда

Джон Зерзан родился в 1943 году в городе Сейлем на западе Америки и прожил почти всю жизнь в Орегоне; его родители были небогатыми эмигрантами из Чехословакии. 1960-е и 1970-е Зерзан провел в Калифорнии, обучаясь там политологии, истории и социологии.

В конце 1960-х Зерзан стал организатором профсоюзного движения в Сан-Франциско и подвергся за это жестокой

критике калифорнийских ситуационистов (враждебно относившихся к левым вообще и к рабочим и профсоюзным организаторам в частности). В скором времени и сам Зерзан разочаровался в левом движении. Рабочие организации, чьей целью, казалось бы, является сопротивление системам власти, оказываются в плену такой же жесткой иерархической организации, в сущности, точно такой же авторитарной пирамидки, как и большая пирамида корпоративной власти. Зерзан стал убежденным анархистом.

Близкая родственница Джона Зерзана Кейтен Зерзан состояла в известном движении «Weather Underground». Участники «Weather Underground» взорвали немало бомб в различных государственных учреждениях (в Пентагоне, Капитолии и калифорнийском управлении тюрем).

В 1975 году Зерзан поселился в университетском городке Юджин (Орегон), населенном немалым количеством анархистов, и вскоре оказался одним из столпов радикальной политики города. Зерзан основал коллектив «Зеленая Анархия» (Green Anarchy), и стал одним из редакторов-корреспондентов журнала «Анархия» («Anarchy: a Journal of Desire Armed»).

В журнале «Анархия» Зерзан предлагал (вслед за ситуационистами) новое видение анархизма, очищенное от всех пережитков левого движения: организации, ориентации на рабочий класс, морализма, восхваления труда как ценности. Подобной позиции придерживался Джейсон Маккуин (основатель журнала «Анархия») и Боб Блэк, написавший в 1990-е программные книги «Анархия после лефтизма» и «Увядающий анархизм» (обе книги наполовину состоят из замечательно едкой полемики с морально обанкротившимися академическими лжеанархистами, такими как Мюррей Букчин). Зерзан, историк по образованию, привнес в эту критику особо душистый цветок в виде статьи «Радикализм в низовых структурах Ку-клукс-клана в 1920-х» (1993), где он, с большой симпатией к Ку-клукс-клану, проводит параллели между последним и рабочим движением, разоблачая лефтистский миф о реакционности Ку-клукс-клана (за что был немедленно записан в фашисты и подвергнут обструкции со стороны особо нервных английских защитников политкорректности).

Согласно Зерзану, Ку-клукс-клан 1920-х был движением не национальным и тем более не расовым, а в первую очередь социальным; в подтверждение он приводит случаи совместных акций ку-клукс-клановцев и левых тред-юнионистов, рассказы очевидцев (среди прочих — Маргарет

Сенжер, одна из наиболее влиятельных феминисток того времени). Цитирует он и свидетельство историка Кэтлин Бли об организации «цветных ячеек» для негров в составе Клана.

В 1984 году в Англии начал издаваться журнал «Green Anarchist» («Зеленый анархист») аналогичной (антилефтистской, экологической и примитивистской) ориентации. В отличие от американских левых, встретивших новые веяния в анархии довольно вяло, английские активисты подвергли «Зеленый анархист» массовой кампании доносов по инстанциям; доходило до издания брошюр, где гражданину начальнику разъясняли, почему «зеленые анархисты» на самом деле не анархисты, а опасные леваки, террористы и любители фашизма. Все это кончилось довольно печально — в 1997 году, после долгого судебного процесса, издателей «Зеленого анархиста» пересажали. В кампании оповещения властей об их опасной сущности особенно отличился известный «прозаик» Стюарт Хоум (автор книги «Минет» и других таких же книжек).

Все это, видимо, связано с тем, что в Англии и Европе левые ужасно грызутся из-за грантов.

198

Начав критиковать Современность примерно с той же точки, где остановился «Коммунистический манифест» (отчуждение и разделение труда), Зерзан мало-помалу перешел к критике вещей более фундаментальных. Ситуационисты, исходя из той же самой концепции отчуждения, отвергли труд как инструмент реакции и террора. Зерзан продолжил их критику опровержением земледелия и скотоводства, а в скором времени перешел к фундаменту всех репрессий и террора — языку, культуре, числу и знаку — и написал об этом несколько прекрасных книг.

Став после истории с Унабомбером чем-то вроде знаменитости, Зерзан нисколько не изменил свой образ жизни — он не использует (и не имеет) автомобиля, живет на пособие, зарабатывает на жизнь, сдавая кровь, и подрабатывает санитаром. Его идеи оказались чрезвычайно влиятельны после начала антиглобалистских выступлений — колоссальный успех антиглобалистов и разрушения, причиненные ими на известном ралли в Сизтле, приписывали влиянию идей Зерзана. Сам Зерзан, впрочем, в Сизтл не поехал.

Не подобает анархисту быть лидером, считает Джон Зерзан.

Анархия — это когда никаких лидеров нет.

Михаил Лифшиц **Почему я не модернист?⁵³**

Написав это заглавие в стиле Бертрانا Рассела, я должен найти столь же краткую формулу ответа. Не помешает, если ответ будет носить парадоксально заостренный характер. Нужно следовать законам жанра.

Итак, почему я не модернист, почему всякий оттенок подобных идей в искусстве и философии вызывает у меня внутренний протест?

Потому что, в моих глазах, модернизм связан с самыми мрачными психологическими фактами нашего времени. К ним относятся — культ силы, радость уничтожения, любовь к жестокости, жажда бездумной жизни, слепого повиновения.

Может быть, я забыл что-то существенное в этом списке смертных грехов двадцатого столетия, но мой ответ и так длиннее вопроса. Мне кажется, что модернизм есть величайшая измена служителей духовного ведомства, мандаринов культуры — *la trahison des clercs*, по известному выражению одного французского писателя. Обывательское припособление профессоров и литераторов к реакционной политике империалистических государств — это мелочь по сравнению с евангелием нового варварства, заключенным в самых искренних и невинных исканиях модернистов. Ибо первое есть как бы официальная церковь, основанная на соблюдении традиционных обрядов, второе же — это общественное движение, добровольное мракобесие, современная мистика. Не может быть двух мнений о том, что опаснее для людей.

Автор, имеющий дерзость писать об этом предмете с такой прямотой, должен готовиться к самым резким возражениям.

⁵³ Статья написана в 1963 году для пражского журнала *Estetika* и напечатана в нем (1964, № 4), а также в журнале *Forum* 1966, № 6 (ГДР).

— Как! Вы нарисовали портрет немецкого штурмовика или итальянского чернорубашечника и хотите уверить нас в том, что это ближайший родственник знойного Матисса, нежного Модильяни, угрюмого Пикассо?

Нет, разумеется. Я ничего не замышляю против моральной репутации этих лиц. И все же — не отнимайте у нас возможности судить об исторических явлениях независимо от оценки личности того или другого деятеля. Бакунин был человеком большого революционного сердца, и тем не менее анархизм, по выражению Ленина, это вывернутая наизнанку буржуазность.

Однако Гитлер преследовал так называемое современное искусство, он объявил его заразой и вырождением. Разве вам неизвестно, что носители тонкой эстетической культуры авангарда бежали от нацистов на Запад?

Мне это, конечно, известно. И все же позвольте успокоить ваше волнение одной маленькой притчей, взятой из жизни. В 1932 году национал-социалистическое правительство Ангальта закрыло Баухаус в Дессау, известный рассадник «нового духа» в искусстве. Этот акт был достаточно ярким симптомом предстоящей политики третьей империи. Тогда же парижский журнал *Cahiers d'art*, издаваемый влиятельным сторонником кубизма и последующих течений Кристианом Зервоссом, ответил на печальную новость из Германии следующей заметкой (№ 6—7): «Национал-социалистическая партия по причинам, которые нам непонятны, обнаруживает решительную враждебность к подлинно современному искусству. Такая позиция кажется тем более парадоксальной, что эта партия хочет прежде всего привлечь к себе молодежь. Допустимо ли впитать элементы юные, полные энтузиазма, витальной силы, творческих способностей, чтобы снова погрузить их в лоно устаревших традиций?»

Ах, ты не понимаешь, падло? Ну-ка, Гейнц, Фриц, объясните ему!

И они объяснили.

Вот вам реальная картинка европейских нравов накануне гитлеровской вальпургиевой ночи. Каким пресмыкательством веет от этой заметки и как она верно рисует то преклонение перед мнимой юностью варваров, которое привело к духовному Мюнхену тридцатых годов. В глубине души сторонники «подлинно современного искусства» были охвачены тем же культом витальности, стихийной силы, и тот же ветер

унес их вдаль от берегов «либерально-марксистского девятнадцатого столетия».

Я понимаю, что издатели парижского журнала — люди тонкие, культурные, далекие от площадной демагогии, которая нуждалась в уроках кустарного Heimatkunst. Быть может, они представляли себе молодость мира, свободного от канонов и норм, совсем иначе. И, разумеется, они вовсе не ждали такого поворота со стороны пришедших к власти мелких бесов литературной богемы, бульварных писателей, излагавших миф двадцатого века языком Ницше и Шпенглера, разведенным слюною бешеной собаки.

Сам Ницше питал отвращение к плебейской безвкусице пивных политиков, и он, безусловно, отрекся бы от своих духовных детей, а Шпенглер успел еще при жизни отречься от них с точки зрения более респектабельного буржуазного цезаризма... Но логика вещей действует сама по себе. И существует страшная месть, которую Маркс и Энгельс, в духе Гегеля, называли иронией истории.

Вы хотели витальной силы, вы пресытились цивилизацией, вы бежали от разума в темный мир инстинктов, вы презирали массу в ее стремлении к элементарным основам культуры, вы требовали от большинства слепого подчинения иррациональному зову сверхчеловека? Ну что же, пожалуйста, получите сполна все, что вам причитается.

Вот еще одна странная история. В 1940 году престарелый Анри Бергсон в сопровождении сиделки отправился на регистрацию в немецкую комендатуру Парижа. Говорят, что это был его последний выход — всемирно известный мыслитель скончался, не дождавшись Освенцима. Кто может сказать, что этот человек не был талантлив и по-своему честен? Последнее доказано, между прочим, тем, что он пожелал разделить судьбу своих соплеменников, хотя давно отошел от еврейства.

И все же существует один непреложный факт. Анри Бергсон был лидером нового философского направления, которое в начале века совершило далеко идущую переоценку ценностей. Он раньше других объявил шах королю — поставил вопрос об отречении разума от его наследственных прав. С этого времени все изменилось в царстве идей. На первый план вышли бароны витальной силы и жизненной активности. Страдание упало в цене, жестокость стала признаком благородства. Бесчисленные поклонники Бергсона и Джемса еще до первой мировой войны созрели для идеалов насилия. А впереди уже виднелись другие фигуры. Герой одного из

романов Монтерлана (Le Songe, 1922) в поисках «отрицания ума и сердца» стреляет в лицо первому немцу, поднявшему руки вверх.

Само собой разумеется, что все это не было чисто французским открытием. Напротив, по ту сторону Рейна происходила еще более мрачная эволюция. Никто не подозревал, что хилая «воля к власти» мыслителей-декадентов может привести к такой реальности, как расовые законы третьей империи. Какая дьявольщина вмешалась в эту игру? Не наше дело; довольно того, что это произошло.

Конечно, не философы делают события, а события делают философов, иначе вина последних была бы слишком велика. Однако вина все-таки есть. Древние греки называли трагическое ослепление именем особой богини — страшной Ате. Когда философия делает своим принципом слепоту, а не зрение, когда она ищет союза с темными силами ночи, ей нечего жаловаться на мир. Вы приняли условия задачи — решение уже не зависит от вас. Вот почему последние дни Анри Бергсона были жестокой шуткой истории.

Можно было бы привести немало других примеров, но ближе всего к нашему историческому сюжету судьба немецкого мыслителя Теодора Лессинга, убитого нацистами в августе 1933 года. По своим личным взглядам он, разумеется, был далек от нацизма, да и не мог иметь с ним ничего общего. Однако философия истории Лессинга, его идея бессмысленного потока фактов и сил, его война с «духовностью» современной культуры, его полемика против объективной истины и призыв к откровенному мифотворчеству — все это по-своему вошло в предысторию гитлеровской Германии. Ты этого хотел, несчастный Жорж Данден!

Могут сказать, что непосредственной связи между учением Теодора Лессинга и пулей убийцы нет. Разумеется, нет. Теперь никто не верит в мудрое провидение, ведущее нас к высшей цели посредством наград и наказаний. Это детские сказки. В мире фактов все идет по законам естественно-исторической необходимости. Но религиозная фантазия все же имеет свои причины, она представляет собой плохую копию действительных отношений. Провидения нет, а естественная связь вещей, не лишенная нравственного смысла, есть. И когда она неожиданно проявляется в судьбах народов и лиц, мы присутствуем при рождении трагедии или, чаще, трагикомедии.

Мне скажут, что есть большая разница между тонкой, иногда в каких-то чертах оправданной полемикой кабинет-

ного мыслителя против неограниченной власти интеллекта и знаменитой фразой Шлагетера в драме нацистского писателя Йоста: «Когда я слышу слово «культура», я спускаю предохранитель на моем револьвере!» Действительно, разница есть. Все очень сложно в этом мире, самом сложном из миров. Часть создателей *esprit nouveau*, «нового духа» в искусстве и философии, сочувствовала фашизму в его различных версиях — имена достаточно известны, начиная с Маринетти. Другая часть волею судеб испытала на себе его тяжелую руку. Мы знаем также, что национальный подъем отсталых народов нередко сочетается с «бурей и натиском» новых художественных течений. Нельзя отрицать столь очевидные факты. Среди модернистов бывают люди необычайной внутренней чистоты, мученики, даже герои. Одним словом, бывают хорошие модернисты, но не бывает хорошего модернизма.

Здесь дело обстоит так же, как в области религии. Католические монахи страны басков сражались на стороне республики против Франко, а в дни падения режима Муссолини в Италии некоторые священники вызывали «Интернационал» на своих колокольнях. Это наши братья, они ближе к нашему марксистскому исповеданию, чем политиканы, повторяющие марксистские фразы ради карьеры. Среди верующих есть немало людей, достойных уважения. Однако хорошей религии не бывает, ибо религия всегда невидимыми нитями связана с веками рабства.

Поэтому не торопитесь ликвидировать наследие эпохи Возрождения и свободной мысли девятнадцатого века. Не повторяйте вместе с толпой современных мещан, что это болотные огни в темной ночи тысячелетий, а не зарницы, освещающие путь в будущее. Не обращайтесь свой взор к новому средневековью, подобно пророкам регресса, или не жалуйтесь, если вас заставят верить в абсурд и укажут вам, что именно следует считать прекрасным, во избежание палки или чего-нибудь похуже. Ведь это и есть мир духовного примитива.

Могут возразить, что мои примеры касаются мастеров создавать теории, а это народ менее уважаемый в настоящее время, чем люди искусства. Ну что же — возьмем художников.

Пикассо был недоволен тем, что в революционных странах придают большое значение музеям и вообще просвещению широких масс в духе классического наследия. Он сказал в 1935 году Кристиану Зервосу: «Наши музеи —

сплошная ложь, люди, занимающиеся искусством, большею частью обманщики. Не понимаю, почему в революционных странах больше предрассудков насчет искусства, чем в странах упадочных! Мы обратили на картины, висящие в музеях, все наши глупости, все наши ошибки, всю нашу бездарность. Мы сделали из них что-то жалкое и смешное. Мы цепляемся за фикции, вместо того чтобы почувствовать внутреннюю жизнь тех, кто сделал эти картины. Нужна тотальная диктатура... диктатура художников... диктатура одного-единственного художника... чтобы уничтожить тех, кто обманывал нас, уничтожить шарлатанство, уничтожить предметы обмана, уничтожить привычки, уничтожить очарование, уничтожить историю и всю остальную кучу хлама. Но здравый смысл всегда побеждает. И нужно прежде всего совершить революцию против него! Истинный диктатор будет побежден диктатурой здравого смысла... Возможно, не всегда!»

Грустно читать эти строки, особенно, если вспомнить, что в 1935 году тотальный диктатор уже явился. Это был диктатор-художник, или неудавшийся художник, все равно. Я имею в виду Гитлера, ведь биография его именно такова. Почему-то все диктаторы, начиная с Нерона, воображают, что они очень сильны в искусстве.

Мне скажут — Пикассо хотел другого. Разумеется, кто же станет в этом сомневаться? Будьте уверены в том, что я ценю политические взгляды Пикассо и благородство его намерений. Что же касается мировоззрения, то он, по крайней мере, неосторожен в мыслях.

Всякое обращение к силе, способной гнать тупую массу в царство новой красоты пестом железным, правда, во имя ее собственной пользы — вещь опасная. Просвещенного деспотизма не бывает, деспотизм всегда непрощенный. Кроме того, палка имеет два конца, об этом тоже не следует забывать. Если под именем «революционных стран» Пикассо имел в виду Советский Союз, то слава богу, что мечта о «тотальной диктатуре» в области искусства не была принята нашим обществом. Поскольку же некоторые явления этого типа в прошлом известны, они не имеют отношения к принципам социалистического строя и являются злоупотреблением властью, подобно другим беззакониям.

В годы моей юности модернисты были очень сильны в революционной России, и они охотно пускали в ход палку, не подозревая, чем это обернется для них впоследствии. Народный комиссар Луначарский с трудом сдерживал напор

ультралевых, следуя в этом прямому требованию Ленина, и Ленин все же упрекал его за недостаток твердости. Илья Эренбург как-то не сошелся в мнениях с Мейерхольдом, известным левым режиссером, который в начале революции стоял во главе театрального отдела Народного комиссариата просвещения. Недовольный эстетическими взглядами Эренбурга, Мейерхольд, не долго думая, вызвал коменданта и приказал ему арестовать собеседника. Тот отказался, не имея права производить аресты. Илья Эренбург рассказывает это в своих воспоминаниях как милую шутку, овеванную дымкой прошлого, а мне жутко. Помню Мейерхольда в другой, более поздний период, когда меч уже висел над его головой — глубоко, искренне жаль человека, художника. Сколько трагедий и сколько в них горького смысла! «Страданиям учимся», размышляет хор в «Орестее» Эсхила.

Культ силы и вкус к разрушению, присущие всякому модернизму, представлены тем же Эренбургом в лице Хулио Хуренито, мечтающего о голом человеке на голой земле. Война и революция для него — ступени к этой заветной цели; чем хуже — тем лучше. «Великий провокатор», созданный воображением писателя, был недоволен умеренностью русских коммунистов, особенно в области культуры, а Ленину понравился роман Эренбурга. В образе Хулио Хуренито и во всей окружающей его атмосфере нашла себе отражение сила, которую Ленин хорошо понимал, считая ее самым страшным врагом коммунизма, хотя она сыграла определенную роль в разрушении старой России. Сила эта — мелкобуржуазная стихия, способная уничтожить, смести до полного основания элементарные основы культуры, стихия, несущая в себе великое Ничто, дыхание пустыни.

Эта сила изменчива и многолика. Если бы Хулио Хуренито не покончил самоубийством, разочарованный тем, что Ленин желает сохранить наследие прошлого, развивая его положительные ценности в том же направлении, если бы «великий провокатор» дожил до более поздних времен, кто знает — может быть, он оказался правой рукой Ежова или Берия. Я представляю себе его также в виде мецената, поддерживающего помпезный стиль псевдореалистических произведений, изображающих банкеты, приемы и другие торжества. Почему бы нет? Разве кустарная мазня не ценится теперь во всем мире под именем «современного примитива»? Разве уже Анри Руссо не вытащил на поверхность дебри мещанской души, или он не является классиком модернизма? Разве сюрреалисты не вычерчивают детали своих произве-

дений с такой тщательностью, которой может позавидовать любой академический живописец? Возможен еще невиданный модернизм на основе викторианского стиля, сохраняющий все признаки жанровой живописи девятнадцатого века.

Когда говорят, что Гитлер стоял за реальные формы изображения, позвольте ответить, что это неправда. Во-первых, в официальном искусстве третьей империи было немало обычной модернистской позы. Это фальшивое восстановление реальных форм часто напоминает мюнхенскую «новую вещественность», эта напыщенная патетика, стремление к монументальному — насквозь пропитаны идеей условной лжи. Нечего говорить об Италии, где официальное положение занимали футуризм Маринетти и бутафорский неоклассицизм, вышедший из того же распада.

Во-вторых, социальная демагогия реакционных сил всегда заимствует у своего смертельного врага внешние черты. Это необходимо для привлечения толпы, «человека улицы». Достаточно вспомнить само название гитлеровской партии. Существует множество «социализмов», не имеющих ничего общего с действительным содержанием этого понятия. Разве из-за этого следует отказаться от социализма? Старая легенда гласит, что Христос и Антихрист похожи друг на друга. И действительно, в роковые минуты истории такие оптические иллюзии — не редкость. Но горе тому, кто не умеет отличить живое от мертвого. Прежде всего нужно отбросить внешние аналогии, которыми охотно пользуются враги социализма, смешивая болезни нового общества с гнойными язвами старого мира.

В-третьих, будущее рождается в муках. «Страданием учимся», и тот, кто думает, что подъем искусства из глубокой ямы, в которой оно оказалось (по признанию многих авторитетных свидетелей разных направлений), может протекать иначе, просто очень нервный господин. Литература, конечно, более счастлива, чем живопись, хотя бы потому, что ее сильное время не так далеко от нас. Традиция классического реализма в литературе еще жива, о чем свидетельствуют посвоему и многие произведения современных западных писателей, имеющих большой успех в Советском Союзе (часто больший, чем у себя на родине).

Однако вернемся к Пикассо. Чтобы доказать нашу ложность, сравним его с Бальзаком. В одном из своих романов великий французский писатель создал утопию социального бонапартизма. Не успел он умереть, как явился Наполе-

он III, и утопия Бальзака осуществилась в виде ужасной карикатуры. Оправданием для Бальзака и Пикассо может служить то обстоятельство, что идеи более глубокие и верные осуществляются часто в очень уродливом виде. Реальной истории не прикажешь, у нее свои пути, и единственный вывод, который можно отсюда сделать, состоит в том, что исходная мысль нуждается в более конкретном развитии, позволяющем извлечь максимум пользы из неожиданных поворотов истории. Что же касается таких идей, как идея тотального диктатора-художника, ликвидирующего историю, чтобы насильственно утвердить повсюду кубизм, абстрактное искусство или другой современный вздор, то подобных идей лучше вовсе не иметь.

Беседа Пикассо с Зервосом была напечатана в № 7—10 *Cahiers d'art* за 1935 год. Когда Зервос хотел показать свои заметки художнику, тот ответил: «Вам нет надобности показывать их мне. В наше убогое время важнее всего создавать энтузиазм. Многие ли читали Гомера? Тем не менее весь мир говорит о нем. Так было создано гомеровское суеверие. И подобное суеверие вызывает драгоценное возбуждение. Энтузиазм — вот что прежде всего необходимо нам и молодежи».

У меня нет никакого желания обвинять в чем-нибудь Пикассо. К тому же ему приходилось выслушивать от своих соперников по модернизму более грубые вещи, чем то, что я хочу сказать. Мне важно только отметить главные черты мировоззрения, которое предлагается нам в качестве путеводной звезды будущего искусства — отказ от реального образа, в котором Пикассо видит пустую иллюзию, то есть обман, и утверждение намеренной фикции, возбуждающей энтузиазм, то есть сознательный обман, мифотворчество. За неимением места оставим в стороне общественные причины, вызывающие эти странные, внутренние противоречивые фантазмы и проявление их в потоке форм, рожденных «подлинно современным искусством».

Скажем только, что основная внутренняя цель такого искусства заключается в подавлении сознательности сознания. Бегство в суеверие — это минимум. Еще лучше — бегство в немыслимый мир. Отсюда постоянные усилия разбить зеркало жизни или, по крайней мере, сделать его мутным, невидящим. Всякому изображению нужно придать черты чего-то «непохожего». Таким образом, изобразительность убывает, в итоге — нечто свободное от всяких возможных ассоциаций с действительной жизнью.

Основатель сюрреализма Андре Бретон жаловался однажды на то, что демон реального воображения силен. Прежде достаточно было представить на полотне несколько геометрических фигур, чтобы исключить всякие ассоциации. Теперь этого уже мало. Сознание настолько изоширилось в своей самозащите, что даже абстрактные формы напоминают ему что-то реальное. Значит, нужна еще большая отрешенность. И вот является антиискусство, поп-арт, состоящее главным образом в демонстрации реальных вещей, обведенных невидимой рамкой. В известном смысле это — конец длинной эволюции от реального изображения к реальности голого факта.

Тут, кажется, цель достигнута — духовная жизнь умерла, червь сознания раздавлен. Но это пустая иллюзия. Попытки больного духа выйти из собственной кожи бессмысленны, безнадежны. Вращение рефлексии вокруг себя рождает только «скучную бесконечность», неутолимую жажду другого. И если всякое явление нужно рассматривать согласно его же собственному закону, то «современное искусство» может понять лишь ум, посвященный в эту мистерию. Все остальное — либо наивное обывательское приспособление к последней моде, либо недобросовестно-фразерское рассуждение заинтересованных людей, желающих провести свой груз под чужим флагом.

Да, «современное искусство» — более философия, чем искусство. Это философия, выражающая господство силы и факта над ясной мыслью и поэтическим созерцанием мира. Жестокая ломка реальных форм означает порыв слепой озлобленной воли. Это месть раба, его мнимое освобождение от ига необходимости, простая отдушина. И если бы только отдушина! Существует фатальная связь между рабской формой протеста и самим угнетением. Согласно всей новейшей эстетике искусство действует гипнотически, травмируя или, наоборот, отупляя и успокаивая лишенное собственной жизни сознание. Короче, это искусство толпы, управляемой посредством внушения, способной бежать за колесницей цезаря. Перед лицом такой программы я голосую за самый посредственный, самый эпигонский академизм, ибо это — меньшее зло. Но, разумеется, идеал мой в другом, как может понять читатель.

Люди, принимающие с восторгом откровения, приведенные выше в передаче Зервуса, не имеют никакого права жаловаться на теорию «большой лжи» в политике, на мифологию, создаваемую при помощи радио, прессы, кинемато-

графа, на «манипуляцию» человеческим сознанием со стороны сильных мира сего, на «конформизм» и тому подобное. Модернисты никогда не были против подобных методов. Напротив, их идея — это массовый гипноз, «суггестивное воздействие», подъем достаточно темного энтузиазма, а не разумное мышление и светлое чувство правды. Модернизм есть современное, не вполне искреннее суеверие, очень похожее на то, которое в поздние времена Римской империи рождало веру в чудеса Аполлония Тианского.

Однако для утверждения этого суеверия приведены в действие вполне современные средства. Приходят на память слова Льва Толстого об «эпидемических внушениях», производимых с помощью печатного станка.

«При развитии прессы сделалось то, что как скоро какое-нибудь явление, вследствие случайных обстоятельств, получает хотя сколько-нибудь выдающееся против других значений, так органы прессы тотчас заявляют об этом значении. Как скоро же пресса выдвинула значение явления, публика обращает на него еще большее внимание. Внимание публики побуждает прессу внимательнее и подробнее рассматривать явление. Интерес публики еще увеличивается, и органы прессы, конкурируя между собой, отвечают требованиям публики.

Публика еще больше интересуется, пресса приписывает еще больше значения. Так что важность события, как снежный ком, вырастая все больше и больше, получает совершенно несвойственную своему значению оценку, и эта-то преувеличенная, часто до безумия, оценка удерживается до тех пор, пока мировоззрение руководителей прессы и публики остается то же самое. Примеров такого несоответствующего содержанию значения, которое в наше время, вследствие взаимодействия прессы и публики, придается самым ничтожным явлениям, бесчисленное количество»⁵⁴.

Примите в расчет коэффициент «эпидемического внушения», когда речь идет о чудесах модернизма. То, что видел еще Толстой, давно превзойдено современной рекламой. В старом искусстве было важно любовное, добросовестное изображение реального мира. Личность художника более или менее отступала на задний план перед его созданием и тем возвышалась над собственным уровнем. В новейшем искус-

⁵⁴ О Шекспире и драме — Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 20 т. Т. 5, М., 1964, с 333—334.

стве дело обстоит как раз наоборот — то, что делает художник, все более сводится к чистому знаку, знамению его личности. «Все, что я нахаркаю, все это будет искусство, — сказал известный немецкий дадаист Курт Швиттерс, — ибо я художник». Одним словом, то, что сделано, вовсе не важно. Важен жест художника, его поза, его репутация, его подпись, его жреческий танец перед объективом кинематографа, его чудесные деяния, разглашаемые на весь мир. В конце концов он может лечить возложением рук.

И эта новая мифология меньше всего похожа на ту, в недрах которой родилось искусство. Да, превосходно искусство подлинных примитивов. Все в нем исполнено обаяния просыпающейся жизни ума и сердца, все обещает желанный расцвет. Многому можно научиться у старых мастеров нашей старой Европы, у африканцев, народных художников доколумбовой Америки. Но чему вы будете учиться — вот главный вопрос? «Нельзя вернуться обратно в чрево матери», — сказал Гете. Насколько обаятельно детство, настолько же дико желание взрослого сложить с себя бремя мысли и казаться ребенком. Вот почему, если вы не считаете наступление ночи фатальной чертой современного мира, вы должны быть против искусства, берущего из средних веков, Египта или Мексики темную абстракцию первобытности, счастливое отсутствие личной мысли, «соборность», как говорили русские декаденты — этот рай образованных душ, пресыщенных своей интеллектуальностью, своей постылой свободой.

Язык форм — язык духа и, если хотите, та же философия. Когда, например, вы видите однообразно склоненные головы, покорные глаза, иератические жесты людей, наряженных в рабочие комбинезоны или крестьянские куртки, вам ясно, что хочет сказать художник. Он соблазняет вас растворением индивидуального самосознания в слепой коллективной воле, отсутствием внутренних терзаний, счастливой бездумностью — словом, утопией, более близкой к тому, что рисует Оруэлл в своей карикатуре на коммунизм, чем к идеалу Маркса и Ленина. Мне жаль этого художника. Святая простота! Моли своего бога, чтобы твоя высшая математика не нашла себе реальной модели в действительном мире. С другой стороны, предвижу твое разочарование, когда человек в куртке, проснувшись от векового сна, как можно надеяться, не захочет позировать в роли египетского раба, подчиненного монументальному ритму и закону фронтальности. Кстати, для большинства людей музеи не являются

«сплошной ложью» (по выражению Пикассо), ибо эти люди далеки от пресыщения. Они хотят быть личностями.

Цезарь умиляется перед священной толпой, коммунисту толпа, ослепленная мифом, не нужна. Ему нужен народ, состоящий из сознательных личностей. Освобождение каждого есть условие освобождения всех, сказано в «Коммунистическом манифесте». Вот почему я против так называемой новой эстетики, несущей под внешним обликом новизны массу старых, жестоких идей.

Пусть нашим знаменем всегда будет учение Ленина. Это учение об исторической самодеятельности народных масс, и всякий цезаризм вместе с присущей ему атмосферой чуда и суеверия враждебен нашей идее. Мы стоим за сочетание живого народного энтузиазма с ясным светом науки и пониманием реальной действительности, доступным каждому грамотному человеку, со всеми элементами артистически развитой культуры, добытой людьми с тех пор, как личность вышла из слепого повиновения наследственным формам жизни.

Пусть же нам не рассказывают сказки о счастливой стране Архае и новом примитиве двадцатого столетия. Современный примитив, говоря словами Гоббса, «парень дюжий, но злонамеренный». Не советую спорить с ним в темном переулке. Пусть Кафка — умный, хотя и больной художник — восстанет из гроба, чтобы написать аллегорически дерзкий рассказ о современных поклонниках темноты, в том числе и его собственной. Я хотел бы прочесть повесть Чапека о саламандре, отвергающей штампы и традиции. Что касается меня, то я сыт примитивом двадцатого века по горло.

Вот почему я не модернист.

Роман Шорин ***Сети***

1

Сперва — при актуализации бесконечного в мире нашего сознания — создается впечатление, будто то, что актуализируется, представляет собой одну из линий бытия, одно из направлений среди других, одну из частей целого.

Так, столкнувшийся с добром, видит его поначалу как нечто, альтернативное злу. Встретившийся с красотой воспринимает ее в качестве чего-то, отличного от хаоса и недоделанности, иного им. Открывший для себя правду полагает ее лучом света, окруженным тьмой. Познакомившийся со святым (максимально лишенным эго) человеком, относится к нему как одной из возможностей жить. Почувствовавший, что любит, собирает любимое существо в нечто замкнутое, четко очерченное. И так далее.

Однако уже вскоре происходит кардинальная перемена. Все оказывается не тем, чем увиделось вначале — увиделось в силу привычек, шаблонов, автоматизмов, в также поверхностности первого контакта.

Так, добро оборачивается не альтернативой злу, а тем, что само собой разумеется, то есть единственно возможно и не предусматривает других вариантов. Красота превращается в то, что, в силу своей самодостаточности, отменяет все остальное, чтобы выступать иным по отношению к хаосу. Правда обнаруживает себя тем, что только и реально — светом, который ничем не ограничен, а, стало быть, не допускающим никакой тьмы. Через лишенного эго человека прорывается ни от чего не отделенное бытие, то есть бытие как целое, а не часть. Любимое существо оказывается любимым именно в силу своей разомкнутости, открытости, вбиранию в себя все и вся. Иными словами, оказывается олицетворением жизни как таковой (мы любим лишь то, что не строит барьер между собой и нами, что нас в себя впускает — закрытое, ограниченное полюбить просто невозможно).

Если возможно воплощающее собой полноту и цельность, то оно возможно в качестве единственного, что есть. Соответственно, если в добре, истине и красоте цельность все-таки присутствует, то они не предполагают за собой чего-то более общего, не отсылают к некоему контексту и не имеют фона, на котором могли бы выделиться и отличаться.

Взятые как цельность они перестают быть тем, что может восприниматься и наблюдаться, с чем можно находиться в тех или иных отношениях. В известном смысле они перестают быть добром, истиной и красотой, превосходя то, чему может быть дано наименование. Ведь имя полагается тому, что фигурирует внутри чего-то большего, нежели оно само; то, по отношению к чему возможна сторонняя позиция; то, про что важно, каково оно снаружи. А какая разни-

ца, каково снаружи все, какая разница, как оно — все — выглядит? И ему — без разницы, поскольку выглядеть не перед кем, и всему остальному — тоже, поскольку всего остального и нет вовсе.

При этом, конечно же, по-настоящему превзойти то, чему может быть дано наименование, можно лишь в одном случае — превзойдя вообще бытие чем-то. Потому нечто и не может быть поименовано, что оно и не «нечто» вовсе. Только так.

В общем, кто соприкоснулся с истиной, добром и красотой по-настоящему, тот не знает никаких истины, добра и красоты, не знает ничего и вообще отсутствует. Он находится там, где нет ни субъектов, ни объектов. А там (где нет субъектов с объектами) не находятся никто и ничто.

Кто только-только соприкасается с красотой, для того она нечто, отличное от бардака или уродства, им противостоящее. Но если это соприкосновение состоялось, и состоялось не по касательной, но должным образом, то уже не скажешь даже того, что красота теперь воспринимается им как невыделяемость, как единственное, что есть. Все меняется куда более радикально. Ведь единственное, что есть, никем уже не воспринимается, иначе оно просто не будет единственным. Если соприкосновение с красотой состоялось, то нет уже ни красоты, ни того, кто с ней соприкоснулся — есть то, по отношению к чему не занять сторонней позиции, чтобы сказать о нем хоть что-то. Есть не-объект, не-явление. Не ничто, но и не что-то. Есть такое, что — когда оно есть — можно смело утверждать, что ничего нет; во всяком случае, ничего, что требовало бы каких-то оценок, описаний, упоминаний, осмыслений и т.д.

Случается, что нечто показалось нам малым, однако потом было признано за большое. В случае же с цельностью, она сперва показывается нам чем-то «одним из», а потом уже не показывается вовсе, ибо цельности показываться некому, а если бы и было кому, то показывать ему было бы нечего. В самом деле, если показываться некому (некуда), то, наверное, это связано именно с тем, что показывать и нечего. Показываться нужно где-то, кому-то. Иными словами, чтобы быть тем, что может быть показано, нужно, например, предусматривать аудиторию — заодно с собой бронировать место чему-то еще. Чтобы быть тем, что может быть показано, нужно быть охватываемым взглядом, физическим или умственным, то есть чем-то, более или менее локальным — удобным для восприятия.

Другими словами, есть, что показать, равняется есть, кому или куда показаться. Чтобы быть тем, что может быть показано, нужно быть тем, что предполагает нечто более общее, например, мир, в коем ты — одно из явлений, выделяющееся на фоне всего остального. Однако когда имеет место цельность, ничего более общего нет. Нет и объекта, разделенного со своим субъектом. В общем, когда есть цельность, никто не стоит ни перед чем и ничто не стоит ни перед кем, нет никого и ничего, как бы немислимо это ни звучало.

Собственно, подлинная встреча с цельным — это никакая не встреча, поскольку открыть нечто цельное — значит открыть его единственным, что есть, а такое открытие уже явно некому сделать. Встреча с цельным только в первую секунду выглядит встречей, поскольку уже во вторую секунду обнаруживается (не обнаруживаясь нигде и ни перед кем), что из встретившихся двоих одного, вообще-то, никогда и не было, а второе представляет собой все, что есть (причем не случайное все, что есть, а закономерное все, что есть, то есть бесконечное), чтобы еще с кем-то или чем-то встречаться.

214

Кто-то, дабы не допустить покушения на эти святыни, будет настаивать, что добро, красота и истина представляют собой все-таки нечто локализованное, некий феномен в мире, а не весь мир. Пожалуйста, пусть так. Но тогда среди разрушителей святынь он, превративший их в нечто местечковое и ограниченное, окажется первым.

Да, неограниченное и всеобъемлющее уже не будет чем-то. В том числе — и святыней. Однако единственное, чем все представлено, ничуть не проигрывает оттого, что не числится святыней в несуществующих головах и несуществующем окружающем пространстве. Единственному, что есть, не нужны статусы или звания, равно как доминирование, господство, возвышение, подчеркивание его значительности или всякое прочее выделение; все это — заботы и устремления мелкого, ничтожного и временного, заведомо несамостоятельного.

Кому-то может показаться возмутительным — как это: нет красоты и нет истины? Но если бы можно было организовать его приобщение к красоте (или к истине, добру etc.), причем плотным, неотвратимым образом — мы бы посмотрели, продолжил бы он возмущаться...

Кому-то может показаться возмутительным — как это: нет красоты и нет истины? Но если бы можно было органи-

зовать его приобщение к красоте (или к истине, добру etc.), причем плотным, неотвратимым образом — мы бы посмотрели, продолжил бы он возмущаться...

2

— Кажется, я понимаю вашу мысль. Действительно, бесконечное...

— Что?! Понимаете?! Вы что-то понимаете относительно бесконечного, относительно полноты и цельности? А что про них понимать? С какой целью? Наконец, кому?

— Вы меня не дослушали, а уже кипятитесь. Я как раз хотел сказать, что хотя во многом понимаю вашу мысль, однако кое-что не вполне еще ясно. Не могли бы вы мне это прояснить, а именно: вы говорите про единственное-что-есть, что оно...

— Простите, что снова перебиваю. Но сейчас вы к кому обращаетесь? К специалисту по единственному-что-есть, по бесконечному? Но разве при том, что единственно и безгранично, находится некий пояснитель? Разве то, к чему прилагаются пояснители, бесконечно? И потом, кому этот пояснитель должен или может давать пояснения, если кроме бесконечного ничего и никого нет? Какая задача решается, какая цель достигается пониманием чего-либо про бесконечное или цельность? Задача по согласованию чьих-то представлений с реальностью? Но чьих, если никого заодно с бесконечностей попросту нет? Помощь цельности в ее утверждении на должном месте? Но она — вне каких-либо мест. Цельности ничего (ни от кого) не надо, иначе она не цельность. А кроме нее ничего нет, чтобы кому было что-то от нее.

— Простите, но вы же сами говорили... вы же сами создавали впечатление, будто разбираетесь в этих вопросах и к вам можно обратиться за уточнением.

— А вы и поверили? Может, все, что я говорил, было всего лишь проверкой. Проверкой того, считаете ли вы возможным выделять цельность и рассуждать о ней. Цельность, которая есть так, что ее нигде нет. Которая ни в каком большем, чем она, мире, не проявляется, ни на чем, отличном от нее, не отражается, ни во что не вмешивается и ни в чем не соучаствует. Вам нужны уточнения, позволяющие лучше разобраться с цельностью? Но эти пояснения требуются несуществующему в присутствии цельности существу. Говоря иначе, пояснений не требуется!

— Ага... Вот как... Я понимаю! Да, здорово! Нас-то ведь с вами и нет.

— Не о ком понимать, что его нет. И некому.

— Да? И как с этим быть?

— Не знаю. Ответа нет.

— Проблема...

— Согласен, проблема. Зато единственное, что есть, не будучи чем-то, не является проблемой вообще. И ни одной проблемы (ни для кого и ни для чего) не порождает. Даже маломальского затруднения. Поскольку то, что невыделяемо, и не является чем-то, тогда, выходит, того, чего не выделить, попросту нет. Нет невыделяемого. А на нет и суда нет. Не по чему устраивать сыр-бор. Понимаете, да? Если про что-то и в голову не придет спросить «что это?», тогда то, что оно не определено, не является проблемой. Тем более, если всякая «голова» оказывается воедино сплавлена с тем, что не вызывает у нее вопросов, то есть то, что не вызывает вопросов, вообще не отделено от своего субъекта, чтобы говорить о чем-то и о ком-то. Это понятно?

— Вы же запретили мне понимать. Зачем же продолжаете все это говорить?

216

— Я продолжаю говорить, потому меня это чертовски интригует и заводит. Благодаря этим рассуждениям, я верю, будто участвую в каком-то большом деле, кажусь себе производителем чего-то ценного. И даже догадка, что это не так, представляется мне тоже ценным продуктом, производство которого имеет смысл. Я, конечно, довольно быстро обнаруживаю, что это не так, но зато ценным начинает мне казаться хотя бы это обнаружение... Понимаете, в случае с бесконечным, даже догадка, что всяческое разбирательство с ним ненужно и нелепо, является продолжением этой нелепости. Другими словами, выбраться отсюда нельзя.

— Выходит, самое лучшее, что я могу сделать, это покинуть нашу беседу? Уйду от вас подальше, да и все.

— Вы можете уйти. Я могу замолчать. Но, скажем так, внутри наших умов решения проблемы нет. Нет некоей заключительной мысли, последнего вывода. Всякий вывод будет ложью. Наверное, однажды мне просто надоест развивать свои тезисы. Я перестану видеть в этом хоть какой-то смысл. Но это не сопровождается каким-то новым пониманием, какой-то вспышкой: «Ага, вижу! Вот как все обстоит. Вижу и готов рассказать, поведать всему свету». Ничего такого не будет. Вы собираетесь покинуть меня под влиянием вывода: «Все равно о бесконечном бесполезно рассуждать».

Однако само наличие такого вывода говорит о том, что внутренне вы все еще со мной, вернее, в той яме, куда я попал и откуда не могу выбраться. Да, я сейчас замолчу. А вы уйдете. Но расцепки пока не случится. Ибо слишком заманчиво то, в чьи сети мы попали, на чью удочку кладем.

— А мне кажется, все проще. Я просто запрещу себе думать на эту тему — о бесконечном, цельном и т.д.

— Этот запрет был бы действенен, введи вы его так, чтобы вы даже не догадывались о том, что ввели какой-то запрет. Поймите: подлинным решением будет только такое решение, которое вообще не просочится в сферу мышления, не станет предметом размышлений или обсуждений, а, наоборот, их остановит. В чем это решение состоит, откуда оно возьмется, как оно подействует и т.д. — это вообще не те вопросы, понимаете?

— Понимаю.

— Вот видите, как крепко мы застряли в этих сетях.

Эдуард Лимонов Властители дум⁵⁵

217

Когда в 1988/89 годах я писал в Париже книгу «Дисциплинарный санаторий», я констатировал смерть последних Великих культурных героев Запада (ещё их называют *matre a pensee* во Франции или «властители дум» в России). Селин умер в 1963 году, Мисима в 1970, совершил ритуальное групповое самоубийство «сепукку», Пазолини убили в 1975 году, Жан Жене умер в 1986 (и мне поручили написать его некролог для журнала Французской Компартии «Революсьён»), Генри Миллер умер, кажется в 1980 в глубокой старости в Калифорнии. А новых не появилось. Ну не Кундера же, не Умберто Эко ведь, не Чеслав Милош, всего лишь гибкие профессионалы. Я высказал тогда мысль, что победившая полная демократия в её «дисциплинарном» виде не может генерировать культуру.

С тех пор дела не наладились. Последний великий — Уильям Берроуз умер в девяностые, год вот, правда не помню. И на нём запас великих истощился. Хотя, постойте, нет,

⁵⁵ Из книги Эдуарда Лимонова «Контрольный выстрел» (Ульт-ра.Культура, 2004).

возможно добавить одного. Можно с известной натяжкой допустить в компанию ушедших Последних Великих философа Ги Дебора, автора оригинальной, полу-гениальной книги «Общество спектакля», главы последней «школы» Интернационала Ситуационистов. По многим он подходит тем паче, что последний troublemaker Европы Ги Дебор также от мечал исчезновение гениев и размышлял над феноменом. В тонкой последней своей книжке, почти брошюре «Комментарии к «Обществу спектакля», Дебор писал что «Общество спектакля» не терпит и не потерпит оппозиции, что ныне появление звезды «неспектаклярного», то есть не интегрированного в спектакль типа, немислимо. Что он сам с его репутацией загадочного философа нон-конформиста — исключение, уникум в своём роде. Тем самым Дебор заявлял о невозможности формирования Великого Культурного Героя нон-конформистского типа в недрах современного загадочного общества. В начале 90-х Ги Дебор покончил с собой (Он был фигурой легендарной и загадочной. Существует лишь несколько его фотографий. В 1984 году его друг и издатель «Les champs libres» Жерар (?) был застрелен в Парижском паркинге).

218

Так что Великие умерли, а новых всё нет. Вот уже лет тридцать как нет, лишь вымирали сформировавшиеся в середине прошлого века где властители дум, указыватели пути? Не появились. Раньше ведь всегда были какие-то... Такое впечатление, что даже великие интерпретаторы-исполнители, и те закончились. Где тут великие актёры? Умер Рудольф Нуриев и на смену не пришёл даже отдалённо подобный ему яркий танцовщик... Такое впечатление что скоро не будет даже солидных профессионалов, таких как Чеслав Милош или Умберто Эко...

Когда в 1988/89 годах я написал что «демократия» (имелось ввиду типовое западное общество: французское, немецкое, американское и их совокупность) не может более генерировать культурных гениев (а значит — культуру) я всё же втайне надеялся, что может. В конце-концов вокруг меня, именно в те годы жили и работали талантливейшие французские писатели и журналисты — коллектив газеты L'Idiot International.нас была целая мощная группа, человек тридцать во главе со «стариком» — Vieux Жан-Эдерн Алиером. Патрик Бессон, Марк Эдуард Наб, Морган Спортес, Шарль Дантцит, Кристиан Лаборд, Марк Коэн, Жан-Поль Круз, знаменитый новый философ Ален де Бенуа, Мишель Хокель всех не перечислить. Сегодня все эти люди известные писатели,

лауреаты всяческих премий. Мишель Хокель стал недавно лауреатом Гонкуровской премии, он — модный писатель, а ведь он был самым младшим из нас. Я лично считал самым талантливым из нас «старика» Аллиера, Бессона, Спортеса, Наба. Однако спустя десятилетие, увы, ни ядовитый Марк Эдуард Наб, блестяще дебютировавший «Марсельезой», ни трудоголик, остроумный журналист и твёрдой руки романист Бессон, никто из них не находился на полпути к величю. Не один не сумел создать те несколько фундаментальных культовых книг по которым узнаётся гений. Ибо «властитель дум» часто даже не самый лучший профессионал своего времени, но это всегда тип, играющий на больных струнах психики общества. Мои товарищи по коллективу L'Idiot доказали всего лишь что они отличные писатели, и только. Между тем, именно Франция всегда была той тонкой и умной страной, где ВСЕГДА зажигали какой-то огонь для остального человечества: один, два огня — горели там. Сейчас — мрак.

К России в этом смысле меньше претензий. Чуть ли не весь 20-й век она была отрезана от остального культурного мира и её сегодняшние «творцы» — это беспомощные бедняги, которые просто не понимают современности. У нас даже читателей нормальных мало, откуда взяться современным писателям. Потому я не могу использовать вместо Жан-Эдерн Аллиера, Патрика Бессона, или Марка Эдуарда Наба — примеры русских писателей и русскими фамилиями. Но Франция! Но мои очень и очень талантливые, умные товарищи! Почему?

Полагаю проблема не только в них: нет некоей нужды, нет нужной напряжённости в социальном климате Франции (по крайней мере в климате того социального слоя в котором живут авторы «L'Idiot»), чтобы дать моим товарищам по «L'Idiot» решимость на величие. (Чуть дальше я объясню эту несколько загадочную фразу). «Старик» Жан-Эдерн, тот хотя бы посягал на особую позицию. Дитя своего времени он бунтовал со студентами в 1968 и ездил к Пол Поту в только что занятый Красными Кхмерами Пном Пеня. Старше всех нас, он основал «L'Idiot» в 1973 году вместе с Великим (ну возможно не столь Великим, как казалось, но культурным героем) Сартром и Симон де Бовуар. Жан-Эдерн конкретно знал, что Великие были, он их видел, общался, жил рядом. Жан-Эдерн написал два десятка демагогических, суетных, светских, модных книг в которых были претензии на величие. Страницы последних его книг очень хороши. Какие-то из

них. Но полемист, позёр и бонвиван всё же пересиливает в нём величие. Если представить труд каждого Властителя Дум как собрание сочинений, то вот первые и последние тома у Vieux есть, однако отсутствуют основные, срединные, зрелые.

Из коллектива L' Idiot ближе всех к особой позиции по отношению к обществу (в его случае презрения и высокомерия) стал Марк Эдуард Наб, в его «дневниках», шикарно изданных издательством Roshier. Но за декларируемым высокомерием не было права на высокомерие, не было культовых книг. Потому Наб был несколько смешон. Себялюбивый, начитанный модник.

Что такое «властитель дум», он же культовый герой, он же культовая фигура? Что общего между уже упомянутыми Селином, Мисимой, Жене, Пазолини, Берроузом? 1) Наличие культовых книг, в которых неистово и мощно выражено особое мировоззрение, яркий, самостоятельный и оригинальный взгляд на мир; 2) Конфликт между писателем (творцом) и обществом, выражающийся в столкновении особой социальной позиции автора (выраженной в текстах его книг, но зачастую также в журналистских статьях, а более всего в социальном поведении автора) с банальной социальной позицией общества. 3) Как следствие двух первых компонентов имеющихся в наличии, неизбежен и результат конфликта: трагическая судьба, трагический эпизод судьбы культового героя. Селин в датской тюрьме, приговорённый к смерти и последующие года остракизма его во Франции; эпизод неудавшегося захвата Генерального штаба японской армии, приведший к в ноябре 1970 года к сепукку Мисимы; трагическая жизнь и смерть Жана Жене в последующее десятилетие его бойкотировало общество за поддержку «палестинцев», «чёрных пантер», «банды Баадера»; зверское убийство Пазолини одним из его героев; Берроуз вечно на обочине, в маргинальности в родных соединённых Штатах, более известный в Европе, чем на Родине в Америке; алкоголизм и затворничество Дебора. Такова плата за гениальность и за противостояние обществу.

Теперь попробую ответить на вопрос, почему не получилось ни единого *matres a pensee* из самой талантливой литературной группы, работавшей во Франции десять лет тому назад, из редакции L' Idiot?

Политическая новая позиция была в стадии формирования: в редакции тёрлись боками левые и крайне правые, уже

одно это обстоятельство делало нас уникальными. У нас была конфликтная социальная позиция. Изначально.

Однако когда нас стали затапывать летом 1993 года, когда возник у нас уже не просто интеллектуальный конфликт с французским обществом, а возникла проблема выживания, мои товарищи, те из них, кто проходил главными обвиняемыми вместе со мной: писатель Жан-Эдер Аллиер, журналисты Жан Поль Круз и Марк Козн, философ Ален де Бенуа свои конфликты испуганно затушили, в то время как я свой раздул, усугубил, рецидивировал множество раз в Сербии и России. (И в конце концов очутился в тюрьме). Мой конфликт был не только интеллектуальным, это был и жизненный, физический конфликт. Ангажированный, я занял физически сторону последних политически корректных сил Европы: Сербии, крайне право/левых сил во Франции, националистов в России, и стал, в конце концов во главе идеологии национал-большевизма. Что разъярило западных и отечественных черносотенцев от политкорректности. В процессе конфликта я написал откровенно конфликтные, непolitкорректные книги: «Дисциплинарный Санаторий», «Убийство часового», «Анатомия героя». Две из них успели выйти во Франции по-французски: «Le Grand Hospice Occidental» и «Ya Sentinelle assassinee», и ухудшили мою и без того чудовищную, репутацию. «Анатомия героя» изданная по-русски в 1998 году оказала сильное влияние на офицеров ФСБ, которые меня арестовывали, и на тех кто впоследствии проводил следствие.

Безусловно, что и все мои книги, опубликованные до этого, начиная с «Это я, Эдичка» были конфликтными. Но в них ещё были частные конфликты: русский поэт — Америка, неудачник — Америка, подросток Савенко — Харьков. Это были заведомо бунтарские книги. Таких бунтарских книг у моих (более молодых, но начавших писательскую карьеру раньше, чем я) французских сотоварищей по L' Idiot в их послужных списках у каждого значилось. У них значились остроумные, хлёсткие, талантливые, живые романы, но не книги личной трагедии. Патрик Бессон, сын югославской матери и французского отца, едва за 30 лет был уже автором полутора десятков романов, почти живым классиком. Мы вместе издавали в издательстве Allin-Michel. Более того, Бессон числился в попутчиках тогда ещё могущественной Французской Компании и его журналистские книги выходили в издательстве ФКП, в «Мессидор». Патрик был агрессивным, хлёстким молодым человеком, его статьи в L' Idiot были при-

мером сатиры и злого языка. Бессон счастливо сочетал в себе насмешника-журналиста, лёгкого политического оппозиционера и нравящегося обществу романиста. Он получил все возможные премии, кроме разве что Гонкуровской, которая ему почему-то не давалась. Но почему, почему он не стал *matre a pensee*? Ответ можно попытаться сформулировать. В том что Бессон писал, он не доходил до трагедии, до некрасивости. Ему не хватает глубины. Его романы были слишком уютными конструкциями. В них было мало чёрного цвета. А его политические взгляды не были ожесточёнными (Я тут употребляю прошедшее время, ибо последнее время не слежу за его творчеством).

Может ли существовать сегодня Великий писатель, живущий в ладу с обществом? То есть просто писатель, просто профессионал? Нет, не может. Ему не о чем будет писать. То, что он будет производить, не будет затрагивать читателя. Сто и даже пятьдесят лет назад ещё возможны были судебные процессы общества против якобы безнравственных книг. Моего первого французского издателя Жан-Жака Повера (Jean— Jacques Pauvert) в 1957 году за публикацию собрания сочинений де Сада. В 60-х состоялся процесс над издателями «Любовника леди Чаттерлей». Сегодня общество Запада практически стало обществом вседозволенности в области личных отношений. Конфликт неверной жены Эммы Бовари, леди Чаттерлей или Анны Карениной не есть сегодня конфликт. Это мелкий эпизод личных отношений. Все личные проблемы давно не трогают читателя. Гомосексуализм? Были тонны книг по этой проблеме. Смерть от AIDS? — были тонны книг. Инцест? Тонны книг. После Фрейда и Ромео и Джульетты понятны. Писатель, углубившийся только в проблемы морали и нравственности не может стать властителем дум. А вот фашист Ромео с кусками динамита против государства — это всегда азартная тема. Что я хочу сказать, что Великим литературным конфликтом в наше время может быть только конфликт межобщественных сил общества и человека. Потому писатель сегодня обречён быть философом, социологом и этим самым Ромео с куском динамита. Только тогда он будет властвовать над думами, или переводя с французского буквально будет «учителем мысли».

Ну, и конечно, роман сам по себе выродился в неконфликтный жанр, реакционный жанр. (А буржуазным он и был, появившись на свет именно в эпоху становления буржуазии во Франции и в Англии). Роман, — это жанр констатации, это принятие общества каким оно есть. Нероман,

трудно принимается издателями во всём мире. Марк Эдуард Наб загипнотизировал своего издателя Жан-Поль Бертрана, чтоб тот публиковал его «Дневники», в то время когда Набу было всего лет тридцать! Других таких примеров я не знаю).

Дети общества куда более развитого чем российское, французские писатели (даже такого уникального направления, как собравшиеся вокруг L' Idiot International) склонны были в творчестве и в жизни, если не избегать конфликтов, то минимизировать их. Не следует забывать, что в те годы, когда я жил во Франции там был моден, и во всю проповедовался consensus. В то время как я гордился конфликтами, как наградами.

Традиционно властитель дум, культурный герой, культовая фигура искусства — человек конфликта *par excellence*, человек скандала. Упомянутые мной Селин (правые книги, связь с фашистами), Мисима (националист, монархист, самоубийство), Жене (вор, гений, поддерживающий палестинцев, чёрных пантер, террористов RAF), Пазолини (культовый страшный режиссёр «Сало, или 120 дней Содомы», попутчик компартии) и другие — были ненавидимы частью общества и обожаемы другой частью. Их мнения вызывали споры и кипение страстей. (Чтобы это произошло, мнения должны быть крайними, экстремальными). Если не все из последних *matre a pensee* были врагами общества, то в минимальном случае были его яростными оппонентами, как Пазолини и Берроуз.

В конце 60-х — начале 70-х и её *спрасе-колонии* (США, Канада, Австралия, новая Зеландия, Израиль) — пришло великое благосостояние. Изобилие, обилие благ радикальным образом изменило характер западного общества. Об этом я писал книгу «Дисциплинарный санаторий». Современному обществу consensus(a) больше не нужны ни революционеры ни оппоненты. И в первую очередь ненужны и вредны Учителя революционности и оппозиционности. Ибо если общество достигло Блаженства, то зачем его разрушать, до ещё и учить разрушать. Роль независимого морального арбитра, которую обыкновенно выполняли в обществе недостижимых гении, великие писатели, эту роль сурового критика, общество больше не хочет чтобы кто-либо впредь исполнял. Должность непредвзятого морального арбитра комментирующего общество упразднена за ненужностью. Если проблемы в обществе решаются бесконфликтно. Примирением (на самом деле они не решаются, а игнорируются), то значит нет и спроса на конфликтных индивидуумов. Великих людей

нет, потому что нет на них спроса. Потому они не формируются. Они потенциально рождаются, но не востребованы. Великий человек как редкая профессия на рынке труда — не котируется. Раз нету востребованности на такую профессию, она исчезла, ей не учатся более. Нужно быть исключительно сильным, безумным человеком, чтобы вопреки всем социальным «нет», «не требуется», «не нужны», приготовить себя к величию и стать Великим. Сколько интересно Лениных или Ганди, остановило в начале пути телевидение своей бесконфликтностью? Но возвратимся к культурным гениям.

Конфликтная, трагическая, требующая от человечества бесконфликтной гонки и изменения, мыслящая, такая культура нынче не нужна. Функции же обслуживания общества лёгкими литературными, музыкальными, визуальными грёзами, лёгкие развлекательные функции, — вполне выполняет цивилизация. Нужны песенки — пожалуйста, в каждой стране есть сотни средненьких авторов и исполнителей. Каждый сезон они выбрасывают на рынок свою одноразовую продукцию. Она служит один сезон, и выбрасывается в следующем сезоне. Нужно убить время в вагоне железной дороги, в кабинете у дантиста или в приёмной у чиновника — существуют сотни авторов, записывающих такого рода тексты для залов ожидания: детективы, любовные романы. Культура — индивидуальна. Её делает небольшая группа творцов. Её делает 3–5 главных творцов, ну семь в самые богатые времена, и ещё 15–20 вокруг, ну до тридцати, помельче. Работают эти люди обыкновенно 1/3 века, не более. Резкой смены поколений культуры нет. Идёт плавное перетекание одной группы в другую.

Цивилизация же массова. В цивилизации работают десятки тысяч. Если культура творит навсегда, то цивилизация производит продукты мгновенно, одноразового пользования. Символы цивилизации — это бумажная посуда, вымазанная обильно остатками пищи, которую вышвыривают в мусорный бак к вечеру... Вот так...

Моим французским друзьям к тому же не оставалось идеологической позиции, с устойчивой, солидной платформы которой можно было оппонировать существующей Системе. Если их предшественники сюрреалисты (Бретон, Элюар, Арагон) или Пикассо могли опереться, пошли к коммунистам, а такие культурные фигуры как Селин или Дрю ла Рошель, — к фашистам, то ребятам из L' Idiot некуда было идти, не на что опереться чтобы превозмочь индивидуальное бессилие. Левая идеология подвергалась атакам все 60-е и

70-е годы (в 1977 году активно атаковали «Новые философы» во главе с Бернаром Анри Леви, опубликовавшим «Варварство с человеческим лицом»), а впоследствии рухнули вместе с СССР. Фашизм же, — идеология очернённая и сама себя скомпрометировавшая, не была привлекательна. Ну совсем не была. К «лепенизму» — умеренному современному варианту крайне правой европейской идеологии — работа чудовищно тяжёлая. Мы пытались сварить вместе две. Нам не дали. Нас разгромили.

Подведём итоги. Культура обществу более не нужна. Автор в ранге творца и указателя дороги — не нужен. Якобы он вызывает слишком много проблем. Всегда существует к тому же опасность что *matre* завести не туда. Индивидуальная критическая мировоззренческая позиция не индивидуальна, она — массова. Цивилизация безлична. Она производит продукты одноразового пользования. Вот таким мне представляется ответ на вопрос: почему перевелись Властители Дум?

Именно сейчас их нет. Но та ситуация о которой я говорил была. И продержалась лет тридцать. Так только что было, но уже не есть так. Мир вокруг сдвинулся одним рывком с точки кажущегося спокойствия, где он пребывал лет тридцать. Я вижу развалины Мировых Торговых Центров в Нью-Йорке, я вижу яростные толпы мусульман, я вижу флаги антиглобалистов. Им нужны новые *matre* а *pensee* (Пока что они пользуются старыми, всеми сразу, как о том свидетельствует состав антиглобалистской коалиции).

О себе: я безусловно культовый писатель. И безусловно властитель дум (Ни о каком кокетстве, в моём случае не может идти и речи. Тюрьма — подтверждение моей серьёзности. Статьи по которым меня обвиняют: создание незаконных вооружённых формирований и план вторжения на территорию сопредельного государства Казахстан, не стыдно предъявить и Степану Разину). Но я сформировался в таком сложном стыке исторических и культурных ситуаций, что я глубоко нетипичен, — очень большое исключение просто редкий мутант. И родился я в исторически культурно отсталой стране и формировался кособоко и привольно в диких условиях без запретов и ограничений в культурно-социальном климате трёх стран. У меня бывало ранее такое впечатление порой, как у Ги Дебора, что я последний в своей расе. Очень надеюсь, что это не так. Я сумел унести из «L'Idiot» священный огонь, который раздул в газете «Лимонка» и там, меж её страницами, я вижу вон они, появляются вели-

колепные осатанелые физиономии воспитанных мною новых варваров, Новые Беспрецедентные Полчища.

У них нет других отцов, кроме меня. На свои вопросы они получают ответы только у меня. Это и есть — быть властителем дум. Властвовать думами. Вы, конечно, можете меня сгноить, но Ваши дети, которых я воспитал — уроют Вас. Это не Ваши дети, но мои, я отобрал у Вас Ваших детей. Ибо Вы недостойны.

Жюли Реше Желтые монстры

Из статьи Негри о “желтых жилетах” следует, что происходит нечто непонятное — “во Франции что-то насильственно восстает”. Понятно только, что это “что-то” безусловно значимое.

О значимости свидетельствует массовая поддержка (две трети населения одобряют общее движение) и инциденты неподчинения полицейских.

226

Непонятность выражена в принципиальном отсутствии повестки и отказе “желтых жилетов” вести переговоры с существующими политическими структурами.

По словам Негри, “Движение, которое выросло из этих требований, не является [...] традиционным общественным движением — или, по крайней мере, оно не принимает форму, традиционную для 20-го века, когда движение представляет свои цели институтам государства, чтобы они приняли или отказались от них, за чем следовал бы процесс урегулирования через посреднические социальные органы. Это многочисленное движение, которое не хочет посредничества, является выражением огромных социальных страданий, накопленных к настоящему времени”.

Такая форма протеста напоминает подростковый бунт, который с точки зрения родителей выглядит бессмысленным, но важен в процессе формирования самостоятельности подростка. Он указывает на становление автономности — нежелание быть зависимым от опеки парентальной фигуры, насколько бы эта опека ни была комфортной.

Национальные государства устроены по принципу традиционной семьи. Французский контрреволюционный философ Луи де Бональд рассматривал государство как расши-

ренную версию семьи, в которой отец — это активная власть (посредник между волей бога и народом), а ребенок — пассивный субъект власти.

Если раньше протесты все еще были апелляцией к родительской фигуре государства, которое должно было прислушаться и пойти на уступки, то “желтые жилеты” скорее воплощают желание разрыва родительско-детских отношений. Они не представляют собой адресованную государству просьбу о спасении, своим отказом от переговоров они нивелируют сам смысл традиционного государства.

По Негри, если предыдущие восстания “носили знак освобождения, у этого же отчаянное лицо”. Это массовое безутешное отчаяние, которое не может обрести форму — оно не знает чего требовать, лишено надежд, воплощает трагедию краха знакомого порядка.

Отчаяние — это по-взрослому. По сравнению с отчаянными поступками, радость саботажа — детская шалость, которая не упраздняет фигуру опеки и контроля, а только проявляет относительно безобидное непослушание, тем самым лишь утверждая или видоизменяя позицию подчинения.

Неоформленность напрямую связана с отчаянием и отсутствием надежд. Надежды и мечты апеллируют к прошлому, то есть всегда ностальгичны. Мечтая, человек воображает элементы прошлого, но в усовершенствованной форме. Он все ещё находится в привычной для него системе координат и исходя из них пытается сформулировать оптимальный образ, который проектирует как желаемый на будущее. По-настоящему новое невообразимо — о нем нельзя мечтать, мы еще не умеем о нем думать. Внутри существующего порядка оно скорее ощущается как крах, пустота и отчаяние — когда больше невозможны мечты и больше не на что надеяться.

Революционный акт — это акт отчаявшегося, “будь что будет, но так больше нельзя”. Отчаянность предполагает готовность пойти на риск и разрушить старое, несмотря на то, что вместе с его невыносимостью, прошлое предоставляло собой весь вообразимый сегодня комфорт.

Негри также говорит о том, что желтые жилеты “напоминают тюремное восстание больше, чем радость саботажа массового работника”. Если и принимать сравнение Негри с тюрьмой, то с такой, в которой мы заключены с самого рождения и поэтому нам неизвестно, что представляет собой мир за ее стенами. Мы настолько отчетливо стали ощущать

свою скованность, что, несмотря на опасность, готовы пойти на риск и вырваться за стены тюрьмы, совершенно не зная, что нас там ожидает.

Кроме того, что тюрьма стесняла наше существование, она также была единственной доступной для нас формой благоустройства — нам в ней одновременно плохо и хорошо. Мы следовали ее размеренному порядку, знали как выживать в ее условиях. Совершенно нет гарантий, что вне знакомой нас тюрьмы лучше, скорее наоборот, ведь неизвестность и неопределенность сопряжены со стрессом.

Невозможно пока отчетливо себе представить, что возможен мир, в котором к черту всю привычную схему с патерналистским государством, партиями, президентами и нациями. Но так же серьезно и нерушимо в свое время выглядели монархии и рабовладельчество, так же сложно было представить, что этому придет конец.

Каждая значительная перемена сопровождается критикой тех, кто предупреждает о возможных опасностях краха существующего порядка и указывает на его преимущества, причем в результате они оказываются во многом правы (их тоже к черту). Сегодня не принято об этом говорить, но тирания действительно во многом более удобна и надежна — в особенности для тех, кто лишен свободы (патриархат — вообще мечта, ностальгия по которому пройдет не скоро), ведь человек, который лишен свободы, находится в перманентном состоянии детства.

Негри (не впервые) выражает надежду, что “желтые жилеты” свидетельствуют о зарождении автономного множества (*multitude*). Это политическая категория, которая определяется Негри и другими теоретиками как принципиально неоднородная группа людей, объединённая лишь фактом сотрудничества или сосуществования и несводимая к монолитному единству. Множество противостоит принципам идентичности национального государства и действует не через национальные или государственные институты, а посредством стихийных горизонтальных форм сотрудничества.

Негри предостерегает о необходимости оформления “желтых жилетов”, иначе движение нейтрализуется политической системой и станет бессильным. Но при этом крайне важно сохранять неопределенность, движение не должно “редуцироваться к правым, но также и к левым: только в своей независимости это множество может функционировать». Ещё одно требование Негри — «когда мы говорим об организации, мы не собираемся создавать партийную форму

— как если бы только партийное государство могло дать организацию множеству».

В рекомендациях Негри заключен парадокс — “желтые жилеты” должны оформиться, но при этом оставаться неоформленными (в рамках существующих определений) — не должны приобретать партийную форму, быть ни левыми, ни правыми.

Современные рамки восприятия политических позиций и партий основываются на системе разделение на правых и левых. Такое разделение также апеллирует к образу семьи. Джордж Лакофф утверждает, левые и правые — не противоположности. Метафора, которая объединяет и структурирует обе политические позиции — это метафора нации как семьи. Разница лишь в идеалах семьи, которые проецируются на общество. Для правых идеал — патриархальная и моралистическая семья, для левых — семья заботящихся родителей. Автономное множество не может быть концептуализировано по образцу семьи.

Парадокс, предлагаемый Негри (оформление неоформенности), необходим. Множество может оформиться лишь как неоформленность. Ведь любая преждевременная оформленность отменит его автономность и вернёт его под опеку существующего порядка. Эта необходимость становится еще более понятной, если вспомнить размышление Негри о монструозности значимых трансформаций.

Монструозность — это ужасающая избыточность, которая порождается существующим порядком, но не вмещается в его рамки. Монструозное безмерно, его нельзя измерить существующими единицами измерения, оно требует новых.

С точки зрения существующего порядка новое выглядит как поломка или гаупость — “желтые жилеты” не знают чего они хотят. Их нужно «починить» — определить их повестку или позволить им менять направление существующей политической повестки. Но все это значило бы уничтожить главное — неоформленность и неписываемость в существующий порядок — то есть излечить от монструозности.

Монстры с необходимостью уродливы, даже сами для себя. Они воплощают новое, неопределенное и малопривлекательное, красоту которого еще не умеют видеть.

Уродливость “желтых жилетов” подметил в своей аналитике Анатолий Ульянов:

“Клич о сбрасывающем оковы народе сопровождается прямым эфиром этого народа: грубого, агрессивного, неотёсанного [...]. Восставшие нищebroды кажутся варварами, позарившимися на мир, который им не принадлежит. Восстание является их языком — способом сказать: “я — существо, я — человек”.

Единственное, что объединяет движение — сами желтые жилеты. Это одежда, смысла которой не быть красивой, а делать человека заметным.

Ульянов, как и Негри, считает принципиально необходимой организацию “желтых жилетов” (для сохранения их эффективности). Эту организацию он связывает с наделением движения красотой, которая превратит его в аккумулятор власти.

В соответствии с направлением мысли Негри, красота жёлтых жилетов должна быть красотой уродливого. Их не следует пытаться вписать в существующий уклад, придать им понятную красоту и вообще понятность (по крайней мере, не сразу). Все что сегодня считается изысканным и понятным прошло стадию неприятия и отторжения — было монструозным.

По утверждению Негри, не стоит надеяться, что восстание жёлтых жилетов — событие, которое способно раз и навсегда установить новый порядок, скорее это одно из проявлений зарождающейся силы, которая будет долгое время противостоять в качестве неассимилирующегося избытка существующему порядку — “если пока нет никакой возможности для прихода к власти множества, все же, существует возможность систематического сохранения движения повстанцев открытым. Эта ситуация описывалась термином “двойная власть”: сила против власти. События во Франции говорят нам только об одном: разорвать эти отношения уже невозможно. Ситуация с “двойной властью” сохранится и будет продолжаться долго, либо скрытно, либо, как это происходит сейчас, в ее явной форме”.

Голос бунтующей монструозности больше не заглушить, остается только прислушиваться и овладевать его бессмысленным варварским языком и привыкать к тому, что светотражающий желтый — новый черный.

Источники:

Antonio Negri on the Gilets Jaunes and the new wave of protests in France,
<https://www.versobooks.com/blogs/4158-french-insurrection>.
Antonio Negri, *Empire and Beyond*, Cambridge: Polity Press, 2008.
Louis de Bonald, *Du Divorce considéré aux XIXe Siècle*, Paris, 1801.
George Lakoff, *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*, Chicago, University of Chicago Press, 2002.
Анатолий Ульянов, Некрасивая толпа,
<https://dadakinder.com/txt/2018/12/ugly-crowd>.

misologia

Артур Вафин, Ева Рапопорт Ногти без волос: (по)пытка символического анализа

232

Согласно мифологии панк-ансамбля с элементами дворового шансона «Волосатые ногти», волосы и ногти в буддизме есть зло; ногти и волосы — самое отвратное из физического (ментальное не трогаем), что может быть в человеке. Лидер группы Михаила Зуйков вспоминает: «Первоначально я, ОТЕЦ МИХАИЛ (ЗУЙКОВ) планировал назвать этот проект «Волосатые Ноги», по песне, вошедшей в дебютный альбом. Но мой друг Александр МИХЕЛЬСОН, буддист с 15-летним стажем, предложил свою версию названия — ВОЛОСАТЫЕ НОГТИ — обосновав это так: “среди прочих достоинств, данный вариант имеет также глубочайший философско-мистический смысл: согласно тибетско-буддистской и даосской традициям, волосы и ногти — самые поганые части человеческого тела”»⁵⁶. Сергей Леготин отмечает, что символизм волосатых ногтей предельно прозрачен⁵⁷. В анализе могут помочь и Фрейд, и Юнг, а мы добавим, что и Лакан, Менегетти и Жюли Реше тут тоже многое могли бы сказать. «Ноготь растет на пальце, а последний — это психологический заместитель фаллоса, или, если выйти за рамки сексуальной инфантильности — Логос, основополагающий принцип, закон, по которому действует мужская природа. Конкретизирующее упоминание ногтя, опять же по Фрейду, инициирует образ головки penis’a, проще говоря — залупы, вызывающе обнаженной, не покрытой крайней плотью», — пишет Леготин.

Отметим, что буддийская философия негативного отношения к ногтям, предложенная Михельсоном, возможно, существует. Однако практика жизни показывает, что, к примеру, тайские буддисты, то есть те, кто принадлежат к тра-

⁵⁶ Сайт коллектива «Волосатые ногти»: <http://vnogti.myl1.ru>.

⁵⁷ ВОЛОСАТЫЕ НОГТИ. КОМПЛЕКСЫ: мифографическая памятка (с картинками). Ишим: Самиздат.

диции Теравады, никакого принципиального отвращения к ногтям и волосам не испытывают. В данной традиции имеется медитативная практика, направленная на освобождение от всего иллюзорного, которая предполагает представлять себя без пяти наиболее внешних «частей тела»: волос на теле и голове, ногтей, зубов и вообще кожи. Это самые внешние части тела, их отсутствие (или свершившееся разложение) представить легче всего. Хотя есть и варианты медитации на отсутствие внутренних органов...

В нашем опусе волосы из ногтей будут вырваны с корнем. Во-первых, мы делаем это по соображению экономии. Проблематика волос настолько обширна, что буквально может покрыть, если не закрыть, ногтевую тему. Во-вторых, исследование волос и ногтей должно проходить не в синтезе, а в разложении, без соподчинения одного феномена другому.

Приступим. К ногтям!

В современной литературе проблематика ногтей известна и раскрыта. Еще классик русского неobarocko Венедикт Ерофеев писал о пользе, правда, не ногтей, а лака для них, в приготовлении легендарной «Слезы комсомолки». Ногти в русской литературе сакральны. Сакральны — значит амбивалентны. Ногти могут быть отвратительны, но *volens nolens* ты ими заворожен(а), ты преклоняешься перед ними. Сакральность производных эпидермиса блистательно описана в «Ногтях» певца и прозаика Михаила Елизарова. Так блистательно, что повесть понравилась даже Владимиру Богомякову⁵⁸. Один из героев «Ногтей» — это юный шаман Бахатов, который как гарусник сплевывал на газету десять прозрачных полумесяцев «и, в зависимости от того, как легли ногти, делал выводы о будущем. Под влиянием ногтей информация, напечатанная в газете, трансформировалась в предсказание, Бахатов получал программу поведения на следующий месяц»⁵⁹. Как считает писатель и художник Владимир Сорокин, явно отсылая всех нас к мудрости Жоржа Батая, палец, но не просто палец, а палец, ноготь которого поражен грибком⁶⁰, — такой палец любви не помеха⁶¹. Не просто отвратный ноготь, но ноготь уродливый, грибковый,

⁵⁸ Богомяков В. Лаборатория бытийной ориентации #47. Всего лишь ногти. <http://www.topos.ru/article/356>.

⁵⁹ Елизаров М. Ногти. М.: Ad Marginem, 2001. С. 69.

⁶⁰ Тут Сорокин явно сложнее Батая.

⁶¹ См. интервью Сорокина журналу «Harper's Bazaar»: <https://bazaar.ru/heroes/mnenie/vladimir-sorokin-interview>.

вдвойне сакральный — он тоже может быть любим. И жизнь наша — тому подтверждение.

К обычному, не тронутому болезнью, ногтю Сорокин относится критически. Здоровый ноготь — воплощение тоталитаризма. Сорокин вспоминает: «Столько дичи вокруг. Мы были с женой в Переславле. Было жаркое, пыльное лето. Там на территории монастыря стоял храм, где венчали. Из этого храма выкатила бандитская бригада, человек пятнадцать с ежиками на головах — все в смокингах и с бабочками. Только на ногах у них были ковбойские сапоги. Жених нес на руках невесту, и я увидел его левую руку, пухлую руку потомственного крестьянина: на мизинце рос вот такой ноготь. Это блатная традиция, это идет еще с довоенных сталинских лагерей. Блатные отпускали себе там ноготь, и это показывало, что он не работает. А вообще это из Китая: у китайских чиновников тоже были такие ногти, они даже чехлы на них костюмные надевали. Это показывало ранг. Я думаю, ноготь попал в сталинские лагеря из Китая через Дальний Восток — и потом в Переславль»⁶². По сей день в Индонезии длинный ноготь на мизинце у мужчин демонстрирует непричастность к физическому труду. Длинные ногти нередко встречаются у таксистов.

Женщины любят свои ногти. Да, они не гадают по ним, как Бахатов (для гаданий у них есть кофейная гуща, Таро и метафорические ассоциативные карты), но для них, женщин с ногтями, для женщин, следящих за ногтями, — ногти — это священное... Священное, покрытое лаком.

Что же скрывается за ногтями в символическом смысле? Подсказки нам дают названия работы с ногтями в салонах красоты.

Аппаратный маникюр. Маникюр с французского означает ухаживание за руками. Аппаратный маникюр следует интерпретировать в духе идеологических аппаратов Луи Альтюссера. Таким образом, руки, вернее, ногти, порождаемые аппаратным маникюром, могут быть семейными, школьными, властными и жгуче-красными. Небезынтересна встреча Альтюссера с Востоком в мире онихологии, когда

⁶² См. интервью Сорокина журналу «Esquire»: <https://esquire.ru/rules/87-vladimir-sorokin>.

возникают рассуждения о том, как делать правильный аппаратный маникюр по фен-шуй, граничащие с конфуцианской идеей покорности: мизинец — младший брат, большой палец — старший брат и т.д.; каждый знает свое место и свой цвет.

Биогель-лак. Произнесите вслух «биогельлак» и вы услышите «Гегель». И будете правы.

Покрытие ногтей шеллаком. Шеллак — это смола, которую извергают из себя насекомые-червецы, существа, похожие на скатоподобных чудовищ из к/ф «Чужие». Шеллак — это монструозная защита ногтей для прорыва ментальных карт.

Маникюр Deluxe. Когда-то немецкий социолог Роберт Михельс проанализировал милую его сердцу социалистическую партию; проанализировал до такой степени, что сделал неутешительный для себя (и многих левых) вывод: в каждой организации, даже в самой социалистической (и анархистской), всегда есть угнетающие и угнетенные. Так Михельс изобрел железный закон олигархии. Так Михельс из немца стал итальянцем, из Роберта Роберто, из социалиста fascista. Если вы за Deluxe, выбирайте Роберто!

У каждого маникюра своя идентичность и национальность (Deluxe — это мета-нация, потому что «над-»): **французский классический маникюр** с обрезанием кутикулы, **европейский маникюр** без обрезания, **американский маникюр** (длинные ногти с округлой формой), **горячий и модный маникюр**, **СПА маникюр** с элементами талласо- и танатотерапии.

Маникюр рекомендован экспертами людям со слоящимися ногтями, ребристыми, поврежденными, сухокожными, с пятнами, неприятными на ощупь в целом, с запахом, бликами.

Педикюр. Ключевое здесь — большой палец ноги (см. об этом у Батая). Он ужасен и прекрасен одновременно. С ним что-то не так. Не поэтому ли работать с ним так сложно каждому педикюрнику?

Дизайн ногтей. Дизайн по конструктивизму, футуризму, дадаизму, бабахасу и лайбахасу с применением метода future craft, открытого Карло Ратти, Мэтью Клоделом, Переслегиным и Щедровицким.

Меховые ногти. Сегодня это модно. Самый главный бьюти-тренд. Во время создания ногтей нейл-мастер напевает песни группы «Волосатые ногти».

Криохирургический метод. Ногти можно подпиливать, выпиливать, вытачивать и зашлифовывать; полировать тоже можно. Можно. Можно многое, но мощнее всего криохирургический метод. Философия трансгуманизма утверждает, что человек должен жить вечно. Замороженный в специальных камерах вечный человек должен иметь красивые ногти. Красивые трансгуманные ногти улучшают качество жизни человека, восстанавливают трудоспособность, дают положительный косметический эффект.

Криохирургический метод отдаляет нас и ногти от симбиоза. Мы близимся к рационализму.

Рационалистический взгляд лишает ногти тайны. Этот взгляд низводит ногти к животному и дикости, о чем написал в рассказе от первого лица Владимир Кантор⁶³:

— Вы же помните, он (один из героев рассказа, неважно — авт.) всегда говорил, что нужно начинать с себя. Он и начал. Писал, писал, а потом решил сам стать примером. Я как-то с работы прихожу, а он весь в крови без сознания на кухне. Я к нему побежала и обо что-то запнулась. — Она снова вздрогнула и поежилась.

<...>

— Да, запнулась, — повторила она и стала вытирать глаза рукой, но не заплакала. — А под ногой кончик его большого пальца с правой руки. Он себе сам все кончики пальцев обрубил, чтоб с ногтями покончить. Никто его не слушал. Вот он и решил сам доказать. Топором всё сделал. Топор-то я потом заметила. И ведь никогда им не пользовались! Особо Сева. Это про него можно было сказать, что он с двумя левыми руками. Ничего не умел делать. Как сил-то у него хватило левой рукой с обрубленными пальцами удерживать топор и на правой все пальцы отсечь. Залечили ему кое-как. Но ничего не может делать. А может, и не хочет. Не брезгает, шинков сам себе не завяжет. И на меня обижен, что я так же не сделала, что вроде я ему и не верная жена. А кто бы тогда обед ему готовил, в квартире прибирался, его бы обихаживал?.. — оправдывалась она.

Мораль. Не рубите пальцы. Не ломайте руки и ноги. Не рвите волосы на своей голове и голове чужого. Не вырывайте ногти. Берегите друг друга. Любите друг друга.

Мир есть любовь.

⁶³ Кантор В. Ногти.

<http://magazines.russ.ru/october/2002/2/kant.html>.

Дополнительные материалы к сведению и размышлению

Длинные ногти — это уже, в общем-то, когти. Но какие это ногти, длинные дикорастущие или же обработанные, сознательно удлиненные? В любом случае, налицо проявление демонического и звериного. Нечисть всегда и у всех с когтями. А в балийской культуре, например, принято даже зубы подпиливать, потому что человеческое и культурное — это хорошо, а проявления хоть немного звериного в человеке — плохо. В общем-то, и в западной культуре длинные ногти, как элемент женской сексуальности — это тоже про животное и демоническое, учитывая, что женщин постоянно подзревали в занятиях колдовством (до викторианской эпохи) и разнузданности.

Ох уж эта разнузданность! Делез стучит коготочками по столу. Марлон Брандо больше не танцует танго, он становится равным женщине, бесконечно повторяя одну из самых нежных сцен в мире кинематографа.

Нежнее только любовь идиотов фон Триера.

Мир есть любовь.

Содержание номера

Разумный невежда

4

п р о з а

Ислам. Дитя

6

Дмитрий Никитин. Свидание с семьей

11

Вадим Климов. Одноклассницы

16

а р х и в

Корреспонденция Мартина Хайдеггера и Эрнста Юнгера: 1949–1965	32
--	----

['intəvju:]

<i>Луи-Фердинанд Селин</i> . Три интервью	64
---	----

ш к о л а т р у п о в

Кладезь человеческого благоразумия. От Черепахи Зенона до барона Канильи	80
---	----

vice versa

<i>Вадим Климов</i> . Марсианские объятия	91
---	----

к а м у ш е к в б о т и н к е

<i>Душан Маккавеев</i> . Нипочем не угадаешь, у кого в кармане лягушка	94
---	----

polaroid

<i>Маруся Климова</i> . Холод и отчуждение	111
--	-----

extremum

<i>Ален де Бенуа</i> . Краткая история идеи прогресса	146
<i>Герман Тоннесен</i> . Счастье — для свиней: философия против психотерапии	156
<i>Миша Вербицкий</i> . Примитив завтра	184
<i>Михаил Лифшиц</i> . Почему я не модернист?	199
<i>Роман Шорин</i> . Сети	211
<i>Эдуард Лимонов</i> . Властители дум	217
<i>Жюли Реше</i> . Желтые монстры	226

misologia

<i>Артур Ваффин, Ева Рапопорт</i> . Ногти без волос: (по)пытка символического анализа	232
--	-----

**Журнал «Опустошитель» и книги одноименного
издательства можно приобрести в магазинах:**

Москва:

Фаланстер | Малый Гнездниковский пер., 12/27
Ходасевич | Покровка, 6
Гнозис | Турчанинов переулок, 4, стр.2
Циолковский | Пятницкий переулок, 8, стр. 1
Москва | Тверская, 8, стр. 1
Библио-Глобус | Мясницкая ул., 6/3, стр. 1

Санкт-Петербург:

Все свободны | Набережная реки Мойки, 28
Подписные издания | Литейный проспект, 57
Фаренгейт 451 | Улица Маяковского, 25
Свои книги | Кадетская линия, 25

Екатеринбург :: Йозеф Кнехт | улица 8 марта, 7
Новосибирск :: Открой Рот. Книжный Водка Бар | Ленина, 8
Ставрополь :: князь МЫШКИН | улица Космонавтов, 8
Краснодар :: Bookowsky | Рашпилевская улица, 106, этаж 3
Тель-Авив :: Бабель | Yona HaNavi, 46

Все издания можно также заказать
в редакции на сайте shop.pustoshit.com
и интернет-магазинах ozon.ru, librabook.com.ua (Украина),
mybooks.by (Беларусь), и biblio-globus.us (США).